

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 3 | № 3
Volume 3 | 2017

СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 3, №3. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2409-1634

Volume 3, № 3. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2409-1634

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благозевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинюк В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сасунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdairaymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagozević, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolatin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjević, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmahn, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University, Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryzanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Белова Т. П., Крупина А. В. Отношение к праздникам как показатель воцерковлённости студенческой молодёжи

3

Belova T. P., Krupina A. V. Attitude to holidays as an indicator of the churching of students

3

Вукчевич Н. Есть ли у постмодерна религия?

10

Vukcevic N. Is there the post-modern religion?

10

Гаджимурадова Г. И. Трудовая миграция как фактор религиозной нестабильности в регионах России: угрозы и риски

17

Gadzhimuradova G. I. Labor migration as a factor of religious instability in Russian regions: threats and risks

17

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Брагина З. В., Максименко А. А., Тимонин А. Ю. Отношение к благотворительности молодежи Костромской области

23

Bragina Z. V., Maximenko A. A., Timonin A. Y. Attitudes towards the charity of the youth of Kostroma region

23

Мастикова Н. С., Усачева О. А., Ермолаева Ю. В. Осажденный Алеппо как модель глобальной критической ситуации

37

Mastikova N. S., Usacheva O. A., Ermolaeva Y. V. Besieged Aleppo as a model of global critical situation

37

Трифуневич В. С. Изменения в обществе и образовании: образовательные политики и христианские ценности

55

Trifunovic V. S. Changes in society and education: educational policies and christian values

55

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Ермолаева Ю. В. Глобальные схемы управления отходами: социологический подход

61

Ermolaeva Y. V. Global waste management models: a sociological approach

61

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-9

Белова Т. П.¹
Крупина А. В.²

ОТНОШЕНИЕ К ПРАЗДНИКАМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
ВОЦЕРКОВЛЁННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Ивановский государственный университет,
ул. Ермака, д. 39, г. Иваново, 153025, Россия

¹⁾ *tpbelova@yandex.ru*

²⁾ *123life96@mail.ru*

Аннотация. В статье подчёркивается актуальность изучения в современной отечественной социологии процесса воцерковления и воцерковлённости как его результата, обосновывается значимость исследования отношения к религиозным праздникам как одного из показателей воцерковлённости. Эмпирическую базу статьи составляют результаты анкетного опроса, проведённого в июне 2016 г. в Ивановском государственном университете и Ивановском государственном энергетическом университете по стратифицированной пропорциональной выборке. При характеристике уровня религиозности и воцерковлённости использовались следующие индикаторы: религиозная и конфессиональная самоидентификация, частота и мотивация хождения в храм, знание Евангелий и других религиозных книг, знание молитв и частота их совершения, соблюдение постов и понимание их смысла. Отношение к праздникам исследовалось в когнитивном и практических аспектах. Результаты анкетирования сопоставлялись с данными других опросов, а также с теоретико-методологическими положениями концепций российских и зарубежных социологов.

Ключевые слова: воцерковление; показатели воцерковлённости; религиозная и конфессиональная самоидентификация; студенчество.

Tatyana P. Belova¹
Alexandra V. Krupina²

ATTITUDE TO HOLIDAYS AS AN INDICATOR
OF THE CHURCHING OF STUDENTS

Ivanovo State University,
39 Ermak St., Ivanovo, 153025, Russia

¹⁾ *tpbelova@yandex.ru*

²⁾ *123life96@mail.ru*

Abstract. The article emphasizes the importance of studying the process of churching and being in good standing in modern Russian sociology as its result. It substantiates the significance of studying the relationship to religious holidays as one of the indicators of being in good standing. The empirical basis of the article is the results of a questionnaire survey conducted in June 2016 at Ivanovo State University and Ivanovo State Energy University on a stratified proportional sample. The following indicators were used to characterize the level of religiosity and being in good standing: religious and confessional identity, the frequency and motivation for visiting the church, the knowledge of the Gospels and the other religious books, the knowledge of prayers and the frequency of praying, observing fasts and the understanding of their sense. The attitude to holidays was investigated in cognitive and practical aspects. The results of the survey were compared with the data from other surveys, as well as with the methodological and theoretical provisions of the concepts of Russian and foreign sociologists.

Keywords: churching; indicators of being in good standing; religious and confessional identity; students.

Введение (Introduction). Одно из популярных направлений исследований в российской социологии религии – изучение процесса воцерковления. Начало ему было положено В. Ф. Чесноковой. Она сформулировала теоретическое понятие, разработала методiku его измерения и апробировала ее в количественных социологических опросах Фонда общественного мнения. Воцерковление, в интерпретации Чесноковой, – это «добровольное признание человеком влияния Церкви», которое осуществляется через личное усвоение «установленного в ней образа жизни и образа мыслей», при чём «усвоение образа мыслей происходит параллельно и в тесной связи с усвоением образа жизни» (Чеснокова, 2005: 18). Эта методика использовалась в эмпирических исследованиях ФОМ (*Воцерковленность православных...*, 2015) и Ю. Ю. Синелиной (Синелина, 2006). В последние годы обсуждение российскими социологами теоретико-методологических и эмпирических сторон социологического изучения воцерковления и воцерковлённости не прекращается (Алексеева, 2009; Белова, 2015; Дивисенко, 2016; Ипатова, 2004; Лебедев, 2013; Рыжова, 2016; Уфимцева, 2013).

Теоретический обзор (Theoretical review). Как правило, в качестве показателей воцерковленности православных христиан используются пять переменных, предложенные В. Ф. Чесноковой: «частота посещения храма», «частота причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «пост». Но возможно использование и других индикаторов, например, «отношение к религиозным праздникам», т.к. он тесно связан с православным образом жизни, который, как отмечала Валентина Фёдоровна, является главным «проводником устойчивого влияния Церкви на человека», а потому, утверждала она, «начинать изучение религиозности населения... следует именно с

понятия образа жизни» (Чеснокова, 2005: 18-19).

Отношение к конкретным православным праздникам (прежде всего, к Пасхе) в постсоветское время стало специальным предметом эмпирических исследований, проводимых с использованием различных методик¹.

Отношение к праздникам как показатель воцерковлённости нами рассматривается как отношение к знаменательным, с точки зрения православной традиции, дням, отмечаемые верующими в память о тех или иных событиях. Когнитивный аспект этого отношения предполагает уровень знания дат праздников, их смыслов, символики; а практический – действия, которые совершаются в дни этих праздников и установки на праздничные практики.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В июне 2016 г. было проведено поисковое исследование методом анкетного опроса студентов первых – четвёртых курсов Ивановского государственного университета и Ивановского энергетического университета (N=100 чел.). Выбор классического и технического университета был обусловлен исследовательской установкой на сравнение данных по группам различных направлений подготовки. В ИВГУ опрашивались студенты, обучающиеся на социолого-психологическом, экономическом, юридическом факультетах и факультете романо-германской филологии, в ИГЭУ – на электромеханическом, теплоэнергетическом факультетах и факультете экономики и управления. Указанный состав факультетов позволил опросить равное количество юношей (N=50 чел.) и девушек (N=50 чел.) по гуманитарному, экономическому и техническому направлениям подготовки.

К религиозным или сомневающимся, но ближе к религиозным отнесли себя 37% всех опрошенных, из них 48% женщин. Наибольшие показатели религиозности отмечены у

¹ В соцсетях о Пасхе написали почти 2 млн пользователей: в два раза больше, чем в 2014 году. URL: [http://sreda.org/2015/v-sotssetyah-o-pashe-napisali-pochti-2-mln-polzovateley-v-dva-raza-bolshe-chem-v-](http://sreda.org/2015/v-sotssetyah-o-pashe-napisali-pochti-2-mln-polzovateley-v-dva-raza-bolshe-chem-v-2014-godu/)

2014-godu/235994 (дата обращения: 15.04.2015); Великий пост и Пасха: Пресс-выпуск, 13.04.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/13/velikij-post-i-pasha-3/> (дата обращения: 14.04.2017).

студентов гуманитарного направления (вместе с сомневающимися 41,8%), а наименьшие – у студентов технического направления (соответственно – 32,4%). В целом среди студентов-технарей более половины отнесли себя к сомневающимся, колеблющимся между верой и неверием (58,8%). Среди студентов-экономистов преобладают нерелигиозные люди (54,8%). Таким образом, подтверждается наличие «светского паттерна сознания молодого поколения» (Лебедев, 2007: 88).

Среди студенческой молодежи выявлена следующая конфессиональная самоидентификация:

- православные – 45,0%;
- неверующие без конфессиональной принадлежности – 24,0%;
- верующие без конфессиональной принадлежности – 23,0%;
- христиане без конфессиональной принадлежности – 7,0%;
- буддисты – 1,0%.

Поскольку в ивановских вузах в основном учатся выпускники средних учебных заведений г. Иваново и Ивановской области, то логично сопоставить полученные данные с результатами опроса в рамках проекта «АРЕНА», проведённого в 2012 г. По Ивановской области они были такими:

- православные – 55,0%, из них:
православные в Церкви – 47,0%,
православные вне Церкви – 8,0;
- верующие без конфессиональной принадлежности – 28,0%;
- христиане без конфессиональной принадлежности – 2,0%;
- неверующие – 13,0%;
- буддисты – 0,0% (АРЕНА, 2012: 171).

Сравнение данных двух опросов позволяет выявить следующие тенденции: во-первых, в среде студентов двух ивановских вузов отмечается меньшая доля православных (но

примерно такая же, как православных в Церкви); во-вторых, примерно равная доля внеконфессиональных верующих (но с большим количеством «христиан вообще»); в-третьих, более значительная доля нерелигиозных. Что касается буддистов, то в исследованиях, проводимых на территории Ивановской области, они встречаются только в молодёжной среде (но всегда на уровне статистической погрешности).

Православных выявлено примерно равное количество среди мужчин (46,0%) и женщин (44,0%), что опровергает стереотип о православии как о «женской религии». Неверующих без конфессиональной принадлежности традиционно больше среди мужчин (30% против 18% женщин). Верующих и христиан без конфессии оказалось больше среди женщин (соответственно 30% и 8%, против 16% и 6% среди респондентов мужского пола).

По признаку направления подготовки конфессиональная самоидентификация выглядит следующим образом: наибольшая доля православных среди технарей (53,0%), наименьшая – среди экономистов (34,3%); по неверующим распределение обратное: 20,5% технарей и 28,5% экономистов; среди последних больше всего верующих без конфессии (25,7%) и христиан без конфессии (11,5%). Буддистом себя определил мужчина-гуманитарий. Православными среди студентов гуманитарного направления определили себя 48,3%, неверующими – 22,7%, верующими без конфессии – 19,3%, христианами без конфессии – 6,5%.

Противоречия между группами по религиозной и конфессиональной идентификации выявляются в любом социологическом исследовании, проводимом в постсоветской России. Мы специально сопоставили эти группы (таблица).

Таблица

**Самоопределение по отношению к религии в зависимости
от конфессиональной самоидентификации (в %, N=100)**

Table

**Self-determination in relation to religion in dependence
from confessional self-identification (in%, N = 100)**

Самоопределение по отношению к религии	Конфессиональная самоидентификация					Все респонденты
	Православие	Вера без конфессии	Христианство без конфессии	Буддизм	Неверие/без конфессии	
Определённо нерелигиозный человек	2,2	13,0	0	100	58,4	19
Скорее нерелигиозный человек	11,1	39,1	28,6	0	33,3	24
Сомневающийся, но ближе к нерелигиозному	26,7	21,8	14,3	0	8,3	20
Сомневающийся, но ближе к религиозному	46,7	21,8	57,1	0	0	30
Скорее религиозный человек	11,1	4,3	0	0	0	6
Определённо религиозный человек	2,2	0	0	0	0	1
Всего	100	100	100	100	100	100

Самой последовательной является идентификация по признаку неверия, так как никто из этой группы не считает себя религиозным человеком, в то время как, только каждый четвёртый «верующий вообще» относит себя к таковому. Наибольшая доля религиозных людей отмечается в группе православных (вместе с сомневающимися 60,0%). Именно об этих студентах можно говорить, как о включённых в процесс воцерковления.

Картина по другим показателям группы православных студентов следующая.

Не реже раза в месяц в храм ходит 1,0% студентов, 2-3 раза в год – 46,6%, были несколько раз в жизни – 42,2%, никогда в жизни не были – 0,2%. Таким образом, у большей части православной молодёжи отсутствуют постоянные контакты с церковью. Аналогичное явление отмечается на Западе, и оно расценивается как свидетельство «о неприятии молодыми людьми традиционной институциональной религии в пользу новых форм духовно-

сти» (Каргина, 2013: 110). Основными мотивами посещения храма у православных студентов являются: потребность поставить свечку – 75,6%, помолиться – 53,3%; исповедоваться и причаститься – 22,2%, принять участие в богослужении – 13,3%. Практически никто из опрошенных не знает и не читает Евангелия (таковых 91,1%), 40% никогда не молятся, 86,7% не постятся, 57,8% понимают пост, в первую очередь, как время отказа от определенной пищи.

Интересно отметить, что студенты с православной идентичностью чаще, чем все остальные респонденты (46,6% против 12,7%) указывали на то, что на их отношение к религии повлияли родители. Эти результаты логично вписываются в контекст рассуждений Ч. Тейлора о том, что сегодня, несмотря на «гораздо меньший уровень преемственности поколений в религиозной приверженности», продолжают отмечаться и, возможно, развиваться «коллективные варианты религиозного выбора». При этом в качестве одной из причин

данной тенденции канадский учёный называет «непрекращающееся значение праздника» (Тейлор, 2017: 639), что служит дополнительным аргументом актуальности выбора темы нашего исследования.

Практически все опрошенные студенты, не зависимо от религиозной и конфессиональной самоидентификации, знают христианские праздники: Пасху – 87,0%, Рождество – 79,0%. Однако у них нет понимания иерархии праздников, принятой в православном вероучении: 65,0% всех респондентов (68,8% православных и 61,8% представителей других конфессиональных идентичностей) ставят Рождество на первое место. Пасха в представлениях 60,0% опрошенных (53,3% православных и 65,5% с другими конфессиональными предпочтениями) занимает второе место. При этом 76,0% респондентов (из которых 91,1% православных) понимают религиозный смысл Пасхи и практически в каждой семье его отмечают.

Аналогичная ситуация с богородичными праздниками. В качестве главного праздника студенты называют Рождество Богородицы (44,0% всех опрошенных, 46,7% православных). Приоритет Успения Богородицы признаёт каждый десятый респондент (11,0%) и лишь незначительная доля (4,4%) православных студентов.

Специальный акцент в опросе делался на вопросы, связанные со свадебными церковными практиками. Например, мы выясняли осведомлённость студентов о том, можно ли играть свадьбу на Благовещение: 67,0% всех респондентов и 62,2% православных ответили, что не знают; отрицательный (правильный) ответ дали соответственно 11,0% как всех опрошенных и столько же православных.

Далее студентам предлагался тестовый вопрос на знание самой популярной поры свадеб в дореволюционном прошлом. Основная часть всех опрошенных (65,0%, из них 66,0% мужчин и 64,0% женщин) и большинство православных (68,9%) выбрали дату 30 сентября (Вера, Надежда, Любовь и мать их София). Правильный ответ «14 октября (Покров)» указали 14,0% респондентов (8,0% мужчин и

20,0% женщин) и 13,3% православной молодёжи. Наименьшее число выборов пришлось на 27 сентября (постный день) – 9,0% от всех (10,0% мужчин, 8,0% женщин) и 11,1% православных, но никого из студентов с религиозным самоопределением.

Следует отметить то, что, когда выявлялось понимание студентами смыслов поста, им, в том числе, предлагался вариант «время, когда нельзя играть свадьбу». Он оказался значимым для 6,0% опрошенных и 11,1 православных. Эти результаты отразились и на ответах на вопрос о возможности венчаться, жениться (выходить замуж) на День Петра и Февронии. Утвердительный ответ дали 54,0% всех респондентов (50,0% мужчин, 58,0% женщин) и 73,3% православных, а отрицательный (соответствующий православным нормам) – 6,0% опрошенных (4,0% мужчин, 8,0% женщин) и 6,7% православных. Таким образом, наше исследование показало, что студенты имеют слабое представление о православных свадебных традициях.

В то же время в студенческой среде растёт значимость праздника в честь святых Петра и Февронии. Половина студентов (46,0% юношей и 54,0% девушек, 55,6% православных) знают символ этого праздника (ромашку). Для 30,0% всех респондентов и 46,7% православных День любви и верности – это 8 июля, но для 25,0% опрошенных и 17,8% православных (с невысокими показателями воцерковлённости) – это 14 февраля. Интересно отметить, что популярность дня святого Валентина выше у девушек (34,0% против 16,0% юношей) и у студентов-экономистов (37,0%). Но в основном студенты считают этот праздник католическим (53,0% всех опрошенных и 60,0% православных).

Для 32,0% опрошенных и 37,8% православных 25 января – не только день российского студенчества, но и день святой Татианы. Однако традиции ходить в храм в этот день у студентов ИвГУ и ИЭГУ не сложилось. Возможно, сейчас, когда начались службы в Храме Всех Святых (домовом храме ИвГУ), ситуация будет меняться.

Заключение (Conclusions). Предполагается дальнейшее изучение отношения к праздникам как показателя воцерковленности. Итак, религиозные праздники – это одно из базовых оснований конфессиональной и этнокультурной традиции, обеспечивающей преемственность поколений в религиозной идентификации. Отношение православного верующего к религиозным праздникам является важным показателем воцерковленности, т.к. непосредственно связано с православным образом жизни. Его когнитивный аспект отражает степень принятия вероучительных положений, а практический – их закрепление в повседневной жизни.

Результаты опроса, проведённого в двух ивановских вузах (классическом и техническом университетах), с одной стороны, говорят о высоком уровне знания студентами христианских праздников, не зависимо от конфессиональной принадлежности, а с другой, – об их слабом институционально-доктринальном понимании, включая праздники, связанные со свадебными практиками.

Данные об отношении опрошенного контингента к религиозным праздникам коррелируют с другими показателями низкой воцерковленности студенческой молодежи (частота и мотивация хождения в храм, знание Евангелий и других религиозных книг, знание молитв и частота их совершения, соблюдение постов и понимание их смысла), но в то же время свидетельствуют об интересе студентов к православной традиции, который в перспективе может послужить благоприятным условием для вхождения в церковную жизнь.

Список литературы

1. Алексеева М. С. Воцерковленность как показатель религиозности // *Социологические исследования.* 2009. №9. С. 97-102.
2. АРЕНА: Атлас религий и национальностей Российской Федерации. М.: Среда, 2012. 240 с.
3. Белова Т. П. Особенности социологического изучения процесса воцерковления православных и протестантов // *Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: Материалы Всеросс. научно-практич. конф.* с

межд. участием / отв. ред. И. Г. Кузина. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 125-128.

4. Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11587> (дата обращения: 24.08.2015).

5. Дивисенко К. С. Тесным путем и в нужном направлении: проблема выявления сильной группы православных верующих // *Социологические исследования.* 2016. №10. С. 128-138.

6. Ипатова Л. П. Православные женщины: пути воцерковления // *Устная история и биография: женский взгляд* / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М.: Невский Простор, 2004. С. 153-189.

7. Каргина И. Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // *Социологические исследования.* 2013. №6. С. 108-115.

8. Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодежи к религии // *Социологические исследования.* 2007. №7. С. 87-97.

9. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // *Социологические исследования.* 2013. №1. С. 118-126.

10. Рыжова С. В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // *Социологические исследования.* 2016. №10. С. 118-127.

11. Синелина Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных // *Социологические исследования.* 2006. №11. С. 89-97.

12. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 967 с.

13. Уфимцева Е. И. Особенности воцерковления в оценках православной молодежи // *Социологические исследования.* 2013. №1. С. 127-134.

14. Чеснокова В. Ф. Тесным путём: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005. 304 с.

References

1. Alekseeva, M. S. (2009), "Churching as an indicator of religiosity", *Sociological studies*, (9), 97-102. (in Russian).
2. ARENA: Atlas religij i nacionalnostej Rossijskoj Federacii [ARENA: Atlas of religions and nationalities of the Russian Federation], (2012), Sreda, Moscow, Russia. (in Russian).
3. Belova, T. P. (2015), "Features of the sociological study of the process of churching Orthodox and Protestants", *Problemy modelirovaniya socialnyh processov: Rossiya i strany ATR* [Problems of Modeling Social Processes: Russia and the Asia-Pacific Coun-

tries], Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conferences with International Participation, in Kuzina, I. G. (ed.), Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, 125-128. (in Russian).

4. Vocerkovlennost pravoslavnyh. Indeks vocerkovlennosti pravoslavnyh: monitoring [Churching of Orthodox. The index of the church's Orthodoxness: monitoring] [Online], available at: <http://fom.ru/TSennosti/11587> (Accessed 24 August 2017). (in Russian).

5. Divisenko, K. S. (2016), "In a close way and in the right direction: the problem of identifying a strong group of Orthodox believers", *Sociological research*, (10), 128-138. (in Russian).

6. Ipatova, L. P. (2004), "Orthodox women: ways churching", *Oral history and biography: women's view*, in Meshcherkina, E. Y. (ed.), Nevsky Prostor, Moscow, Russia, 153-189. (in Russian).

7. Kargina, I. G. (2013), "Key trends in the study of contemporary manifestations of religiosity", *Sociological researches*, (6), 108-115. (in Russian).

8. Lebedev, S. D. (2007), "The attitude of students to religion", *Sociological research*, (7), 87-97. (in Russian).

9. Lebedev, S. D. and Sukhorukov V. V. (2013), "Is not there a close way?", *Sociological research*, (1), 118-126. (in Russian).

10. Ryzhova, S. V. (2016), "Features of studying the religious identity of Russians", *Sociological research*, (10), 118-127. (in Russian).

11. Sinelina, Y. Y. (2006), "Dynamics of the process of churching of Orthodox Christians", *Sociological research*, (11), 89-97. (in Russian).

12. Taylor, C. (2017), *Sekulyarnyj vek* [The Secular Age], BBI, Moscow, Russia. (in Russian).

13. Ufimtseva, E. I. (2013), "Features of churching in the assessments of Orthodox youth", *Sociological research*, (1), 127-134. (in Russian).

14. Chesnokova, V. F. (2005), *Tesnym putyom: process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce 20 veka* [In a close way: The process of the churching of the population of Russia at the end of the twentieth century], The Academic project, Moscow, Russia. (in Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Белова Татьяна Павловна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета.

Крупина Александра Викторовна, студентка социолого-психологического факультета Ивановского государственного университета.

Tatyana P. Belova, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Personnel Management, Ivanovo State University.

Alexandra V. Krupina, Student of the Socio-Psychological Faculty, Ivanovo State University.

УДК 316.74; 316.324.8

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-10-16

Вукчевич Н.

ЕСТЬ ЛИ У ПОСТМОДЕРНА РЕЛИГИЯ?

Университет г. Белград, Факультет политических наук,
ул. Йовы Илича, д. 165, Белград, 11000, Сербия
nemanja.vukcevic75@gmail.com

Аннотация. Есть ли у Постмодерна своя религия, как, например, в античный период и в Средние века были свои религии, которые можно достаточно четко описать? В статье даны ответы на данный вопрос, а также постулированы предпосылки направления, в котором Пострелигия, если она есть, могла бы развиваться в контексте научно-технической цивилизации, являющейся одной из самых характерных для постмодерного периода. Предлагается взгляд на период Постмодерна как на совокупность значимых революций для цивилизации, с учетом существенно выделяющейся информационно-цифрово-биологической революции, в которой постмодерн достигает своей вершины. Косвенным образом, в поисках возможностей для абсолютно иного религиозного инжиниринга, который эта научно-технологическая революция потенциально обеспечивает, синкретическим и спекулятивным образом связываются религия и постмодерн, способом, который пока не был представлен в литературе. Настаивая данным способом на оригинальности, автор не видит своей цели в попытке достижения искусственной эксклюзивности. Статья представляет собой попытку присоединиться к частым авто-предупреждениям, адресованным современному человеку, или как минимум попытаться дать повод для размышления и популяризации темы с целью её четкой аргументации.

Ключевые слова: постмодерн; религия; виртуальная реальность; киборг; сознание.

Nemanja Vukcevic

IS THERE THE POST-MODERN RELIGION?

University of Belgrade, Faculty of Political Sciences,
165 Jove Ilica St., Belgrade, 11000, Serbia
nemanja.vukcevic75@gmail.com

Abstract. Is there the Post-modern religion? In terms of the ancient or the Middle Ages religion, for example, which can be described clearly enough. In this work, I will try to answer this question briefly, and to postulate the assumptions of place and way of post-modernism development. Post-modernism will be observed as a collection of important civilizational revolutions, but with the crucially dissimilar informatics-digital-biological revolution, in which the Post-modernism peaks at present but unsatisfactorily known. Religion and the Post-modernism would be syncretically and speculatively connected in a way that was not indicated so far, by seeking indirectly for opportunities to develop drastically disparate religious engineering that this scientific and technological revolution potentially allows. This insistence on originality, otherwise immanent to post-modern failures, is not aimed at false exclusivity, in no way, but rather to associate with increasingly auto-warnings to the modern human being, either, at the last but not the least, this could cause observation and propagation of the subject matter toward more precise argumentation.

Key words: post-modernism; religion; virtual reality; cyborg; consciousness.

Введение (Introduction). Когда мы говорим о религии в период постмодерна, не просто избежать спекулятивности и быть вполне точными. Этому есть множество причин. Во-

первых, понятие постмодерна настолько неопределенно, что, скорее всего, правильнее подойти к нему как к феномену, который только должен приобрести свое определение.

Во-вторых, говоря о постмодерне, мы беседуем внутри продолжающегося процесса. Это значит, что мы не знаем его финальный исход и образ, что нашу мысль ограничивает до уровня предпосылок, несмотря на то, насколько они фундаментальны и вероятны, либо если вокруг них сложился временный консенсус. В-третьих, постмодерн своеобразным способом исключает религию, в ее традиционном значении, поскольку для нее имманентно удаление метанаррации и деконструкция, с одной стороны, а также укрепление абсолютного индивидуализма, с другой стороны. Поэтому складывается ситуация, что произвольное общество с присущим ему многобожием – это общество, в котором богов настолько, сколько человек в отдельности. Для некоторых религий, как например Индуизма, такая произвольная, вернее, отдельная позиция, не только не является современной, даже не является постмодерной, а архаичной и исконной. Поэтому нет вопроса, существует ли какая-либо религия в эпохе постмодерна, потому что очевидно, что она есть; однако мы можем задать вопрос, есть ли у постмодерна своя религия? В смысле – как например, в античный период и в Средние века были свои религии, которые мы достаточно ясно мы можем описать. Если ответ отрицателен, нет необходимости рассматривать и насильственно экстрагировать религию из приложенных теологических, философских и политическо-социологических постулатов. Если, все же, ответ положителен, мы должны в минимально возможной мере смириться с его уже предварительно акцентированным спекулятивным характером, понять его как миметическое название только для размышления, и рассмотреть предпосылку генезиса постмодерной религии.

Теоретический обзор (Theoretical review). Определение «пост» имеет преимущество в глобальном дискурсе, оно почти популярное. Эпидемия «пост» понятий, как например, постиндустриальный, постсоциализм, постистина, постутопия, постколониализм, постмодерн, и так далее, понятна поскольку описывает определенный линейно-хронологический след, однако по своему содержанию она

иногда вносит больше путаницы, чем объяснений. В манере постмодернизма, подобным образом говоря, мы можем задать себе вопрос, живем ли мы в постмире как постлюди? Ответ – и да, и нет. При этом речь не идет о каком-либо риторическом трюке, либо о попытке ухода от высказывания точки зрения, а именно о том, что могло бы быть главной характеристикой темы, которой мы занимаемся, а это парадокс. Не только в качестве мысленной аттракции, а также как неотъемлемой части физики (вспомним «Близнецов» Эйнштейна), и части художественного постмодерна (вспомним писсуар Дюшана, который с помощью своей банальности парадоксально становится произведением искусства *par excellence*).

Значит, для «застрявших» в постмодерной конструкции и деконструкции, постмир и постлюди действительно существуют, равноправно и, по сути, обыкновенно даже. Конечно, для каждого из них («застрявший») перечисленные понятия, несмотря на то что имеют одинаковое обозначение, означали бы совсем другое, и единый консенсус, который был возможен в потенциальной постмодернистической дискуссии, это тот, который принимает все отдельные определения, ожидая и новые, несказанные, «априори» принимая все возможные исходы, даже противостоящие первоначальному. И это опять парадокс. Исходя из данной констатации можно подумать, что постмодерн – это одно книжное, академическое приключение, абстракция, философское созерцание, не имеющее своего отражения в повседневной жизни, однако реальность противоречит этому явлениями, раньше не отмеченными (даже не задуманными!) в истории человеческой цивилизации, или даже в человеческом бытии. Данная работа сделана с той интенцией, чтобы позже на выходе хотя бы указать на возможное явление, которое, несмотря на свою парадоксальность, будет очень даже ощутимым и реальным.

Постмодерн можно рассматривать как совокупность революций, предшествующих ему. Большинство них – это исторические манифестации, тщательно изучаемые и документированные. Поэтому в данном случае будут

только перечислены с целью ответа на предварительно заданный вопрос, который бы по своей сути можно было в описывающей форме задать в качестве дилеммы: является ли постмодерн частью исторического течения, которое, кроме своей привлекательности, все-таки принадлежит уже виденному *nihil novi sub sole*, либо это действительно одно пост-состояние, последствия которого только возникают и существенно меняют «Великий кодекс» Нортропа Фрая (Fraj, 1985), делая его беспредметным, выходя из текста, исключая сам текст, что является мысленным прецедентом. Обратим внимание на некоторые из них:

- Французская революция, учитывая переход от феодальной к ранней капиталистической системе, рождение и укрепление светского государства и гражданского общества, просветительскую философскую мысль и полностью новую экономическо-политическую систему, со временем расширяющую свое влияние и защищающую до сегодняшнего дня;

- Английская промышленная революция, 1-я и 2-я, с эмбрионом (в этот раз) неолитерального капитализма, вызывающего на этот момент необычно большие флюктуации валового внутреннего продукта, что обеспечило некоторым странам экономическое доминирование глобального характера, следы которого можно отметить и сегодня;

- Исчезновение рабства в Соединенных Штатах Америки в 1863 г. и в Великобритании в 1883 г., которое продолжилось революционным инцидентом Розе Паркс в 1995 г. и внедрением нового понятия в правовые категории – понятия права человека;

- Сексуальная революция, часто уходящая на второй план, однако глубоко проникающая в жизнь каждого человека и групп людей, а также в общественную жизнь, когда кульминировала разница полов и родов, трансгендерность, правовыми актами для однополых браков, которые признаны многими церквями;

- Две мировые войны, предшествующие постмодерну, которые по своей природе были революционными, не из-за мировых размеров (античные войны тоже думали, что покоряют

весь мир, т.е. Экумену), а вследствие огромного количества жертв и непонятных и невысказанных ранее явлений.

В отличие от перечисленных, общеизвестных, революция, говоря о которой, мы не можем льстить себе, что видим ее во всей ее величине, революция, заставляющая нас отказаться от всех теперешних знаний, заставляющая нас преследовать ее безусловно, с помощью новых выученных навыков – это информационно-цифровая революция, имеющая свой исход в искусственном интеллекте, у которого с каждым днем растут технические возможности по совершенствованию и умножению самого себя. Она несравнима с предыдущими, вышеперечисленными. Она сравнима с изобретением колеса, изобретением паровой машины, а также с шоковым состоянием людей, которое вызвали блестящие моменты революций. Она нас больше даже не шокирует, она уже часть нас, и мы перед ней в бессилии сдаемся *volens volens*.

Религия, которая испытывалась средствами массовой информации, начиная с прессы Гутенберга, впоследствии радио и телевидения, по этой причине сейчас проблематизирована несравнимо больше, чем раньше. Пока, в случае традиционных средств массовой информации, существовала проблема перформативности, т.е. возможно ли вообще участвовать в прямой трансляции литургии, которая по своей сути является самым участием (как верующих, так и Бога, в которого верят), во втором случае – новых масс-медиа – проблемой будет именно абсолютное участие в обряде, и в конечном итоге, непосредственное ощущение Бога, обеспеченное технологией Виртуальной реальности. «...То, что необходимо, и что может быть вызовом культуре масс-медиа, это поиск того, как с помощью масс-медиа и их культуры способствовать сохранению литургийной информации, которая верующего откроет к единой и незаменимой перформативности литургии, и таким образом происходящее превратит в прочитое событие» (Ajzenkol, 2011: 44). Виртуальная реальность, которая постоянна. Виртуальная реальность, которая интегральна, в

бодрийровском смысле. Симуляция, подражающая оригиналу, теряет смысл и значение. Из данной перспективы, среди перечисленных, «настоящая» постмодерная революция только начала двигаться к своему апогею. Эту вершину мы видим в Пострелигии.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Пострелигия в виртуальном мире одновременно будет и естественной, и этической. Естественной – в узком смысле неразлучности с окружением и обусловленности им. Этической со стороны того, который ее создал и контролирует всю виртуальную реальность. Несмотря на то, насколько человек придавал себе значение, он мог этот мир только обновлять, умножать, однако никак не создать. Сейчас виртуальный мир создан и бесконечно расширяется. Объявится ли его Создатель, насколько от нас не зависит; возможность принятия решения существовала только до входа в Виртуальный мир, до искусственного интеллекта, до Киборга. «Только человек – существо природы, которое в состоянии ставить под вопрос человека и природное единство человеческого рода; идти сверх возможностей человека и человеческого рода, создать мир «нечеловеческим» и «неестественным»; в форме мирового рассказа обеспечить исключительную привилегию относительно всего прочего... эта привилегия... впечатляюще показывает все признаки противостояния природе, идею насилия, борьбу против человека как природного существа» (Levit, 1990: 15).

Интересно, что никому не проблематичен дискурс искусственного интеллекта. Даже без малейшего сопротивления мы принимаем факт, что неживое существо может думать, как простое явление, о котором никто серьезно не спорит. По меньшей мере, если это не аннулирует естественный, человеческий интеллект, то полностью аннулирует образование. Почему кто-либо вообще должен думать, когда все уже обдуманно несравнимо лучше, чем это может человек; почему кто-либо должен выбирать, если уже в самом начале понятно, какой выбор лучший и понятен его крайний исход? С другой стороны, нам непонятно, что кто-либо говорит об искусственной

эмоциональности (кроме сенсильности и сенситивности, которые совершенствуются с каждым днем), и тем более об искусственной духовности. И это не случайно. Оказывается, духовность и эмоциональность – табу-темы, пока об интеллекте все любят говорить, даже когда речь идет о лексике, и тенденция того, что кто-нибудь вместо нас думает, принимается с симпатией. Гуманитарные науки терпят недостатки, которые необходимо возместить. Они все еще, достаточно часто, для описания общественной реальности используют термины, которые больше не подходят для модели культуры, в которой мы живем с конца 19-го века» (Turen, 2011: 59.).

Не очевидна связь религии, являющейся понятием для долгой исторической предрасположенности, и виртуальной реальности, киборга – которые суть понятия без истории. Эта связь все еще спекулятивная, футуристическая, на уровне утопии, со всеми принадлежащими префиксами (этой утопии). Рассел Джейкоби пишет, что первым приговором против утопии не могут быть ее непрактичность и отсутствие релевантности. Однако без нее будущее рухнет в сегодняшнее время и сужается до расчета. Но это не значит, что необходимо перестать думать или мечтать. Даже наоборот. Труд по изучению новых возможностей жизни и общества остается срочным и создает предусловие по выполнению чего-либо (Džejkobi, 2001). Руководясь упомянутыми словами, избегая технодетерминизма, мы все-таки смотрим ему в глаза. Мы считаем неприемлемым современные технологии, виртуальную реальность, искусственный интеллект, нано-роботику, генетическую манипуляцию, киборга рассматривать как отдельные технологические феномены, не влияющие на реальность и сознание человека и общества в целом, потому что уже сейчас ее в большой мере значительно изменяют, и будущие перспективы, как бы они ни выглядели невозможными и спекулятивными, могут нас удивить своим осуществлением. «Реальность, которая создается в последние века, и из которой мы создали принцип, эта реальность именно

сейчас возникает»... после устранения «объективной реальности, присутствуем при росте Интегральной реальности, Виртуальной реальности, которая базируется на дерегулировке самого принципа реальности» (Bodrijar, 2009: 7).

Предусловия для цифровой религии, которая была бы религией постмодерна, уже существуют, умножаются и развиваются. Прошло уже много времени с тех пор как теоретики постмодерна указали на то, что современные технологии отлучают от современных образов жизни, к которым мы привыкли, способом, о котором раньше невозможно было даже подумать. К данному консенсусу смело добавим следующее: образы жизни не относятся только к общественной парадигме, когда случай религии все-таки проще «более естественно» изучать, но относятся также к биологическим формам жизни, к нашей жизни, потенциально приводящей к совсем новому и, прежде всего, непредвидимому сознанию. Источник рождения такого сознания был бы в Киборге, который бы в качестве интерфейса самому себе постоянно был подключен к виртуальной реальности, которая дала бы определенный вид тела. Развитие такого существа может быть религиозное, с одной стороны, потому что частично находится в предыдущей человеческой рамке, в которой религия неизбежна, и с другой стороны – в рамке, в которой может восстановиться непредвиденным способом, о котором мы знаем только, что она устраняет все предыдущие. Поэтому Дона Харавей выбирает киборга, даже когда предложено божество (Haraway, 2017). Здесь постулируется изменение индивидуального или общественного сознания не традиционным способом, а в биологическом контексте, определенным способом эволюционным, поскольку приводит к новой форме. Значит, процесс этот обратный, и большие общественные изменения, упомянутые революции, не влияют на облик, меняющий его, но *non sequitur* новый облик создает новое окружение. «Все данные примечания приводят к одному выводу – произошло разрушение и исчез универсум, который мы называли «социальным» (Turen, 2011:

10). В данном контексте это тревожит, и необходимо поднять вопрос, будем ли мы свидетелями создания новой глобальной религии, верующие которой будут живым интерфейсом. Таким образом, рассматривая это, мы ближе к субституции реальности Пола Вирилоа, чем к симуляции Бодрияра и Джеймсона.

Попытаемся быть более точными. Сегодняшний человек, как общеизвестно и доказано, отличается от человека периода античности. У сегодняшнего человека другое представление о мире, и соответственно этому – другое сознание. Если бы «снять шкуру» с этих двух картин мира, субъектом обоих различных миров является одинаковый организм. «Человеческая природа, а не исторический мир, переживет все исторические изменения, от греческого полиса до христианского общества Средних веков, и государство, и города, в которых мы живем» (Levit, 1990: 245). В случае Виртуальной реальности и киборга, который мы пытаемся постулировать, у истока различных взглядов нет одинакового субъекта, и он не сводится к одному организму. Механическая и ВСИ (Brain Computer Interface) связь киборга – это потенциально другой организм, похожий, однако, на другой с подсознанием, которое может быть *differentia specifica*. Невозможно доказать, что это так, однако нельзя доказать, что это не так, пока оно само не случится. А это происходит. Есть пример Нила Харбиссона (Neil Harbisson) на эту тему. Здесь речь не идет о генетическом скрещивании живых клеток, оно давно достигнуто. Здесь речь идет о скрещивании живых клеток и цифровой технологии, что дает пространство для спекуляции и непредвиденного, ранее несуществующего сознания. Нил Харбиссон – это доказательство, что упомянутое скрещивание оперирует в плане ощущений, и это уже достаточно теоретически показательно. «Макс Миллер, Адальберт Кун и вся немецкая школа *Volkerpsychologie* исходят... от утверждения, что она (речь идет о религии), также, как и все остальные наши познания, должны были начаться с какого-то чувственного опыта» (Dirkem, 1982: 76). И Кант показывал, что каждое наше познание должно базироваться на

опыте. Если это данный случай, пространство для религиозного инжиниринга без какого-либо трансмиссионного наследия широко открыто, до исключительно новой религии, новой в полном и абсолютном смысле этого слова, религии постмодерна, которую уже назвали *Пострелигией*.

Заключение (Conclusions). Идея о необходимости ожидания новой религии на горизонте нашего будущего, как это говорил Тойнби (Arnold J. Toynbee), не новая. До него и Эмиль Дюркгейм (Emile Durkheim) пророчески еще во время своей жизни анонсировал новую религию, правда, больше говоря, что она призвана, чтобы трансформироваться, но никак не к тому, чтобы исчезнуть. Научно-технологическая революция, имманентная Постмодерну, обеспечивает полностью новое понимание пророческих утверждений двух упомянутых ученых, способом, который до сих пор не учитывал настолько широкий обзор, и раньше просто не был осмыслен. Соединение живого и неживого, которое уже достигнуто в ощущении (Nil Harbison) в будущем в синергии с искусственным интеллектом, может привести к новому сознанию. В этой пограничной точке одновременно перестают быть все спекуляции и все знания, а также начинаются все возможные спекуляции и непонятное познание. Это «Алеф – точка», центр которой находится везде, а периметра нигде нет. «Переход из сегодняшнего века в будущий, это переход от благодати веры в благодать наблюдения» (Mandzaridis, 2011: 127). Несмотря на то, что один греческий теолог имел представление о жизни после смерти, данные слова полностью применимы в контексте, который мы пытаемся позиционировать. Научно-технологическая революция постмодерновому человеку даст возможность «видеть», всеми чувствами испытать Бога, у него не будет необходимости верить в Него. «Виртуальная реальность может искусственное представить настолько реально, что оно становится более реальным, чем сама реальность... Виртуальная реальность нам допускает ощутить данную ситуацию своим телом... использовать чувство «бытия» (Negropont, 1998: 113). «Альтернативно, мы

сможем жить в наших компьютерах» (Negropont, 1998: 199). «Каждое поколение будет более цифровым от предыдущего» (Negropont, 1998: 218).

Пока существует необходимость в интерфейсе, не являющимся частью человеческого организма, мы говорим об опасном и спекулятивном феномене виртуальной реальности, однако когнитивная дистанция все-таки присутствует, пусть даже в малейшем количестве. Но в момент скрещивания искусственного интеллекта с организмом путем ВСИ технологии, когнитивная дистанция абсолютно исчезает, и в результате этого возможно новое подсознание, новое тело – а это новое существо, что может быть политическим пространством для новой картины мира, нового порядка и новой религии, которую мы здесь назвали Пострелигией.

Список литературы

1. Ajz nekol M. Crkva pred izazovima medija. Zemun: Most Art, 2011.
2. Bodrijar Ž. Pakt o lucidnosti ili intelegencija zla. Beograd: Arhopelag, 2009.
3. Debre R. Uvod u mediologiju. Beograd: Clio, 2000.
4. Dirkem E. Elementarni oblici religijskog života. Beograd: Prosveta, 1982.
5. Džejkobi R. Kraj utopije // Časopis Beogradski krug. Beograd: Čigoja štampa, 2001.
6. Filozofija i teologija u kontekstu znanstvenotehničke civilizacije // Zbornik radova. Sveučilište u Zagrebu. Zagreb: Katolički Bogoslovni Fakultet, 2016.
7. Fraj N. Veliki Kodeks. Beograd: Prosveta, 1985.
8. Haraway D. Cyborg Manifesto. 2017.
9. Levit K. Svjetska povijest i događanje spasa. Avgust Cesarec. Zagreb. Svijetlost: Sarajevo, 1990.
10. Manadzaris J. Georgije. Globalizacija i univerzalnost. Beograd: Službeni glasnik, 2011.
11. Mašarević L. Mediji i postmoderna stvarnost // Pregledni naučni članak, 2009. DOI: 10.2298/SOC1002127M.
12. Negropont N. Biti Digitalan. Beograd: Clio, 1998.
13. Jerotić V., Jovanović M. Religija između istine i društvene uloge. Beograd: Dereta, 2009.
14. Religija, moderna, postmoderna, Filozofsko-teološka razmatranja, Znanstvena knjižnica Zadar. Zadar, 2006.

15. Remon R. *Religija i društvo u Evropi*. Novi Sad: Akademska knjiga, 2017.

16. Turen A. *Nova paradigma*. Beograd: Službeni glasnik, 2011.

References

1. Ajz nekol, M. (2011), Church against the challenges of the media, Most Art, Zemun, Serbia. (*in Serbian*).

2. Bodrijar, Z. (2009), Pact of lucidity or intelligence of evil, Arhopelag, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

3. Debre, R. (2000), Introduction to mediology, Clio, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

4. Dirkem, E. (1982), Elemental forms of religious life, Prosveta, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

5. Dgejkobi, R. (2001), "The End of Utopia", *Magazine Belgrade Circle*, Čigoja štampa, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

6. "Philosophy and Theology in the Context of Scientific-Technical Civilization" (2016), *Proceedings*, University of Zagreb, Katolički Bogoslovni Fakultet, Zagreb, Serbia. (*in Serbian*).

7. Fraj, N. (1985), *The Great Code*, Prosveta, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

8. Haraway, D. (2017), *Cyborg Manifesto*, Serbia. (*in Serbian*).

9. Levit, K. (1990), *World history and the event of salvation*. August Cesarec. Zagreb, Svijetlost, Sarajevo, Serbia. (*in Serbian*).

10. Manadzaris, J. (2011), *Globalization and universality*, Službeni glasnik, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

11. Macarevich, L. (2009), *Media and postmodern reality*, *Reviewed scientific article*, DOI: 10.2298/SOC 1002127M. (*in Serbian*).

12. Negropont, N. (1998), *Being Digital*, Clio, Beograd, RS. (*in Serbian*).

13. Jerotich, V. and Jovanovich, M. (2009), *Religion between truth and social roles*, Dereta, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

14. *Religion, Modern, Postmodern, Philosophical-Theological Considerations* (2006), Zadar Scientific Library, Zadar, Serbia. (*in Serbian*).

15. Remon, R. (2017), *Religion and Society in Europe*, Akademska knjiga, Novi Sad, Serbia. (*in Serbian*).

16. Turen, A. (2011), *A new paradigm*, Službeni glasnik, Beograd, Serbia. (*in Serbian*).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Вукчевич Неманя, аспирант Университета г. Белград, Факультет политических наук.

Nemanja Vukcevic, PhD Student, University of Belgrade, Faculty of Political Sciences.

УДК 314.7; 316.48

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-17-22

Гаджимурадова Г. И. | ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ:
УГРОЗЫ И РИСКИ

Институт социально-политических исследований РАН,
ул. Фотиевой 6, стр. 1, Москва, 119333, Россия
Кафедра демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ,
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
gadzhimuradova7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям трудовой миграции из Центральной и средней Азии в Россию. В статье поднимаются вопросы социальной адаптации мигрантов с иноконфессиональной культурой. Показана опасность «экспорта террористической угрозы» из стран-доноров, которыми являются преимущественно страны Средней Азии. Названы причины миграции в Россию и вовлечения мигрантов в религиозные объединения экстремистской направленности. Указывается роль глобализации в растущей интернационализации религиозного экстремизма. Показана связь международного терроризма с эффектом глобализации. В статье дается ответ на вопросы о том, каковы угрозы и риски стабильности и как это связано с трудовой миграцией из республик Средней Азии, какова роль спецслужб и всего общества в деле предотвращения террористической активности мигрантов, что можно предложить для ликвидации причин попадания мигрантов в террористические организации.

Ключевые слова: Терроризм; спящие ячейки; глобализация; миграция; Центральная Азия; теракты; вербовка.

Gul'nara
Gadzhimuradova

LABOR MIGRATION AS A FACTOR OF RELIGIOUS
INSTABILITY IN RUSSIAN REGIONS: THREATS AND RISKS

Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotiyeva St., Moscow, 119333, Russia
Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the features of labor migration from Central and Middle Asia to Russia. The article raises questions of social adaptation of migrants with an inoconfessional culture. The danger «from the terrorist threat» from the donor countries, which are mainly the countries of Central Asia, is shown. The reasons for the migration to Russia and the involvement of migrants in religious communities of extremist direction are named. The role of globalization in the growing internationalization of religious extremism is pointed out. The connection between international terrorism and the effect of globalization is shown. What are the threats and risks to stability and how does this relate to labor migration from the Central Asian republics? What is the role of special services and the whole society in preventing the terrorist activity of migrants? What could be proposed to eliminate the causes of migrants entering terrorist organizations?

Keywords: terrorism; sleeping cells; globalization; migration; Central Asia; terrorist attacks; recruitment.

Введение (Introduction). Российская Федерация является страной, которая принимает значительное количество мигрантов. Страна-донорами для России, в основном, являются республики бывшего Советского Союза. Но основную роль в формировании потоков мигрантов для нашей страны в настоящее время играют страны Центральной Азии. Формирование потоков трудовой миграции, ориентированных на Россию, обусловлено совокупным действием нескольких факторов. Одним из основных является экономический фактор, связанный со спадом производства в этих странах, низким уровнем заработной платы, высоким уровнем безработицы, отсутствием рабочих мест, распространением бедности, избытком трудовых ресурсов.

В Российской Федерации на протяжении 1990-2010-х годов произошло сокращение численности трудоспособного населения. Это обострило дефицит трудовых ресурсов на российском рынке труда, усилило конкуренцию за трудовые ресурсы, активизировало трудовую миграцию из посылающих стран. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии – основных поставщиках трудовых мигрантов для России, выглядит кардинально противоположной. Прогнозы свидетельствуют о том, что к 2050 году численность населения трудоспособного возраста увеличится: в Узбекистане – на 6,4 миллионов, в Таджикистане – на 2,8 миллионов, в Туркменистане – на 900 тысяч, в Кыргызстане – на 600 тысяч человек. Даже при ускоренном развитии экономики этих государств все трудоспособное население в них не сможет быть трудоустроено.

Теоретический обзор (Theoretical review). Помимо трудовой миграции из стран Средней Азии наблюдается учебная миграция, брачная миграция, миграция на постоянное место жительства. На долю иммигрантов из этого региона приходится более 53% общего миграционного прироста России по миграции на постоянное место жительства (*Миграционные мосты в Евразии...*, 2012). Вместе с тем, интенсивно растет доля представителей титульных народов стран Центральной Азии (таджиков, узбеков, киргизов, казахов, туркмен). Например, в миграционном обмене между

Россией и Таджикистаном в 2000-е годы каждый третий мигрант, прибывший и осевший в России, был представителем титульных национальностей стран Центральной Азии, в обмене с Киргизстаном – таким был каждый десятый, а с Узбекистаном – каждый восемнадцатый. В Республике Казахстан примерно 31% постоянных мигрантов приходится на жителей стран Центральной Азии (в том числе на выходцев из Узбекистана – 17%, Киргизстана – 12%, Таджикистана – 2%) (Картирование неурегулированной миграции..., 2015).

После распада Советского Союза и краха идеологии коммунизма, в частности, политики интернационализма, полиэтнического общества, в которых негласно основным выражением идентичности являлся ислам, оказались без мощного регулятора межнациональных и межконфессиональных отношений. На место образовавшегося вакуума и идеологической дезориентации пришла исламская идеология, которая не делила людей по этническому принципу и, как казалось тогда многим, могла стать объединяющим началом в регионах с компактным проживанием мусульман. Особенно эти процессы усилились с началом «парада суверенитетов» в бывших советских республиках, с преимущественно мусульманским населением: республиках Центральной Азии, Азербайджане и др. В настоящее время радикальный ислам на фоне общественно-политических проблем в арабских государствах и Афганистане, становится глобальной угрозой XXI века, заполняя в Центральной Азии идейно – политический вакуум.

Именно идеологическая доктрина ислама делает исламский экстремизм и такое его проявление, как терроризм, чрезвычайно опасным для общества. Феномен международного терроризма оказался напрямую связанным с эффектом глобализации. Глобализация и растущая интернационализация религиозного экстремизма, связанного с исламом, уже свершившийся факт, перед которым сегодня оказался весь мир. Как верно заметил Э. Соловьев: «Террористические организации достаточно легко освоились в меняющемся мире с проницаемыми границами и размывающимся территориальным суверените-

том. Они усвоили новые приемы и методы организации, адаптировались к стремительному развитию коммуникационных и информационных технологий. Международные террористические организации смогли приобрести свое нынешнее влияние только в условиях проницаемости международных границ и размывания суверенитетов, что во многом и было результатом глобализации» (Соловьев, 2004).

Экономики стран Центральной Азии испытывают значительное экономическое давление со стороны возвращающихся трудовых мигрантов, попавших в России в «чёрные списки» с запретом на въезд на 3, 5, и 10 лет, что не только обостряет социально-экономическую ситуацию внутри самих этих стран, но и усиливает риски для этих трудовых мигрантов, становящихся объектом вербовки со стороны радикальных и экстремистских групп. Страны Центральной Азии со своей стороны прилагают усилия к тому, чтобы не допустить такую радикализацию и преодолеть социальные, экономические и правовые факторы уязвимости, но ресурсы их ограничены. Для России, при неблагоприятном исходе событий, это может обернуться нестабильностью политической ситуации в странах-соседях, что усиливает риски дестабилизации для страны, особенно в её приграничных и миграционно-подвижных регионах. Не секрет, что и в среде трудовых мигрантов существуют террористические агентурные сети, спонсируемые ИГ, которые используют приезжих в своих преступных целях. Одной из задач ИГ (организация запрещена в России) является в том числе и дестабилизация обстановки в Центральной Азии.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В настоящее время, одним из государств, которое в наибольшей степени страдает от террористической активности исламистских группировок, наряду с большинством стран Европы и Ближнего Востока, становится Россия. Большая часть территории России по уровню террористической угрозы мало чем отличается от Западной Европы. Агентурные сетевые структуры «революционного джихада» (организация, деятельность которой запрещена в РФ), в том числе спящие ячейки, присутствуют в том

числе и на территории Российской Федерации. Медиациентром ИГ (организация запрещена в России) является агентство «Аль-Фуркан». Продукция медиациентра нацелена в большей мере на иностранную и иноязычную аудиторию и производит как собственные фильмы, так и субтитры к фильмам других медиаподразделений ИГ, таких как «Аль-Фуркан» и «Аль-И’тисам». Основные языки, которыми оперирует медиациентр «Аль-Хайят»: арабский, английский, немецкий, французский, русский и ряд др.

В Центрально-азиатских республиках выросло целое поколение молодых людей, которые не знают языка, культурных особенностей народов России, выросшие и воспитанные в иной религиозно-культурной парадигме. Попадая в Россию, большинство из них становится легкой добычей криминальных и радикально-религиозных структур. Социальная адаптация мигрантов происходит в условиях и по законам криминализованного социума, где на первом плане стоят лидеры национальных диаспор, криминальные авторитеты, коррумпированные чиновники и офицеры МВД.

В свою очередь, исключенность мигрантов из российского общества, их изоляция и самоизоляция, ведущие к появлению «параллельных» мигрантских сообществ, не только усиливает разобщенность групп населения, проживающих и работающих в РФ, но и снижает сопротивляемость мигрантов к экстремистским посылам, усиливает риски их вербовки представителями радикальных и экстремистских групп уже внутри самой РФ. Отсутствие адаптационных программ в РФ для мигрантов увеличивает разобщённость между трудовыми мигрантами, часть из которых со временем становится российским гражданами, и российским обществом, оставляет мигрантов наедине с рисками и вызовами, с которыми они сталкиваются в период длительного пребывания в РФ.

В последние годы проблема так называемой «террористической эмиграции» из Средней Азии стоит очень остро и даже демонстрирует тенденцию к росту. По имеющимся данным, на сегодняшний день из Таджикистана в Сирию и Ирак выехало около 1100 человек или 13,3 человека на 100 тыс. населения. Из

Кыргызстана выехало 600 человек (10,5 чел. / 100 тыс.), из Казахстана – более 300 человек (примерно 1,8 чел. / 100 тыс.). Точных данных по Узбекистану и Туркменистану нет, по примерным прикидкам, оттуда в Сирию и Ирак выехало до 2000 человек. В 2016 г. наиболее активный поток боевиков шел из Таджикистана, где после попытки переворота и запрета Партии исламского возрождения начался рост террористической активности¹.

В августе 2015 года Общественная палата запустила горячую линию по противодействию вербовщикам террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Чаще всего на горячую линию поступают сообщения о вербовке студентов в радикальные и деструктивные течения ислама. У ИГ (организация запрещена в России) есть разработанная «карта специальностей», которой экстремисты руководствуются во время вербовки. Чаще всего они стремятся привлечь российских студентов – переводчиков и программистов, предлагая им высокооплачиваемую работу. Они продвигают себя на 24 языках, и после арабского и английского на третьем – русский. Именно поэтому им так необходимы лингвисты, а также специалисты IT-технологий, психологи и врачи. Как показывает практика, сетевые организации ИГ (запрещена в России) блестяще владеют способами психологического воздействия на потенциальных жертв. Так, например, произошло с Варварой Карауловой², которая не смогла даже после возвращения в Россию прекратить общение с вербовщиками.

В сети вербовщиков попадает, преимущественно, молодежь от 16 до 35 лет, традиционно мужчины, но в последние годы они часто увозят за собой к террористам жен и сестер. Ярким примером этому является попытка российских властей вернуть на родину из иракского Мосула детей, которых, подвергшиеся влиянию ИГ родители, вывезли из России в Ирак и Сирию (Петелин, Баксичева, 2017).

Часто причиной «террористической эмиграции» становится не столько ультимативная

нищета, сколько отсутствие жизненных перспектив. Отсутствие доступа к социальным лифтам, коррупция, дискриминация по национальному признаку, клановость – все это толкают людей к связям с террористическим подпольем. А впоследствии они пополняют ряды боевиков ИГ (запрещена в России). Например, в Ошской области этнические узбеки по факту лишены возможности поступить в вуз или пойти на госслужбу из-за межнациональных проблем и изоляции своих общин. В Западном Казахстане остро стоит проблема кланового nepотизма, отсутствия нормальных социальных лифтов, неблагоприятный социальный фон, включая криминализацию молодого поколения. В других случаях за уходом в террористы стоят личные проблемы – развод, несостоявшийся брак, поиски второй половины (чаще среди женщин), конфликт с семьей.

Агентурные сетевые структуры «революционного джихада» (организация, деятельность которой запрещена в РФ), в том числе спящие ячейки, присутствуют и непосредственно на территории Российской Федерации. В России основную проблему составляют нелегальные мигранты и радикалы, которые занимаются вербовкой молодежи в экстремистские группы. Российскими спецслужбами только в 2015 году были установлены около 3 тыс. человек, подозреваемых в участии в боевых действиях на стороне террористических организаций в Афганистане, Сирии и Ираке. Не так давно была пресечена деятельность радикально-религиозной группировки «Рахнама», которая занималась рекрутированием на территории нашей страны (в Свердловске, Челябинске, Тюмени) бойцов для ДАИШ (запрещенной в России организации). В рядах боевиков состоят граждане 80 государств, в том числе некоторых стран, входящих в ШОС, Франции, Великобритании, Германии, Марокко, Саудовской Аравии, США, Канады и др. Пропаганда религиозного экстремизма ведется непрерывно. По заявлению

¹http://ruskline.ru/opp/2017/aprel/27/terroristicheskaya_e_migraciya_iz_srednej_azii_rastyot/

²(авт.) В мае 2015 года студентка МГУ В. Караулова пыталась присоединиться к ИГИЛ на территории Сирии,

но была задержана в Турции и отправлена в Россию, где в декабре 2016 года была приговорена к 4,5 годам заключения в колонии общего режима.

генсека ОДКБ Н. Бордюжи, в рамках операции «Прокси» структуры ОДКБ выявили более 57 сайтов, используемых для вербовки жителей Центральной Азии в террористическую группировку ДАИШ (запрещенной в России) и другие экстремистские организации. И события последних лет показывают, что эффективных способов их выявления пока не найдено. Задержание в Санкт-Петербурге, Москве и других российских городах трудовых мигрантов из Средней Азии, готовивших или совершивших террористические акты, в очередной раз свидетельствует о существовании среди них террористического подполья³.

Мы должны понимать, что в среднесрочной перспективе страны Центральной Азии будут оставаться основными миграционными донорами для России и Казахстана. Хотя некоторые эксперты считают, что текущий экономический кризис, усиливающаяся социально-культурная дистанция между молодыми мигрантами и российским населением, а также жесткая миграционная политика Российской Федерации могут существенно снизить приток трудовых мигрантов из Центральной Азии.

Заключение (Conclusions). Что можно предложить для ликвидации причин попадания мигрантов в террористические организации? В первую очередь, на наш взгляд, необходимо внести прозрачность и ясность в формирование и распределение миграционных потоков из Центральной Азии в Россию, которая подразумевает под собой централизованные программы трудоустройства и размещения мигрантов. Во-вторых, необходима серьезная работа в сфере религиозного быта, религиозного просвещения, отслеживание деятельности религиозных объединений, пропагандирующих нетерпимость, вражду к другим конфессиям и предлагающим радикальные способы борьбы, пресечение деятельности подпольных организаций экстремистской направленности. Это касается не только деятельности спецслужб, но всего гражданского

общества и официальных религиозных объединений. И в-третьих, как предлагает руководитель Евразийского аналитического клуба Никита Мендкович, необходима социальная работа по линии этнических и культурных сообществ, от языковых курсов и культурных мероприятий до клубов знакомств. Необходимо дать возможность трудовым мигрантам жить в стране пребывания социальной жизнью, а не искать ее суррогат в сектах и радикальных кружках (Мендкович, Амелина, 2017).

На этом фоне вполне своевременным и обоснованным является законопроект, расширяющий основания, по которым гражданам России могут запретить выезд из страны в том случае, если ему будет объявлено официальное предостережение о недопустимости действий, которые создают условия для совершения преступлений террористической направленности. В статье «террористический акт» также предлагается повысить нижний порог наказания с восьми до пятнадцати лет лишения свободы. Законопроект предлагает снизить возраст уголовной ответственности за терроризм до 14 лет. Наказывать, говорится в проекте, будут за прохождение обучения в террористическом сообществе или участие в террористической группировке. Он направлен на создание дополнительных механизмов противодействия террористическим и экстремистским проявлениям. Это поможет повысить эффективность системы выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма и иных форм экстремизма (Рустамова, Рождественский, 2016)⁴.

Список литературы

1. Картирование неурегулированной миграции в Центральной Азии 2011. Астана: Международная организация по миграции, 2015. С. 49.
2. Мендкович Н., Амелина Я. «Террористическая эмиграция» из Средней Азии растет. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/aprel/27/terroristicheskaya_a_emigraciya_iz_srednej_azii_rastyot/ (дата обращения: 20.08.2017).

³<https://www.unian.net/world/1860386-vzryiv-v-peterburge-zaderjali-predpolagaemyih-posobnikov-terroristov.html>

⁴<http://www.rbc.ru/politics/07/04/2016/57066bd29a79476287d3bd8e>

3. Миграционные мосты в Евразии: Сборник докладов и материалов участников международного симпозиума / Под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева. М.: Экон-информ, 2012. С. 6-7.

4. Петелин Г., Баксичева Р. Сироты джихада: Россия пытается вернуть из Мосула 48 детей, которых родители вывезли в ИГ. URL: <https://russian.rt.com/world/article/414739-irak-siriya-deti-rossiya-ig> (дата обращения: 20.08.2017).

5. Рустамова Ф., Рождественский И. Депутаты введут новые ограничения на выезд из России. URL: <http://www.rbc.ru/politics/07/04/2016/57066bd29a79476287d3bd8e> (дата обращения: 20.08.2017).

6. Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. 2004. Т. 2, №2(5). С. 71-83.

References

1. *Kartirovanie neuregulirovannoj migracii v Centralnoj Azii 2011* [Mapping of unregulated migration in Central Asia 2011], (2015), International Organization for Migration, Astana, Kazakhstan, 49. *Russian*.

2. Mendkovich, N. and Amelina, J. (2017), Terroristicheskaya eh migraciya iz Srednej Azii rastyot ["Terrorist emigration" from Central Asia is growing] [Online], available at:

http://ruskline.ru/opp/2017/aprel/27/terroristicheskaya_emigraciya_iz_srednej_azii_rastyot/ (Accessed 15 August 2017). *Russian*.

3. *Migracionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia] (2012), *sbornik докладов i materialov uchastnikov mezhdunarodnogo simpoziuma*, in

Ryazantsev, S. V (ed.), Ehkon-inform, Moscow, Russia, 6-7. *Russian*.

4. Petelin, G. and Baksicheva, R. (2017), *Siroty dzhihada: Rossiya pytaetsya vernut iz Mosula 48 detej, kotoryh roditeli vyvezli v IG* [Orphans of jihad: Russia is trying to return 48 children from Mosul, whom the parents took to the Islamic State], [Online], available at: <https://russian.rt.com/world/article/414739-irak-siriya-deti-rossiya-ig> (Accessed 15 August 2017). *Russian*.

5. Rustomova, F. and Rozhdestvensky, I. (2016), *Deputaty vvedut novye ogranicheniya na vyezd iz Rossii* [Deputies will introduce new restrictions on leaving Russia], [Online], available at: <http://www.rbc.ru/politics/07/04/2016/57066bd29a79476287d3bd8e> (Accessed 15 August 2017). *Russian*.

6. Soloviev, E. (2004), *Setevye organizacii transnacionalnogo terrorizma* [Network organizations of transnational terrorism], *Mezhdunarodnye process*, 2, (2 (5)), 71-83. *Russian*.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, старший научный сотрудник, доцент, кандидат философских наук, доцент.

Gadzhimuradova Gul'nara, Senior Researcher of the Center for Social Demography and Economic Sociology, PhD in Philosophy.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.354

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-23-36

Брагина З. В.
Максименко А. А.
Тимонин А. Ю.

ОТНОШЕНИЕ К БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Костромской государственный университет,
Институт экономики, кафедра маркетинга и менеджмента
ул. 1 Мая, д. 14, Кострома, 156000, Россия
Maximenko.AI@gmail.com

Аннотация. Тема благотворительности сегодня становится не просто актуальной, но и модной. Благотворительных фондов с каждым годом становится все больше. В отсутствии сильного религиозного влияния, в светском современном российском обществе Президентом РФ продекларирована идея поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и волонтерства. В этой связи довольно интересной проблемой является понимание отношения молодежи к благотворительности. В ходе он-лайн опроса костромичей и последующего анализа собранных данных удалось выявить основные драйверы, обуславливающие поколение Y заниматься благотворительностью. Результаты исследования показали, что респонденты стали бы больше оказывать благотворительную помощь, если будут уверены, что их денежные средства пойдут по назначению. Среди условий для активизации благотворительной деятельности были указаны: более высокий заработок, если в качестве взноса приемлема даже небольшая сумма, больше наличия информации о возможностях оказания благотворительной помощи, личное знакомство с людьми, нуждающимися в помощи, ощущение морального удовлетворения.

Ключевые слова: отношение к благотворительности; молодежь Костромской области; мотивация благотворительности; условия для благотворительности; ментальные барьеры благотворительной деятельности.

Zinaida V. Bragina
Aleksandr A.
Maximenko
Alexander Y. Timonin

ATTITUDES TOWARDS THE CHARITY OF THE YOUTH
OF KOSTROMA REGION

Kostroma State University, Institute of Economics, Department of Marketing and Management
14, 1 May St., Kostroma, 156000, Russia
Maximenko.AI@gmail.com

Abstract. The theme of charity today is becoming not just relevant, but also fashionable. Every year, the number of charity funds is getting bigger. In the absence of strong religious influence, in the secular modern Russian society, the President of the Russian Federation declared the idea of supporting socially oriented non-profit organizations and volunteering. In this regard, an interesting problem is the understanding of the attitude of the youth in charity. During the online survey of Kostroma residents and subsequent analysis of the collected data, it was possible to identify the main drivers that cause the generation of Y to engage in charity. The results of the survey showed that respondents would be more likely to provide charitable assistance if they are confident that

their money will be spent as intended. Among the conditions for the activation of charitable activity there were indicated the following: higher earnings, if even a small amount is acceptable, more information about the possibilities of charitable assistance, personal acquaintance with people who need help, a sense of moral satisfaction.

Key words: attitude to charity; youth of Kostroma region; motivation of charity; conditions for charity; mental barriers to charitable activities.

Введение (Introduction). Тема благотворительности и ориентации на альтруистические формы поведения в последнее время снова набирает обороты. Так, в 2013 году ВЦИОМ совместно с фондом Добро (mail.ru) провели интернет-опрос (Измествьева, 2013), в ходе которого были изучены различные аспекты отношения к благотворительности и волонтерству среди жителей России. Выясни-

лось, что благотворительная деятельность достаточно популярна среди российских интернет-пользователей: 76% из них когда-либо занимались благотворительностью. Треть пользователей интернета (31%) когда-либо перечисляли деньги, 24% – помогали делом, а еще 21% делали и то и другое.

Интернет-пользователи хотели бы принять участие в следующих проектах (рис. 1).

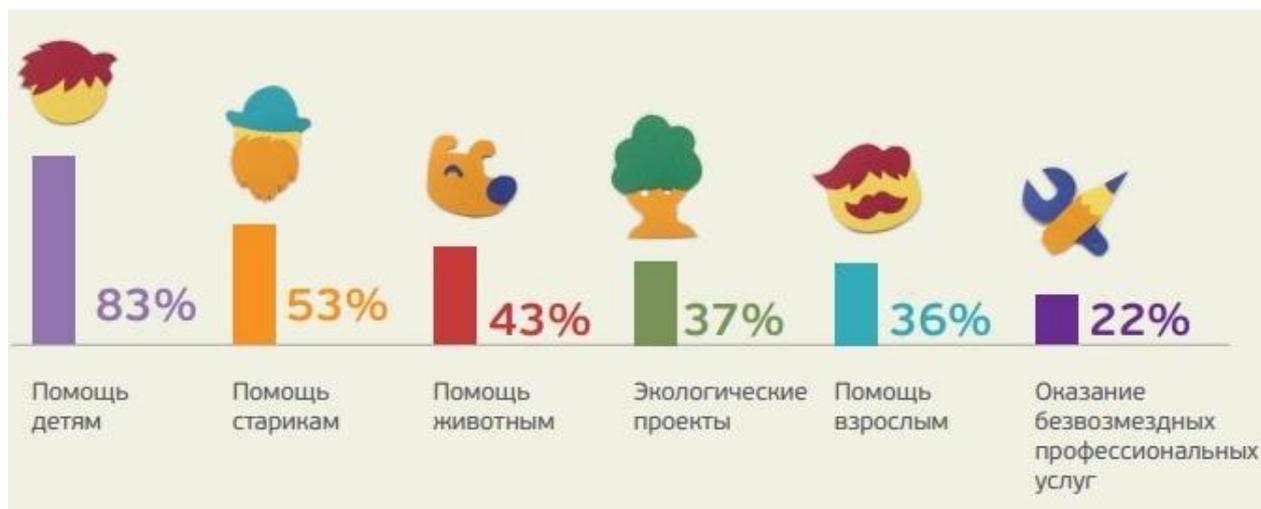

Рис. 1. В каких проектах Вы хотели бы принять участие (мнение Интернет-пользователей)
Fig. 1. In which projects would you like to participate (opinion of Internet users)

Из рисунка 1 видно, что готовность помогать детям находится на первом месте, далее следует готовность помогать пожилым людям и животным. Экологические проекты и помощь взрослым замыкают пятерку тех, кому хотели бы помочь респонденты.

Основными преградами для тех, кто не занимается благотворительностью, являются недоверие к благотворительным организациям (49%) и отсутствие денег на благотворительность (48%). По данным исследования, не

все благотворительные организации вызывают доверие: три четверти опрошенных (78%) доверяют лишь некоторым благотворительным организациям. Доверие к благотворительным организациям зависит от опыта участия в благотворительной деятельности.

Теоретический обзор (Theoretical review). Перечень и общая характеристика наиболее значимых проектов по тематическому направлению «Благотворительность» приведены в таблице ниже (Васильева, 2013).

Таблица

**Исследования проблемы благотворительности
за период с 2000 по 2015 годы**

Table

Research of the charity problem for the period from 2000 to 2015

Период реализации	Тема исследования	Общая характеристика исследования
Фонд «КАФ»		
2001	Отношение населения к благотворительности в России	За десять лет реформ в России возник и развился независимый общественный сектор, внушающий и грантодателям, и исследователям надежду на то, что Россия не вернется на путь тоталитаризма. Однако за десять лет реформ этот сектор так и остался сектором, узким сегментом общества. Образ некоммерческого сектора в общественном сознании не сложился, он пока так и не занял свое место в картине страны и мира, которая есть в головах обычных граждан. Это, пожалуй, основной вывод масштабного исследования, проведенного в 1999 году некоммерческой организацией «Консультации для ассоциаций и фондов» при поддержке российского представительства британского благотворительного фонда Charities Aid Foundation (CAF Россия) и Фонда Форда
ВЦИОМ		
2004, 2007	Социальная ответственность бизнеса как составляющая часть корпоративной культуры	Социальная ответственность бизнеса, спонсорство и благотворительность, социальный капитал и управление репутацией компании (экспертные интервью)
2007	Частная благотворительность в России: общественное мнение	Потенциал частной благотворительности в России; представления россиян о благотворительности, их участие в благотворительности, тенденции развития частной благотворительности (анкетный опрос по стандартной выборке, 2 000 чел.)
2008	Экономический кризис или кризис доверия	Потенциал безвозмездной помощи в условиях экономического кризиса; установки и мотивация благотворительного поведения (анкетный опрос по стандартной выборке, 2 000 чел.)
2009-2010	Мониторинг программы развития добровольного донорства в России	Программа развития массового безвозмездного донорства, готовность к помощи, отношение к институту донорства в России (анкетный опрос по стандартной выборке, 2000 чел., экспертные интервью)
ФОМ		
2010-2012	Благотворительность и добровольческая деятельность: ресурсы добровольческого движения в авангардных группах	Становление гражданского общества в России, формирование социального капитала, гражданского климата, альтруистического потенциала, толерантности, готовности к коллективным действиям, институционального и межличностного доверия (кабинетные исследования на основе вторичного анализа базы данных ФОМ)
2012	Корпоративная благотворительность: отношение	Информированность о корпоративной и частной благотворительности, социальные оценки благотворительно-

	россиян к благотворительной деятельности к компаний	сти (осуществлено в рамках проекта ФОмнибус – репрезентативный опрос населения 1500 респондентов – жителей 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ)
Институт социологии РАН (по данным журнала «Социологические исследования»)		
2006	Благотворительность в моем городе: анализ перспектив благотворительности в городах Подмосковья	Установки благотворительного участия предпринимателей сферы малого и среднего бизнеса, барьеры благотворительности (полуструктурированное интервью – 90 респондентов)
2009	Благотворительность в общественном мнении тюменцев	Мотивы участия россиян в благотворительности, социальные оценки благотворительности (анкетный опрос – 1200 чел.)
Левада-центр		
2006, 2008	Благотворительность в России: осведомленность населения	Отношение россиян к благотворительности и благотворительным организациям, социальные ожидания направлений и форм благотворительной поддержки (анкетный опрос – от 1000 до 1500 чел.)
Циркон		
2007	Власть и благотворительные организации в российских регионах: проблемы взаимодействия	Проблемы взаимодействия власти и благотворительной организации в российских регионах, их взаимные ожидания и отношение друг к другу (интервью с представителями благотворительных организаций и местных и региональных органов власти)
2008	Отношение жертвователей к модели целевого капитала некоммерческих организаций	Отношение к модели целевого капитала; внедрение модели целевого капитала в российскую практику (серии неформализованных интервью и групповые дискуссии)
2008	Законодательство о благотворительной деятельности в восприятии представителей власти и благотворительных организаций в российских регионах	Оценки существующего законодательства, регулирующего благотворительную деятельность (экспертные интервью с руководителями благотворительных организаций и органов власти, объем выборочной совокупности – 38 респондентов)
2008	Благотворительность в условиях кризиса	Стратегии поведения участников сектора НКО в ситуации кризиса; потребности участников сектора в помощи и поддержке для реализации антикризисных стратегий, социальные ожидания в отношении стейкхолдеров (экспертные интервью)
2009	Благотворительные организации Москвы: проблемы и перспективы	Отношение москвичей к благотворительным организациям (экспертный опрос руководителей благотворительных НКО – 109 респондентов: массовый репрезентативный опрос москвичей – 600 чел.)
2011	Состояние и анализ деятельности благотворительных фондов	Систематизация сведений о деятельности благотворительных фондов России, в том числе о количестве реально действующих благотворительных фондов, их типологии, характере и направлениях деятельности (кабинетное исследование)

Понятие «благотворительность» определяется следующим образом. В самом общем виде благотворительность (Власов, 2017) – это оказание материальной и духовно-нравственной помощи нуждающимся, как отдельными лицами, так и организациями. В России данное понятие трактовалось по-разному. Так, В. О. Ключевский (Ключевский, 1990), в своем исследовании «Добрые люди Древней Руси» писал: «благотворительность – вот слово с одинаково спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют, но все одинаково понимают». Нужно отметить, что благотворительность в России (Горбунова, 1991) исторически развивается (Покотилова, 1998) в рамках парадигмы христианской благотворительности и эта коннотация остается за этим понятием. В русской православной литературе под благотворительностью понимают: «свободную, основанную только на чувстве любви к другому деятельность, которая направляется на возвышение его духовного и материального благосостояния» (Кудрявцев, 1885). В этой связи большинство исследователей (Покотилова, 1998; Фомин, 1999) феномена российской благотворительности считают, что в ее основе лежит «милосердие как сущностная интенция, способность к сочувствию и готовность к оказанию помощи или поддержки нуждающемуся».

Само понятие благотворительность (Воронова, 2007) трактуется как:

- как оказание материальной помощи нуждающимся;
- как проявление сострадания к ближнему и нравственную обязанность имущего спешить на помощь неимущему;
- как систему основанных на чувстве дружелюбия действий, имеющих целью оказание помощи слабым членам общества, лишенным по той или иной причине, возможности собственными силами обеспечить себе минимум средств существования.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Внимание к теме благотворительности, которое мы находим в научном дискурсе, контенте СМИ, акцентах правительства, делает весьма актуальными эмпирические замеры этого феномена в россий-

ском региональном социуме. Отдельного внимания заслуживает преломление этой темы в ракурсе социологии молодежи. Молодежное волонтерство (добровольчество) является приоритетом, обозначенным с высоких трибун, и исследуемых как на федеральном, так и на региональном уровне (Кисиленко, 2017). Так, в мае-июне 2016 года нами был проведен online-опрос молодежи города Костромы (опросный лист представлял собой анкету в электронном виде, сформированную на ресурсе webanketa.com, ссылка на которую рассылалась через социальную сеть «ВКонтакте» подписчикам, проживающим в городе Кострома).

Целью настоящего исследования явилось определение отношения к благотворительности. Задачи исследования состояли в следующем: выявление отношения молодежи к благотворительности, а также факторов и мотивов, обуславливающих людей заниматься или не заниматься благотворительностью. География исследования: город Кострома. Объем выборки составил 361 человек. Характеристики выборки: люди молодого и среднего возраста от 18 до 35 лет.

Поколение «Y» (молодых людей, родившихся в периоде с 1983 по 2003 годы), которое насчитывает по данным Федеральной службы статистики РФ до 35% трудоспособного населения России – это поколение, повзрослевшее в эпоху Интернета и социальных медиа. По данным Н. Б. Грошевой и Н. Г. Бобковой (Грошева, 2014), 63% представителей поколения Y занимались волонтерством, 75% делали финансовые пожертвования, веря при этом в то, что компании имеют больше возможностей изменить окружающий мир, нежели государство (Максименко, 2011, 2012).

В ходе исследования было опрошено 84,5% женщин и 15,5% мужчин. Распределение респондентов по возрасту показано на рисунке 1, выборка несколько смещена в сторону жителей от 20 до 30 лет, таким образом, снижая долю людей зрелого возраста (рис. 2). На рисунке 3 представлено распределение опрошенных по виду социальной деятельности. Более половины – 53,7% являются студентами, еще 37,7% респондентов – работают.

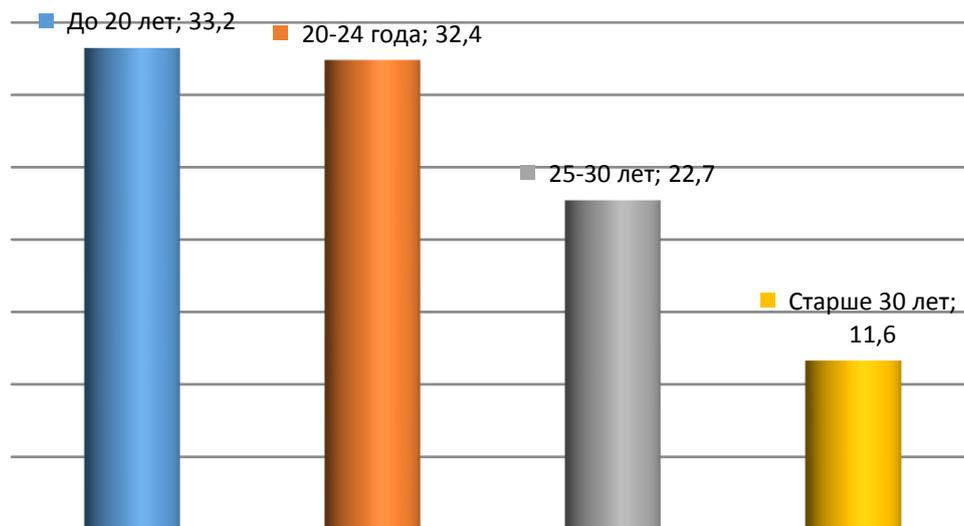

Рис. 2. Распределение опрошенных по возрасту

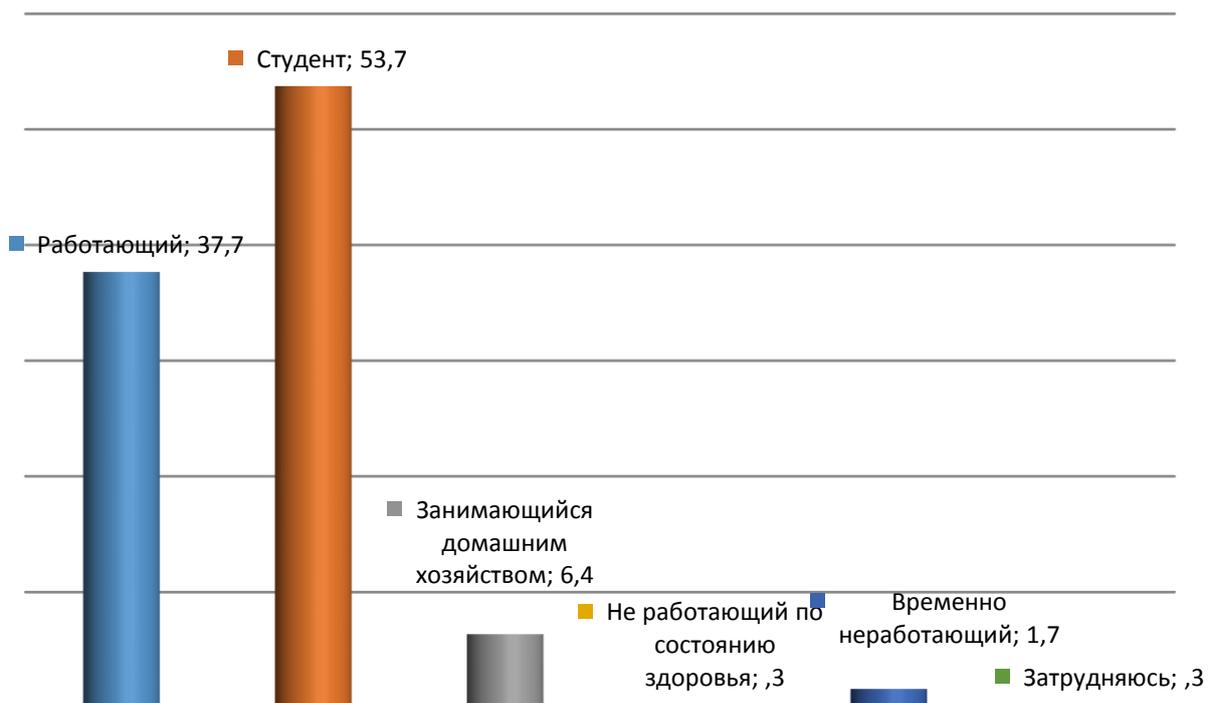

Рис. 3. Распределение опрошенных по виду социальной деятельности

Fig. 3. Distribution of respondents by age

На рисунке 4 представлено распределение опрошенных по уровню среднемесячного дохода на одного члена семьи. Чуть более половины – 56,2% имеют средний уровень благосостояния (от 5 до 20 тыс. рублей на одного члена семьи), еще 20,7% респондентов – доходы от

20 тыс. рублей на человека и выше, а 11,1% – относятся к семьям с доходами ниже среднего.

80,6% респондентов относятся к благотворительности положительно, 16,3% – нейтрально. Отметим несущественное превы-

шение положительного отношения к благотворительности для людей в возрасте старше 30 лет (20-25 лет – 77,0%, старше 30 – 83,3%).

Более трети анкетированных (38,2%) считают, что участие в благотворительных акциях не зависит от размера заработка; 18,6%

считают, что для участия в благотворительности заработок должен составлять от 35 тыс. руб. в месяц; 15,8% – от 50 тыс. руб., 12,7% – от 80 тыс. руб. (рис. 5).

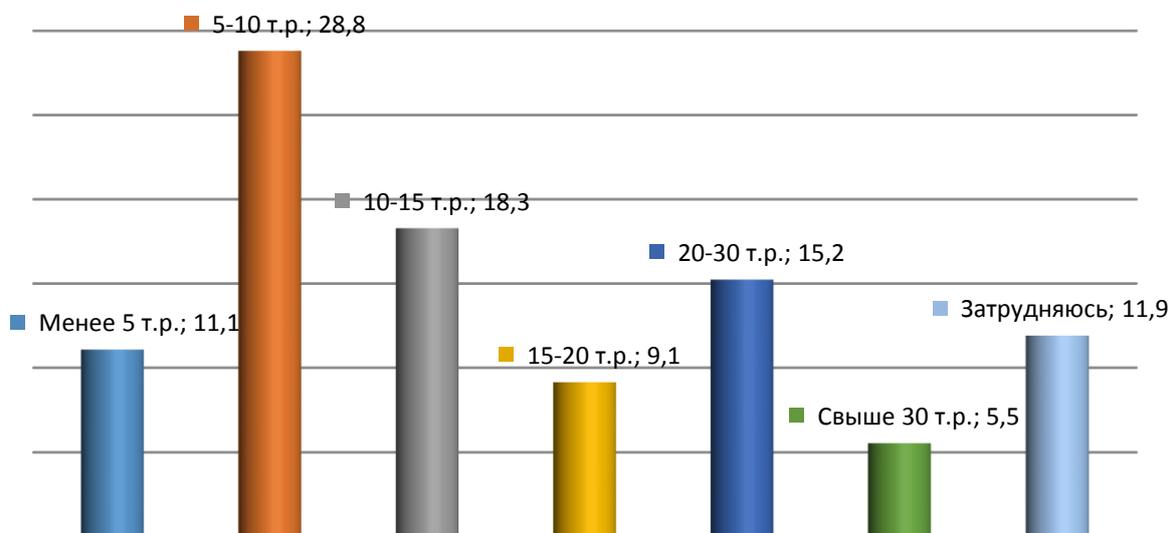

Рис. 4. Распределение опрошенных по уровню доходов
Fig. 4. Distribution of by income level

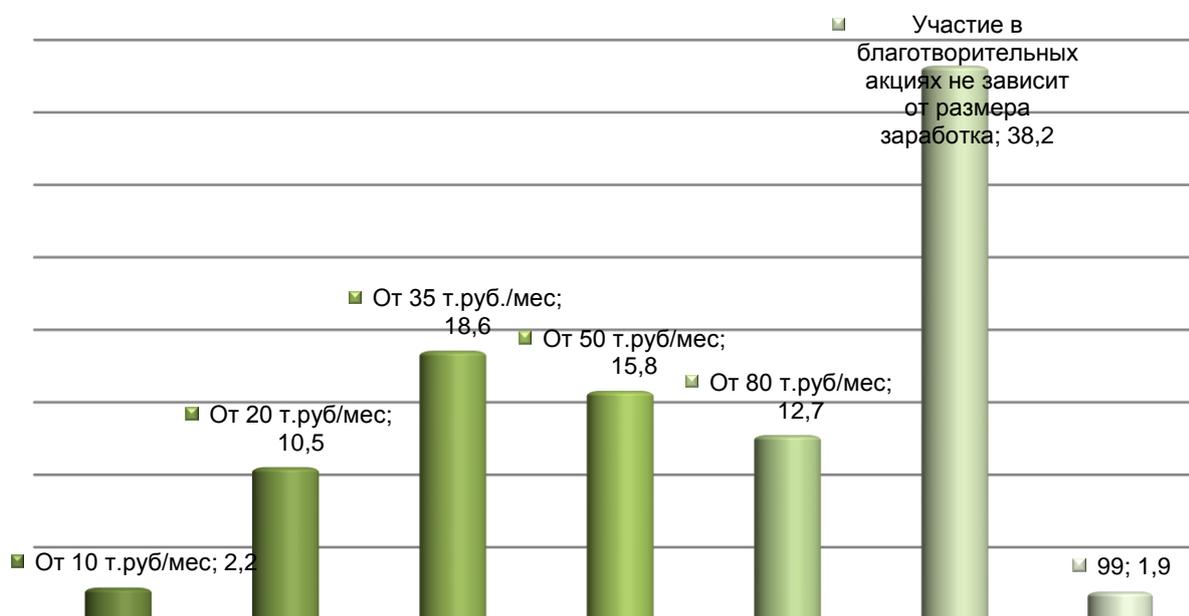

Рис. 5. Возможная сумма заработка для благотворительных пожертвований
Fig. 5. Possible amount of earnings for charitable donations

Отметим, что большинство анкетированых (77,0%) лично занимались благотворительностью, из них: 25,0% – помогали делом, 23,0% –

перечисляли деньги, 29,0% – осуществляли оба вида благотворительности (рис. 6).

На вопрос о частоте совершений благотворительных пожертвований респонденты ответили неоднородно: по 31,4% – совершали такие благотворительные действия один раз в год или

реже и несколько раз в полгода, 26,7% – один раз в полгода, 6,3% – один раз в месяц, 4,2% – несколько раз в месяц и чаще (рис. 7).

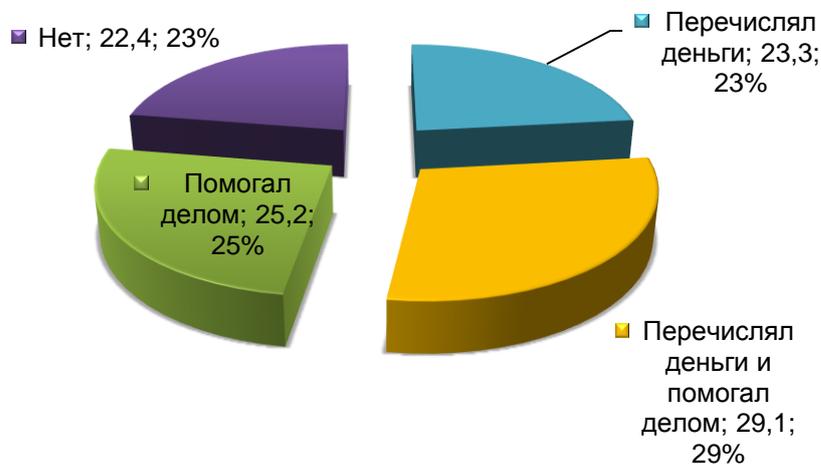

Рис. 6. Личное участие в благотворительности

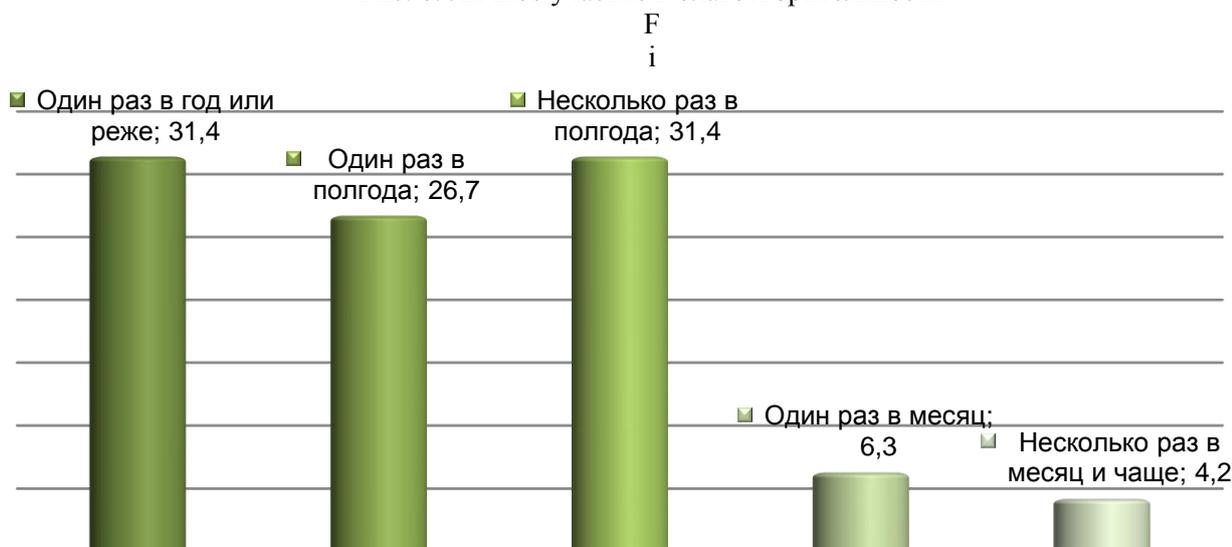

Рис. 7. Частота перечислений благотворительных пожертвований за последние 12 месяцев
Fig. 7. Frequency of transfers of charitable donations for the last 12 months

Результат опроса выявил, что респонденты используют разные возможности для жертвования денежных средств: специальные благотворительные ящики (50,0%), отправка смс-сообщения (48,4%), банковский перевод (43,0%), покупка товаров или билетов (40,9%).

Но наиболее удобным способом признают банковский перевод (38,2%), на втором месте – отправка смс-сообщений (30,6%), на третьем – специальные ящики и покупка товаров или билетов (по 22,6%). Непопулярными способами

являются: терминал оплаты (3,8%) и электронные деньги (3,2%) (рис. 8).

При определении мнений опрошенных в выборе адресатов для перечисления денежных средств (благотворительный фонд или лично нуждающемуся) была выявлена следующая тенденция: 43,0% считают, что неважно куда перечислять, а главное – помочь, 40,0% – непосредственно нуждающемуся, 13,0% – благотворительному фонду (рис. 9).

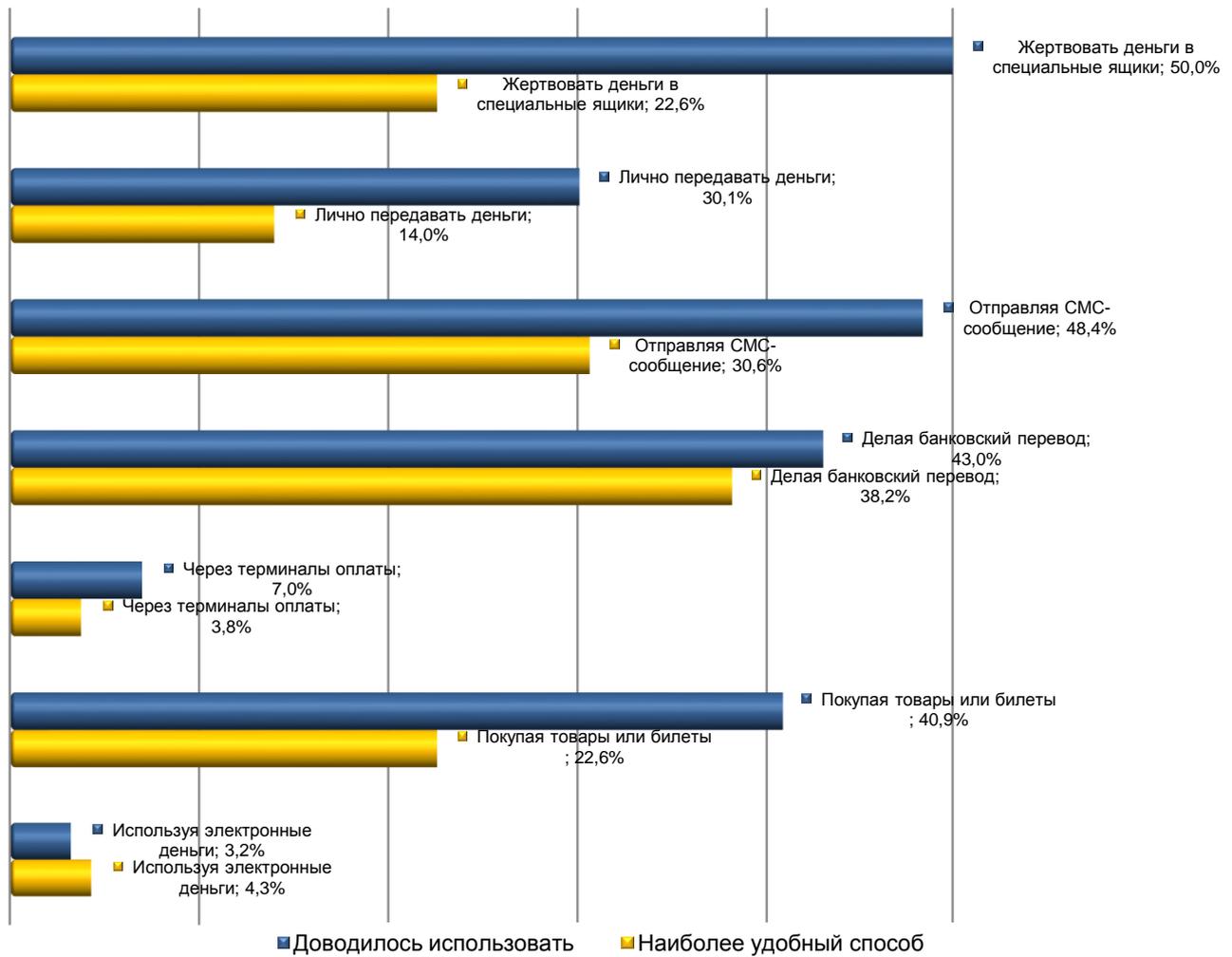

Рис. 8. Способы осуществления благотворительных пожертвований

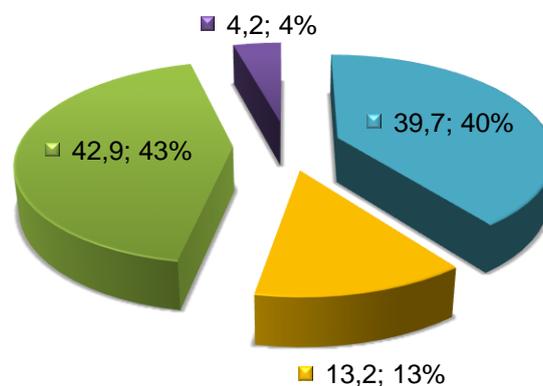

Рис. 9. Возможные варианты направления благотворительных средств
Fig. 9. Possible options for transferring charitable funds

Говоря о сумме пожертвований, было определено, что в основном респонденты жертвуют на благотворительность от 100 до

250 рублей (45,8%); 20,0% – от 300 до 450 рублей, 14,7% – от 500 до 950 руб., 13,7% – до 100 рублей (рис. 10).

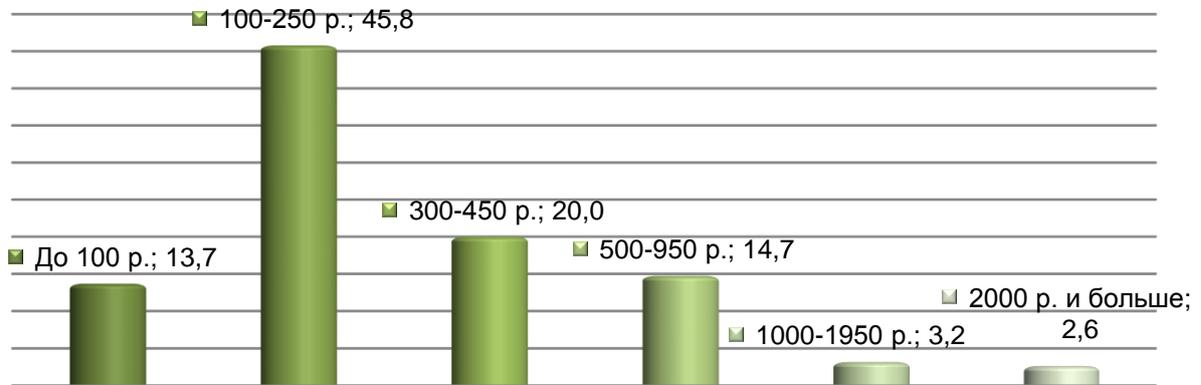

Рис. 10. Средняя сумма денежных средств, затрачиваемая на благотворительность
Fig. 10. The average amount of money spent on charity

Анализ данных исследования показал, что один из самых распространенных мотивов для участия в благотворительности – «чувство сострадания» (53,0%), на втором месте – «способ сделать мир лучше» (43,2%), на третьем – чувство ответственности и инициативности

«если не мы, то кто?» – 39,9%. Также респонденты в числе прочих мотивов отмечали следующие: «есть много людей, которым хуже, чем мне» – 34,4%, «желание почувствовать сопричастность к чему-либо» – 22,4%, вера в то, что помощь «зачтется» – 15,3% (рис. 11).

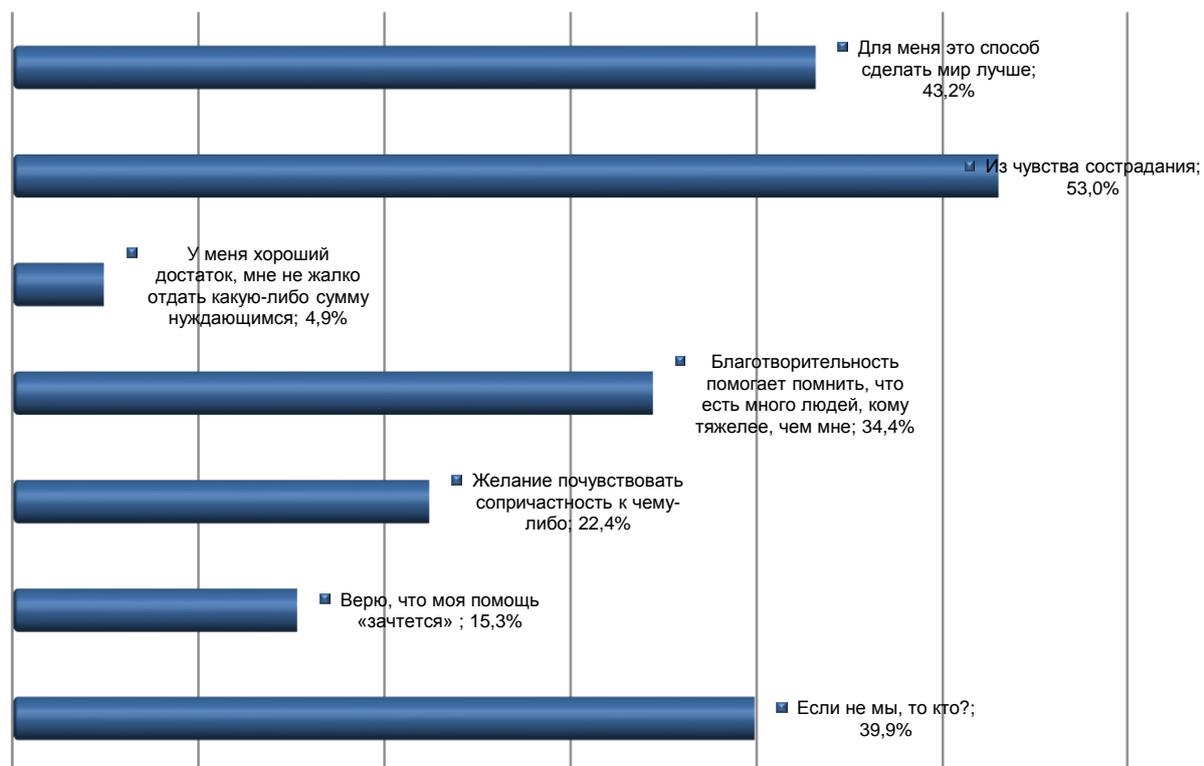

Рис. 11. Мотивы для осуществления благотворительности

F
i
g

Среди причин, препятствующих оказанию благотворительной помощи, или более активному включению в благотворительность, первое место занимает отсутствие денежных средств (50,9%). Многие респонденты также не доверяют организациям, связанным с благотворительностью (36,5%). Вместе с этими причинами были названы и другие, не

менее важные, барьеры: наличие множества личных проблем, требующих решения (22,4%), отсутствие информационного ресурса (12,6%), отсутствие времени (7,5%). Также 17,0% респондентов отметили, что в принципе не задумывались о возможности кому-либо помочь (рис. 12).

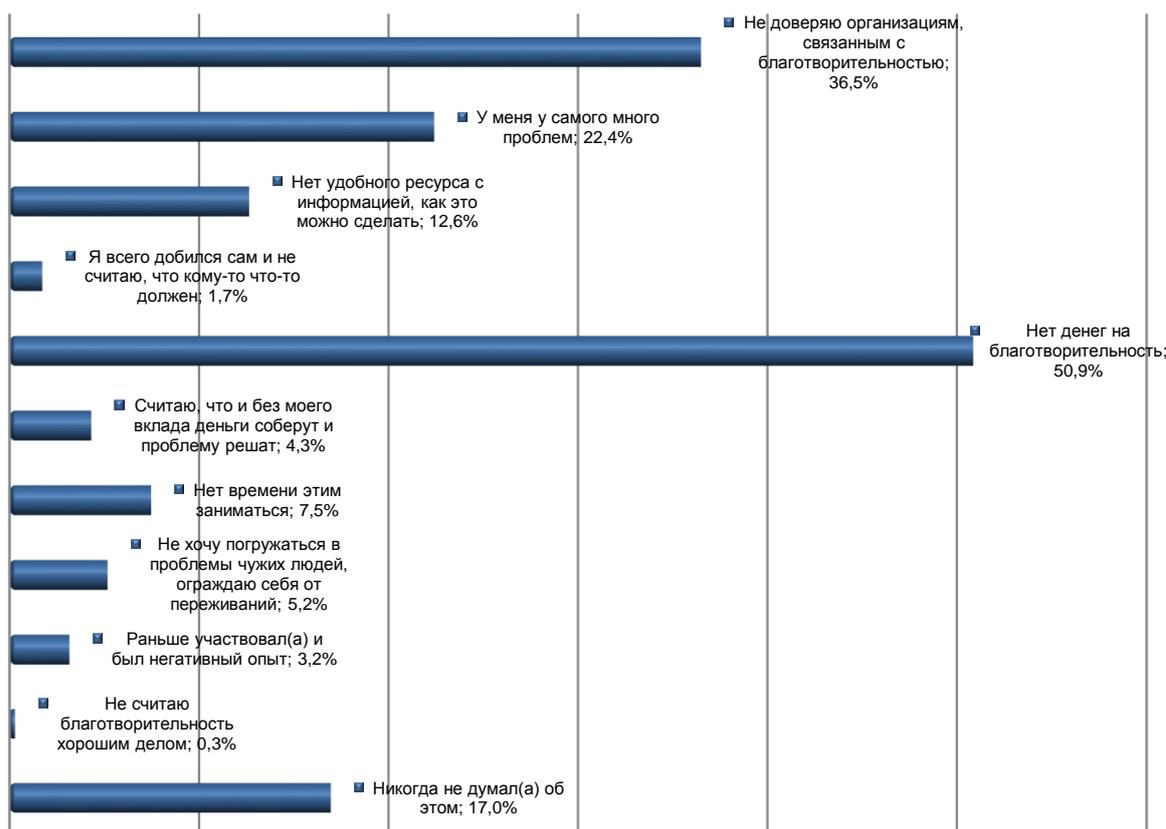

Рис. 12. Причины, препятствующие оказанию благотворительной помощи
Fig. 12. The reasons preventing the provision of charitable assistance

Результаты исследования показали, что респонденты готовы больше оказывать благотворительную помощь, если будут уверены, что их денежные средства пойдут по назначению (64,3%). Также среди условий для активизации благотворительной деятельности были указаны: более высокий заработок

(51,5%), если в качестве взноса приемлема даже небольшая сумма (28,1%), больше наличия информации о возможностях оказания благотворительной помощи (18,4%), личное знакомство с людьми, нуждающимися в помощи (13,1%), ощущение морального удовлетворения (10,0%) (рис. 13).

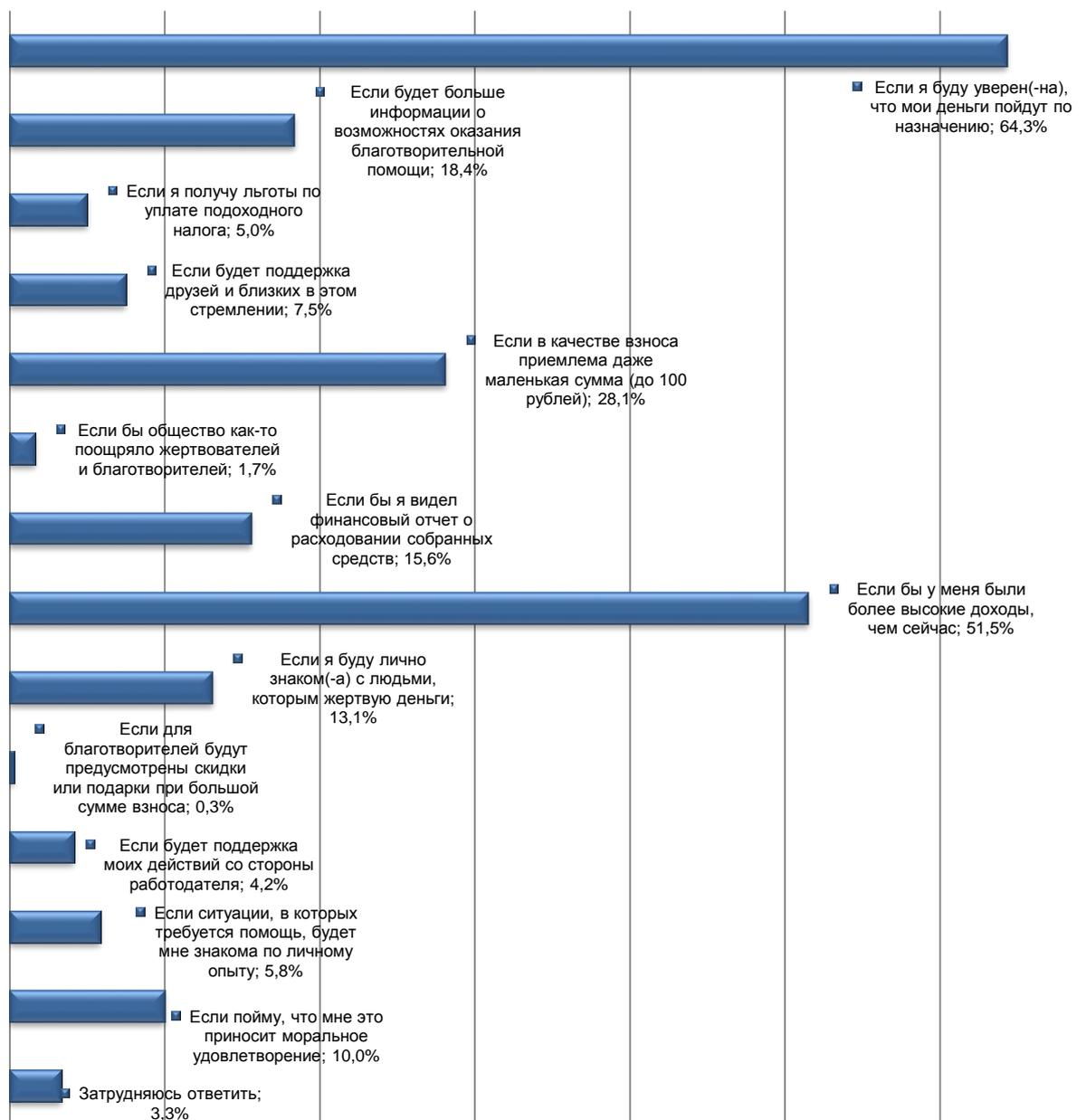

Рис. 13. Условия, способствующие увеличению оказания благотворительной помощи
Fig. 13. Conditions conducive to increasing the provision of charitable assistance

Заключение (Conclusions). Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что молодежь города Костромы положительно относится к благотворительности. Большинство анкетированых (77,0%) лично занимались благотворительностью: перечисляли денежные средства, помогали делами.

В целом частота перечислений благотворительных средств варьируется от одного раза в

год до нескольких раз в полгода. В основном переводят денежные суммы от 100 до 250 рублей.

Респонденты используют разные возможности для жертвования денежных средств: специальные благотворительные ящики (50,0%), отправка смс-сообщения (48,4%), банковский перевод (43,0%), покупка товаров или билетов (40,9%).

Но наиболее удобным способом признают банковский перевод (38,2%), на втором месте

– отправка смс-сообщений (30,6%), на третьем – специальные ящики и покупка товаров или билетов (по 22,6%). Непопулярными способами являются: терминал оплаты (3,8%) и электронные деньги (3,2%).

Стоит отметить, что 43,0% респондентов не задумываются о получателе денежных средств (будь это благотворительный фонд или лично нуждающийся), 40,0% переводят деньги лично нуждающемуся, а 13,0% – благотворительному фонду. Этот факт подтверждает недоверие людей к деятельности БФ. Также отсутствие доверия к БФ указывают среди причин, препятствующих заниматься благотворительностью или заниматься ей более активно (36,5%).

Исследование показало, что один из самых распространенных мотивов для участия в благотворительности – «чувство сострадания» (53,0%), на втором месте – «способ сделать мир лучше» (43,2%), на третьем – чувство ответственности и инициативности: «если не мы, то кто?» – 39,9%.

Среди причин, препятствующих оказывать благотворительную помощь, а также оказывать её более активно, первое место занимает отсутствие денежных средств (50,9%). Также 17,0% респондентов отметили, что в принципе не задумывались о возможности кому-либо помочь.

Результаты исследования показали, что респонденты стали бы больше оказывать благотворительную помощь, если будут уверены, что их денежные средства пойдут по назначению (64,3%). Также среди условий для активизации благотворительной деятельности были указаны: более высокий заработок (51,5%), если в качестве взноса приемлема даже небольшая сумма (28,1%), больше наличия информации о возможностях оказания благотворительной помощи (18,4%), личное знакомство с людьми, нуждающимися в помощи (13,1%), ощущение морального удовлетворения (10,0%).

Список литературы

1. Васильева Е. Г. Благотворительность как объект историко-социологического анализа (методологический аспект) // *Вестник Волгоградского*

государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2013. №2(20). С. 43-49.

2. Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2007.

3. Воронова Е. А. Благотворительность в социальной политике // *Благотворительность как нравственный ресурс гражданского общества России.* СПб.: Петерб. гос. ун-т, 2007.

4. Горбунова Е. Ю. Благотворительность в России и её роль в общественно-культурной жизни: научно-аналитический обзор. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1991.

5. Грошева Н. Б., Бобкова Н. Г. Управление персоналом: сотрудники поколения Y // *Бизнес-образование как инструмент инновационного развития экономики: материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. Г. Бобкова.* Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2014. С. 90-95.

6. Измestьева Е. Исследование: «Отношение к благотворительности в России». URL: <https://test.ru/2013/12/05/research/> (дата обращения: 01.09.2017).

7. Кисиленко А. В. Воспроизводство волонтерской активности молодежи в условиях неопределенности и риска // *Научный результат. Социология и управление.* Т. 3, №2, 2017. С. 48-51.

8. Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.

9. Кудрявцев А. Н. Исторический очерк христианской благотворительности // *Детская помощь.* 1885. №10. С. 55-62.

10. Максименко А. А. Основные положения ценностно-рационального управления // *Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Социальные науки.* 2011. №4. С. 115-122.

11. Максименко А. А., Харский К. В. *Управленческое Евангелие от Константина и Александра.* М.: ИНФРА-М, 2012. 120 с.

12. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: автореф. дис. ... докт. истор. наук. Ставрополь, 1998.

13. Фомин Э. А., Чикадзе Е. З. Благотворительность как социокультурный феномен в России. СПб.: Издательство Чернышева, 1999.

References

1. Vasileva, E. G. (2013), "Charity as an object of historical and sociological analysis (methodological aspect)", *Bulletin of Volgograd State University, Philosophy. Sociology and social technologies*, 7, (2(20)), 43-49. (in Russian).

2. Vlasov, P. V. (2007), *Blagotvoritelnost i miloserdie v Rossii* [Charity and Clemency in Russia], Center Poligraph, Moscow, Russia. (in Russian).

3. Voronova, E. A. (2007), "Charity in Social Policy", *Blagotvoritelnost kak npravstvennyj resurs grazhdanskogo obshchestva Rossii* [Charity as a moral resource of civil society in Russia], Saint Petersburg state university, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

4. Gorbunova, E. Y. (1991), *Blagotvoritelnost v Rossii I eyo rol v obshchestvenno kulturnoj zhizni: nauchno analiticheskij obzor* [Charity in Russia and its role in social and cultural life: a scientific and analytical review], MSU named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia. (in Russian).

5. Grosheva, N. B. and Bobkova, N. G. (2014), "Human Resource Management: Y Generation Staff", Business education as a tool for innovative economic development: materials of science conference, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, 90-95. (in Russian).

6. Izmest'eva, E. (2013), *Issledovanie Otnoshenie k blagotvoritelnosti v Rossii* [Research: Attitudes towards charity in Russia] [Online], available at: <https://te-st.ru/2013/12/05/research/> (Accessed August 15, 2017). (in Russian).

7. Kisilenko, A. V. (2017), "Reproduction of volunteer activity of youth in conditions of uncertainty and risk", *Research result. Sociology and management*, 3 (2), 48-51. (in Russian).

8. Klyuchevskiy, V. O. (1990), *Istoricheskie portrety: Deyateli istoricheskoy mysli* [Historical portraits. The figures of historical thought], Moscow, Russia. (in Russian).

9. Kudryavtsev, A. N. (1885), "Historical essay on Christian charity", *Children's help*, 10, 55-62. (in Russian).

10. Maksimenko, A. A. (2011), "The main provisions of management by value", *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. Series: Social Sciences*, (4), 115-122. (in Russian).

11. Maksimenko, A. A. and Kharskiy, K. V. (2012), *Upravlencheskoe evangelie ot Konstantina i Aleksandra* [The Gospel of Constantine and Alexander], INFRA-M, Moscow, Russia. (in Russian).

12. Pokotilova, T. E. (1998), "Charity in the social history of pre-revolutionary Russia", Abstract of D. Historical Sc. Dissertation, Stavropol, Russia. (in Russian).

13. Phomin, E. A. and Chikadze, E. Z. (1999), *Blagotvoritelnost kak sociokulturnyj fenomen v Rossii* [Charity as a socio-cultural phenomenon in Russia], Publisher Chernysheva, Saint-Petersburg, Russia. (in Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Брагина Зинаида Васильевна, доктор технических наук, профессор Костромского государственного университета.

Максименко Александр Александрович, кандидат психологических наук, доцент Костромского государственного университета.

Тимонин Александр Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент Костромского государственного университета.

Zinaida V. Bragina, Doctor of Technical Sciences, Professor of Kostroma State University.

Aleksandr A. Maksimenko, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Kostroma State University.

Alexander Yu. Timonin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Kostroma State University.

УДК 316.48

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-37-54

Мастикова Н. С.¹
Усачева О. А.²
Ермолаева Ю. В.³

ОСАЖДЕННЫЙ АЛЕППО КАК МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Институт социологии Российской академии наук,
ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

¹⁾ *navor@bk.ru*

²⁾ *OlgaAUsacheva@yandex.ru*

³⁾ *mistelfrayard@mail.ru*

Аннотация. В данной статье, посвященной рассмотрению осажденного города Алеппо как модели кризисной ситуации, авторы представляют результаты исследования, базу для которого составили открытые источники СМИ. Авторы исходят из того, что современная гибридная война в Сирии, характер которой определяется влиянием глобализации и означает всё более тесное взаимодействие между разнокачественными структурами и процессами, определяет проблемно-ориентированный подход к изучению кризисной ситуации. На примере Алеппо, проанализированы социально-экологическая, этно-религиозная и информационная составляющие докризисного состояния и в ситуации глобально-регионально-локального конфликта.

Критическая ситуация понимается как предельное напряжение биосоциальных систем в условиях городской войны, сопровождающееся снижением их устойчивости, повсеместным и ускоренным сокращением пригодного для жизни людей пространства, общим снижением социального и экологического капитала данного города.

В статье рассмотрены такие проявления, сопровождающие кризисную ситуацию, как разрушение систем жизнеобеспечения мирного населения с максимизацией поражающего метаболического эффекта, нарастание по мере развития кризиса рискогенного характера мусора, приводящее к разбалансировке экосистемы. Проанализирована структура военных отходов в осажденном городе, обоснован данными процесс снижения социально-культурного капитала как индикатора внутреннего экологического кризиса Алеппо. Показано, что этно-конфессиональный фактор служит инструментом разжигания вражды для достижения политических целей, как внутри страны, так и при участии внешних сил. Собраны и проанализированы сведения о потоках гуманитарной помощи жителям осажденного города и её информационной составляющей.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что современная гибридная война, одним из эпицентров которой является осажденный Алеппо, ведётся в двух взаимопересекающихся пространствах: материальном и виртуальном, затрагивая все зоны осажденного города, втягивая в конфликт, помимо непосредственных участников конфликта, глобальные и региональные противоборствующие силы, включая информационные среды.

Ключевые слова: Алеппо; гибридная война; глобализация; информационная война; критическая ситуация; социально-экологический метаболизм города; этнический военный конфликт.

Natalia S. Mastikova
Olga A. Usacheva
Yulia V. Ermolaeva

BESIEGED ALEPPO AS A MODEL OF GLOBAL CRITICAL SITUATION

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
navor@bk.ru
OlgaAUsacheva@yandex.ru
mistelfrayard@mail.ru

Abstract. In this article, devoted to the consideration of the besieged city of Aleppo as a model of a crisis situation, the authors present the results of a study based on open sources of the media. The authors proceed from the assumption that the modern hybrid war in Syria, whose nature is determined by the influence of globalization and means increasingly close interaction between different-quality structures and processes, determines a problem-oriented approach to the study of the crisis situation. On the example of Aleppo, the socio-ecological, ethno-religious and information components of the pre-crisis state and in the situation of a global-regional-local conflict are analyzed.

A critical situation is understood as the ultimate stress of biosocial systems in urban war conditions, accompanied by a decrease in their sustainability, a widespread and accelerated reduction in the living space, a general decline in the social and environmental capital of the city.

The article considers such manifestations accompanying the crisis situation as the destruction of the life support systems of the civilian population with the maximization of the damaging metabolic effect, the growth of the risk of the genus character of the garbage as the crisis develops, leading to the imbalance of the ecosystem. The structure of military wastes in the besieged city is analyzed, the process of reducing social and cultural capital as an indicator of the internal ecological crisis of Aleppo is justified. It is shown that the ethno-confessional factor serves as a tool for inciting hatred for achieving political goals, both within the country and with the participation of external forces. Collected and analyzed information about the flow of humanitarian aid to the inhabitants of the besieged city and its information component.

The results of the conducted research show that the modern hybrid war, one of the epicenters of which is the besieged Aleppo, is conducted in two mutually intersecting spaces: material and virtual, affecting all the zones of the besieged city, drawing into the conflict, in addition to the direct participants in the conflict, global and regional opposing force, including information environments.

Keywords: Aleppo; hybrid war; globalization; information war; critical situation; social and ecological metabolism of the city; ethnic military conflict.

Acknowledgements. Статья написана в рамках работы по проекту «Социология критических состояний городских систем: теория и практика», грант РГНФ № 15-03-000-27.

The article is written within the framework of the work on the project "Sociology of Critical States of Urban Systems: Theory and Practice", grant No. 15-03-000-27.

Введение (Introduction). *Современная война как всеохватывающий риск и критическая ситуация.*

Война является наиболее значимым социальным феноменом, формирующим мировую

историю (Malešević, 2011). Анализ А. Уиммера и Б. Мин 464 военных конфликтов последних 200 лет показал, что войны были наиболее значимым генератором социальных изменений, поскольку они способствовали трансформации пред-модерного мира империй, королевств, племенных конфедераций и городов-государств в современные национальные государства (Wimmer and Min 2009, 2006).

С приходом современности войны и насилия, связанное с ними, только масштабировались: в течение X-XI вв. в войнах погибли 60 тыс. человек, в XII-XIII вв. – 539 тыс., в следующие два столетия – более 7 млн., более 19 млн. в XIX в. и более 111 млн. только в XX

веке! (Malešević, 2010: 118-120; Eckhardt, 1992: 272-273). Деструктивный потенциал современности требует тщательного междисциплинарного анализа ситуаций насилия, хотя со времен II Мировой войны социологическое сообщество сознательно или несознательно стремилось этого избегать.

Геополитическая стабильность, институциональный консерватизм и относительное богатство времен Холодной войны сдвинуло фокус социологических исследований на более «пацифистские» темы: культуру и социализацию, социальную стратификацию, гендер, здоровье или образование. Турбулентные события конца XX – начала XXI вв. вновь способствовали теоретическому осмыслению военных конфликтов и переосмыслению социологического знания в рамках этой тематики.

Теоретический обзор (Theoretical review). Наиболее подробные объяснения войн с позиций экономической парадигмы раскрываются в моделях рациональных акторов и теории глобализации. С точки зрения моделей рациональных акторов, войны понимаются через призму экономических выгод и инструментальной рациональности индивидуальных мотивов к участию в насильственных конфликтах (Laitin, 2007; Kalyvas, 2006; Wintrobe, 2006; Fearon, 1995).

В теориях глобализации делаются акценты на структурных детерминантах, ответственных за воспроизводство социального неравенства, в отличие от идей инструментальной рациональности личной выгоды (Bauman, 2002, 2001, 1998; Kaldor, 2007, 2001; Sassen, 2006). Общий аргумент строится вокруг идеи о том, что в последние годы капитализм претерпел существенную трансформацию и таким образом подорвал силу и суверенитет отдельных государств.

С одной стороны, новая неолиберальная политика приватизации и дерегулирования сделала капиталистические предприятия более изолированными от государства и, следовательно, более глобальными. С другой стороны, впечатляющие технологические достижения радикально трансформировали связь, транспорт и обмен товаров, услуг и людей, сделав глобальную торговлю эффективной и

безусловной. В этом новом глобализованном мире география стала историей, и характер войны изменился. По идее Баумана (Bauman, 2002) и Калдора (Kaldor, 2001) глобализация порождает новые войны, многие из которых являются прямыми средствами экономической политики. Мыслители утверждают, что глобальная неолиберальная политика дает привилегии транснациональным корпорациям и одновременно разрушает государственную власть. Следовательно, войны ведутся за дефицитные ресурсы, такие как нефть, газ и другие ценные твердые полезные ископаемые, благодаря которым крупные частные корпорации напрямую влияют на военные цели крупных государств и извлекают выгоду из монополистических контрактов (например, войны в Ираке) или могут быстро получить прибыль.

Экономические подходы вносят большой вклад в лучшее понимание роли материальных ресурсов в военных действиях. Многие войны связаны с конфликтом по скудным ресурсам, без которых было бы трудно поддерживать крупные субъекты, такие как государства. Несомненно, экономика является важным фактором войн, но война не может быть сведена к простой максимизации прибыли или ресурсов. Причины многих военных конфликтов обнаруживались вне экономики: это и геополитическое первенство, идеологические столкновения, дилеммы безопасности, улучшение статуса, династические требования, территориальные споры, и даже личная враждебность правителей (Mann, 1986, 1993; Malešević, 2008).

Глобализация определяет характер современных войн. О. Н. Яницкий проанализировал работы специалистов в области военных наук, истории, политологии, международных отношений, а также заметки публицистов, медиков, гражданских экспертов и волонтеров, и сделал вывод о необходимости междисциплинарного подхода к изучению современных войн, поскольку «все малые и большие (ядерные) военные конфликты последнего десятилетия возникали и протекали не по классическим схемам военной науки и/или социальной конфликтологии. Современные войны,

как бы их не называли, в основе имеют локально-глобальный характер и охватывают в равной мере все стороны общества» (Яницкий, 2015: 156).

О. Н. Яницкий понимает современную войну как всеохватывающий риск, изменяющий сложившийся социальный порядок посредством внешнего давления (через медиа, экономические санкции, формирование мирового общественного мнения) и внутренних процессов вроде конструирования массовых беспорядков, «цветных революций», дезинформации, диверсий и т. д. Постепенно социально-политический и экономический кризис, порожденный военными действиями, перерастает в критическую ситуацию (Yanitsky, 2014). Ее специфика проявляется в разрушении сложившихся социальных институтов и выделении энергии распада (бегство капитала, закрытие предприятий, массовая безработица, появление потоков беженцев и вынужденных переселенцев). Поэтому наиболее адекватным инструментом для анализа современных войн является концепция общества всеобщего риска, поскольку эти войны затрагивают и структурно-функциональную организацию общества, и его ценностно-идеологическую основу. И у них нет никаких пространственных, социально-функциональных, экологических, этнических и других ограничений.

Современная война характеризуется отсутствием четкой грани между тылом и фронтом. Она имеет технологическую основу: от инструментов дестабилизации внутри страны-мишени посредством «цветных революций», информационных войн до традиционного разрушения критически важных инфраструктурных объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и боеспособность противника и военного удара по территории страны. На смену «фронтальным столкновениям» пришли дисперсные, то есть борьба мелких, мобильных и хорошо экипированных групп как вариант партизанской войны.

Как показывает О. Н. Яницкий, «критические ситуации (точки, зоны) – это человеческие поселения, экологические системы и другие экосоциальные системы, находящиеся на грани распада, сохраняются. Их отличительный при-

знак – выделение энергии распада в виде потоков беженцев, вынужденных переселенцев, разрушения важнейших систем жизнеобеспечения и т. д» (Яницкий, 2014).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Перед авторами данной статьи стоит непростая задача – описать современную войну как критический случай через рассмотрение одного из центров конфликта – города Алеппо. Алеппо является наглядным примером современной критической ситуации, имеющей множество измерений: этно-конфессиональное, социально-экологическое, гуманитарное, информационно-коммуникационное. Мы попытались рассмотреть первостепенные и фоновые причины сложившейся критической ситуации, а также ее течение и последствия на разных уровнях.

Докризисное состояние, этно-религиозный и внешний контекст критической ситуации в Алеппо.

В Сирийском конфликте город Алеппо является одним из очагов острого противостояния. Расположенный на севере Сирии город находится вблизи турецкой границы, на пересечении важнейших транспортных сетей и, поэтому, находится в фокусе интересов самых различных этнических групп и входит в зону политических интересов нескольких государств. В течение десятков лет до появления ИГИЛ в Сирии мирно сосуществовали многие этнические группы и конфессии. Период относительно мирного сосуществования закончился, когда на Ближнем Востоке прокатилась волна цветных революций. Помимо экономических причин, таких как засуха, породившая обнищание сельского населения, весомым фактором влияния оказались внешние вмешательства заинтересованных государств. В СМИ можно встретить свидетельства о том, что потоки вооружения поступают оппозиционным войскам через Саудовскую Аравию и Турцию. «В качестве одного из крупных перевалочных пунктов при перевозке оружия выступал Азербайджан. Перевозка осуществлялась на гражданских самолетах с особым дипломатическим статусом, что

позволяло избегать проверок перевозимых грузов, соблюдая режим секретности»¹. Источники включают документы «по транспортировке оружия оплаченного Турцией и Саудовской Аравией для военного переворота в Буркина-Фасо. Часть оружия была обнаружена в Алеппо и Хаме» [там же].

Анализируя источники СМИ, интервью с экспертами², мы проследим влияние этно-религиозного фактора в Сирийской гражданской войне.

Сирию можно назвать полиэтничной страной, этнический состав которой представлен такими народами как черкесы, армяне, курды и пр., подавляющим большинством все же являются арабы (около 90% населения)³. Сирия очень разнообразна в ответвлениях основной конфессии. Это исламская страна, внутри которой сам ислам делится на суннитов и шиитов. Раскол между этими двумя религиозными течениями произошел очень давно, после смерти пророка Мухаммеда. Причиной раскола считается вопрос наследования титула халифа. Шииты считали, что он должен передаваться по наследству одному из потомков пророка Мухаммеда, сунниты же считали, что титул должен достаться «четырем праведным халифам, входившим в окружение пророка» (Багдасаров, 2016: 13). В результате сложившихся противоречий между суннитами и шиитами, на протяжении истории то и дело возникал конфликт, который перерастал в военное столкновение. С течением времени в каждом из направлений сложились новые религиозные практики, ответвления, секты, которых на сегодняшний день достаточно много. Большинство населения Сирии представляют сунниты (68,4%), шииты составляют 3,2%. Среди шиитов следует выделить алавитов (11,3%), которые были признаны мусульманами-шиитами только в 1973 году, в результате действий Хафеза Асада, отца нынешнего президента Башара Асада. Хафез Асад был

алавитом. Придя к власти при помощи переворота, он обнаружил, что по закону в этой стране президентом должен быть только мусульманин, поэтому он предпринял большие усилия по убеждению шейхов алавитов и шиитов в объединении течений. Отношение к этому объединению по сей день неоднозначное внутри каждого из течений, и, хотя по содержанию эти течения совершенно разные и объединение их произошло по политическим причинам, мы будем исходить из того, что формально алавиты являются ответвлением шиизма. Таким образом, политическую элиту страны составляет конфессиональное меньшинство. Это и создало ситуацию религиозных противоречий, которой воспользовались внешние силы для разжигания военного конфликта.

Формальным поводом для начала конфликта послужил запрет Асадом протестов оппозиции 2011 года, который спровоцировал вспышку религиозной вражды не только в самой Сирии, но и в регионе. Ситуация иллюстрирует тезис Джонатана Фокса (Fox, 2002), о том, что конфликты, в основе которых лежит нерелигиозная мотивация, могут перерасти в религиозные конфликты, если группа, выражающая недовольство, к требованиям светского характера, добавит религиозные требования.

В ходе гражданской войны в Сирии, с 2012 года начались бои за контроль над стратегически важным городом Алеппо. Значимость этого города обусловлена тем, что именно в этом регионе существует развитая сеть дорог. Подконтрольность этого региона террористам превратила бы Алеппо в базу, обеспечивающую террористическую сеть всем необходимым.

Большинство населения Алеппо составляют арабы, этнические меньшинства представлены курдами, цыганами, арамейцами, турками, туркменами, армянами (Молхем,

¹ Colonelcassad: поставка оружия для ИГ через Азербайджан. Военно-промышленный курьер. 2017. 4 июл. URL: <http://vpk-news.ru/news/37636> (дата обращения: 17.07.2017).

² Военные эксперты, востоковеды, политологи, арабисты.

³ Сунниты, аллавиты и все-все-все: религиозная карта войны в Сирии.RUPOSTERS.2016. 16 окт. URL: <https://ruposters.ru/news/16-10-2015/sunnity-alavity-vsevseve> (дата обращения: 17.07.2017).

2017). Курды и арамейцы преобладают в этнических меньшинствах Алеппо.

Кроме того, с точки зрения религиозного разнообразия, Алеппо представляет собой одну

из двух зон (вторая – Дамаск), в котором представлены все возможные религиозные течения и этнические группы Сирии (рисунок).

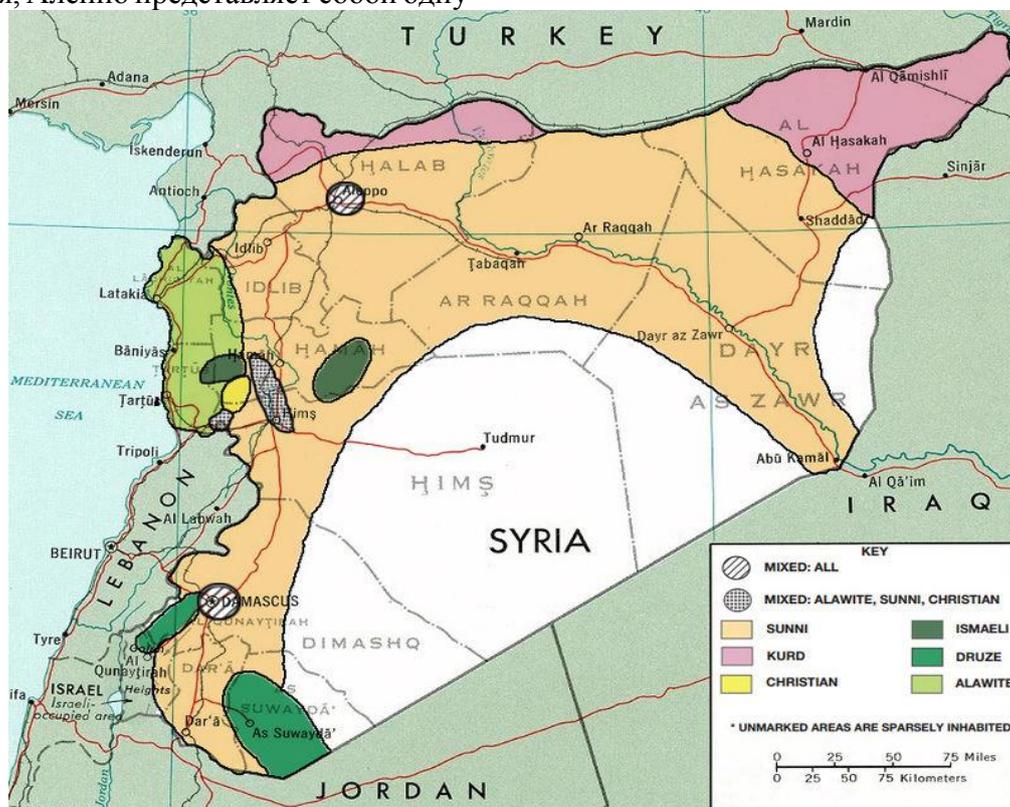

Рис. Этно-религиозная карта Сирии
Fig. Ethno-religious map of Syria

Правительственным силам в Алеппо противостоят группировки «Джебхат-Ан-Нусра», «Ахрар-Аш-Шам», и «Нуратдин-Аз-Зинки» и др., которые в одних источниках называются террористическими группировками, в других относятся к умеренной оппозиции, а, в крайнем варианте, названы повстанцами. Этим группировкам не важен этнический состав, они воюют против всех, кто не разделяет их религиозные убеждения.

Военный конфликт, имеющий в основе религиозные противоречия на начальном этапе, перерос в масштабную гражданскую войну, где религиозный фактор уже не является ведущим. Его место заняло стремление внешних сил и оппозиции сместить законную власть силовым путем.

Затяжной характер гражданской войны в Сирии обусловлен манипуляциями США, стремящихся к поддержанию нестабильности

на Ближнем Востоке и ослаблению экономически благополучных арабских государств. Эти страны имеют значительные природные ресурсы, экономический и человеческий капитал и, опираясь на исламские традиции, эффективно управляют своими ресурсами, составляя конкуренцию экономически развитым странам, интернируясь в мировые рынки, что не устраивает США, которые поддерживают все основные группировки вооруженной оппозиции, регулируя ход войны с помощью изменения интенсивности поставок оружия. Умело стравливая суннитов и шиитов, США втягивает в ближневосточные боевые действия Иран, Турцию и другие страны региона.

Изучению влияния этно-религиозного фактора в конфликтах, посвящены исследования Джонатана Фокса (Fox, 2000), в результате которого, автор приходит к выводу, что

фактор религиозный в конфликтах более значим на Ближнем Востоке, чем в остальном мире.

Автор приводит два возможных объяснения важности религии на Ближнем Востоке: первый заключается в том, что Ближней Восток является наиболее автократичным регионом мира. Объясняя важность религии в этнических конфликтах на Ближнем Востоке, Фокс предполагает, что это может быть связано с уникальной культурой и историей этого региона, при этом автор указывает на то, что подобные переменные не были включены в исследование, вследствие сложности их операционализации (Фокс, 2004).

По мнению Б. Долгова, к созданию ИГИЛ причастны государства Запада и Соединенные Штаты, поддерживающие все исламистские группировки, выступавшие против Асада, для того, чтобы «руками радикальных исламистов убрать неугодный режим»¹. Террористов поддерживают не напрямую, а через различные неправительственные фонды, подставные фирмы.

В развитии критической ситуации в Алеппо велика роль Турции, на раннем этапе военных действий, Турция фактически нарушила суверенитет Сирии, введя войска и поддерживая боевиков из Свободной сирийской армии².

Критическая ситуация в Алеппо усугубляется в «результате того, что боевики имеют какую-то постоянную поддержку, в том числе финансовую» [там же]. Эта позиция объясняется тем, что Анкара не заинтересована в том, «чтобы курды создали на турецкой границе свою автономию и объединились с иракскими братьями, создав мощный очаг напряжения»³,

поэтому Турция заинтересована в дестабилизации ситуации в регионе Алеппо. В настоящий момент Турция поменяла свою позицию: «турки, еще недавние пособники терроризма в одночасье стали близкими партнерами по сирийской проблеме. Нужно отметить, что курды «не представляют собой единый этнический, религиозный и даже политический монолит. Среди них есть христиане, мусульмане, язычники и даже иудеи. Иранские курды этнически отличаются от иракских и турецких, так как подвержены персидскому влиянию» [там же], однако курды объединены единой амбициозной целью – созданием курдского государства. Благодаря действиям российской армии, внешней политике, проводимой Россией в этом регионе, Турция, Россия и Иран – подписали соглашение о создании «зон деэскалации» в Сирии⁴. И теперь Россия и Турция выступают гарантами предотвращения нарушения режима огня в Алеппо»⁵.

Ситуация усугубляется и тем, что военный конфликт поддерживается еще и информационной составляющей. ИГИЛ существует в информационном пространстве, постоянно ведя вербовку людей во всех странах мира. Кроме того, ряды боевиков постоянно пополняются, потерпевшие поражение отряды имеют возможность «раствориться» на территории близлежащих государств, и, получив финансовую поддержку и оружие, опять соберутся для новых военных действий.

Рассматриваемая нами критическая ситуация помимо этнической основы и глобального информационного контекста имеет социально-экологический негативный фон. Любая война является биосферной, поскольку имеет

¹Куда уходят террористы: Борис Долгов о тактике выдвливания в Сирии. Институт Востоковедения РАН. 2016. URL: <http://ivran.ru/ivran-v-smi?artid=5933> (дата обращения: 17.07.2017).

²Минное поле сотрудничества. Военно-промышленный курьер. 2017. 3 мая. URL: <http://vpk-news.ru/articles/36546> (дата обращения: 17.07.2017).

³США используют курдов как дубинку против Башара Асада. Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 2016. 8 июня. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/06/08/ssha_ispolzuet_kurd

[ov_kak_dubinku_protiv_bashara_asada/](http://ruskline.ru/news_rl/2016/06/08/ssha_ispolzuet_kurd_ov_kak_dubinku_protiv_bashara_asada/) (дата обращения: 17.07.2017).

⁴Россия и США разделят Сирию по Евфрату. Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 2017. 6 июля. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/iyul/06/rossiya_i_ssha_razdelyat_siriyu_po_evfratu (дата обращения: 17.07.2017).

⁵Алеппо и кремлевские стратегические ошибки. Центр Сулакшина (центр научной политической мысли и идеологии). 2016. URL: <http://rusrand.ru/analytics/aleppo-i-kremlevskie-strategicheskie-oshibki> (дата обращения: 17.07.2017).

тенденцию к изменению качественного характера экосистем вследствие множества повреждений геосферы (Yanitsky, 2014). Особенно опасно влияние ядерного, термоядерного, химического и биогенного оружия, имеющего климатические, техносферные, геофизические и биологические последствия, поскольку изменяет множество жизненно важных геохимических циклов на планетарном уровне.

Антропогенное воздействие, обусловленное военными действиями, не регламентировано и нарушает привычный порядок (Антонов, 2015). Критическая ситуация меняет «нормальный метаболизм» города на форсированный, истощая все накопленные ресурсы.

Рассмотрим положение Алеппо с точки зрения наличия ресурсов. Горная цепь Ансария разделяет страну на влажную западную часть и засушливую восточную. Плодородная прибрежная равнина расположена на северо-западе Сирии и простирается на 130 км с севера на юг вдоль берега Средиземного моря от турецкой до ливанской границы. Здесь сосредоточено практически всё сельское хозяйство страны. Большая же часть сирийской территории расположена на засушливом плато, испещрённом горными цепями Дажабль-ар-Рувак, Дажабль-Абу-Руджмайн и Дажабль-Бишри. Только треть территории Сирии может быть пригодна для сельского хозяйства. На долю сельского хозяйства (50% населения) приходится около 30% национального дохода и 17% поступлений от экспорта (хлопок, продукты животноводства, овощи и фрукты). На государственном секторе, который сохранял в экономике ведущую роль (70% основных средств производства), приходится около половины национального дохода и примерно 75% стоимости промышленной продукции. Государство контролирует сферу финансов, энергетику, транспорт. В рамках провозглашенного сирийским руководством курса на постепенную либерализацию и модернизацию экономики взята линия на предоставление

предприятиям госсектора большей хозяйственной самостоятельности, в частности, права выхода на внешний рынок, привлечение иностранных инвестиций (Министерство..., 1993: 12).

До начала в Сирии гражданской войны в 2011 г. экономическая ситуация в стране, несмотря на последствия глобального кризиса, в целом оставалась довольно устойчивой, чему способствовала ресурсная, в том числе продовольственная, обеспеченность⁶.

Рассмотрим предпосылки сложившейся критической ситуации сквозь несколько этапов развития страны:

1. *Формирование предпосылок к критической ситуации в изначальной «нормальной» среде города. (1960-е гг.)*. Напомним, что на влажной западной части страны сосредоточено сельское хозяйство, которое является традиционным занятием для большей части населения и на котором строится ее внутренняя и внешняя экономика. Но политическая программа Хафеза Асада предполагала увеличение распаханых площадей, перенос воды из других источников, неправильную постройку плотин, увеличивающую потери воды.

2. *Скрытая ресурсная недостаточность как предкритическое состояние*. С 1980 года начались процессы опустынивания, обозначились проблемы с наличием пресной воды. Распахивались как новые земли, таи лесные территории, началась культивация водолубивого хлопка, доступная вода бралась из Евфрата. Турция начала строить плотину имени Ататюрка, одну из 22-х плотин на Тигре и Евфрате, реках, берущих начало в Турции, протекающих по территории Сирии и Ирака и впадающих в Персидский залив (Никишин, 2016). Вследствие особенностей постройки половина воды Евфрата, попадавшей в Сирию, стала оставаться в Турции. В 1990 гг. уровень грунтовых вод падает. Новой программы по улучшению экологической и экономической ситуации не появляется. Однако

⁶Послевоенное восстановление Сирии – приоритет России и амбиции других игроков. 23.02.2017. URL: <https://riafan.ru/629548-poslevoennoe-vosstanovlenie->

siirii-prioritet-rossii-i-ambicii-drugih-igrokov (дата обращения: 17.07.2017).

развиваются нефтяные сектора, электроэнергетическая, газодобывающая отрасль, добыча фосфатов, пищевая, текстильная, химическая (производство удобрений, пластмасс), электротехническая. Все эти отрасли являются водоемкими. Отсутствуют экологические мероприятия по снижению загрязнений вследствие хозяйственной и промышленной деятельности. Нефтяные разработки Сирии интересуют и другие государства, но поскольку сирийские власти не могут контролировать весь рынок, множество ресурсов нефтяных месторождения уже в настоящее время нелегально эксплуатируются ИГИЛ (запрещенная организация в России). Вследствие недостаточной технической оснащенностью для правильной добычи нефти, возникает локальное количество разливов нефтепродуктов, негативно отражающиеся на состоянии природной среды (Тамри, 2015).

3. *Формирование ресурсного конфликта и инвайронментального неравенства (2008-2011 гг.)*. Если в 1970-х гг. в сельском хозяйстве были заняты около двух третей работников, то в 2000-х гг. их доля упала ниже четверти. Миллионы (из общей численности примерно в 20 миллионов человек) мигрировали в города. В 2011 г. вспышкой демонстраций недовольных проявился первый видимый кризис, который вывел из тени межэтнические и социальные разногласия, хотя причин конфликта было множество, в том числе и связанных с инвайронментальным неравенством по отношению к обращению с ресурсами. По-прежнему не учитывался важный доступ к водным объектам, от которых зависело благосостояние страны и экономики. В течение нескольких засушливых лет зерно и пропитание начинают импортировать, поднимается массовая волна миграции в города.

Осажденный Алеппо – модель критической ситуации.

Как показал О.Н. Яницкий, раскрывая качественную модель осажденного города, «критические города суть многосторонние узлы взаимодействия самых разных процессов и сил, которые связаны между собой столь же сложными метаболическими процессами» (Яницкий, 2017: 137). Мы предприняли попытку используя открытые информационные источники выделить далеко неисчерпывающие проявления критической ситуации в Алеппо и проанализировать доступную информацию.

1. *Снижение социокультурного капитала и резкое ухудшение условий жизни населения.*

Рассматриваемый нами город Алеппо является одним из самых древних постоянно населенных городов мира, имеющим богатое культурное наследие. Исторический центр города, входящий в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, получил серьезные повреждения. Более половины зданий города было разрушено. Многочисленные фотографии кварталов Алеппо, транслируемые СМИ, свидетельствуют о сильных разрушения в городе.

Конфликт в Сирии длится около 6 лет. Постепенно в него включалось все больше сторон, но самые большие тяготы несут несомненно граждане Сирии. 85% сирийцев, по данным ОСНА (UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs), живут в бедности⁷. 13,5 млн нуждаются в гуманитарной помощи, 5 млн сирийцев – беженцы, 6,3 млн – перемещены внутри страны. Большинство сирийских беженцев остаются на Ближнем Востоке – в Турции, Ливане, Иордании, Ираке и Египте – странах, участвующих в реализации Плана гуманитарного реагирования⁸, но около 10% бежали в Европу⁹.

⁷Syria suffering in numbers, 16.12.2016. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Syria's_%20Suffering_in_Numbers_161209.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

⁸Humanitarian Response Plan for Syria. 04.02.2016. URL: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2016>

[_hrp_3rp_chapeau_syria_final_hi_res.pdf](#) (дата обращения: 17.07.2017).

⁹Syria refugee crisis: Facts you need to know. URL: <https://www.worldvision.org/refugees-news-stories/syria-refugee-crisis-war-facts> (дата обращения: 17.07.2017).

Население Сирии сократилось на 15% с 20,87 млн человек в 2010 г. до 17,65 млн человек в конце прошлого года¹⁰.

В настоящий момент Сирия стала вторым крупнейшим государством по количеству беженцев после Палестины: 3,33 млн человек были вынуждены бежать в другие страны, 1,55 млн сирийцев уехали из Сирии, 6,8 млн человек уехали из дома, но остались в Сирии [там же].

В отчете программы развития ООН и Агентства ООН для помощи палестинским беженцам, отмечается, что число убитых в конфликте серьезно выросло до 210 тыс. Вместе с 840 тыс. раненых это составляет 6% населения Сирии, убитого или раненого во время конфликта. «Конфликт привел к ужасающему сокращению продолжительности жизни с 75,9 лет в 2010 г. до 55,7 лет в конце 2014 г., то есть на 27%», – отмечается в отчете.

Согласно данным ООН, в 2016 году более половины населения страны – 13,5 млн человек (из 17,8 млн населения), включая 6,5 млн детей, – нуждаются в гуманитарной помощи. 11,5 млн человек необходима медицинская помощь. У 12,1 миллиона отсутствует доступ к чистой питьевой воде.

Наблюдается социальная эксклюзия, то есть исключение социальных групп из обычных условий существования. В процессе развития конфликта формируются группы, включенные в новую реальность, и исключенные из нее. Поскольку в некоторых регионах засуха привела к гибели урожая на 75%, а поголовья скота на 85%, это повлияло на жизнь 1,3 млн человек, в числе которых были фермеры, составлявшие центральное звено в обеспечении продовольствием страны. Ещё в 2009 году ООН и Красный Крест сообщали, что в

результате засухи потеряли средства к существованию около 800 тысяч человек. А в 2010, согласно оценке ООН, на грани голода оказались миллион человек¹¹.

По заявлению исполняющего обязанности гуманитарного координатора ООН в Сирии Саджада Малика, численность населения Алеппо за время конфликта сократилась более чем в 2,5 раза – с 4 млн до 1,5 млн человек¹².

2. *Недостаточность ресурсов и разрушение системы жизнеобеспечения.*

Ресурсные проблемы обострились с началом военного конфликта. За годы военного конфликта Сирия превратилась в бедную страну, 30% населения вынуждено жить в состоянии крайней нищеты. Если бы правительство в 60-е гг. продумало как построить интересы фермеров в водную программу распределения ресурсов, учитывая реальные климатические условия, и наличия абиотических ресурсов, ситуация могла бы развиваться иначе¹³. Покупательная способность внутри страны упала, а в затронутых боевыми действиями районах, в частности в Алеппо, где был сконцентрирован промышленный потенциал страны, люди голодали, не имели доступа к медицинской помощи, медикаментам и самому необходимому¹⁴.

В результате бомбардировки Алеппо и реакции на них вооруженной оппозиции привели к тому, что без воды осталось почти два миллиона жителей. На востоке Алеппо повреждена водонасосная станция Баб-ан-Найраб, снабжавшая водой около 250 тысяч человек. Из-за продолжающихся боевых действий ремонтные бригады не могли добраться до станции. Была отключена станция Сулейман аль-Халаби, снабжавшая водой около 1,5 млн жителей западной части города, контролируемой

¹⁰Центральное статистическое бюро Сирии, 2015. URL: <http://www.cbssyr.sy/index-EN.htm> (дата обращения: 17.07.2017).

¹¹Война в Сирии: ужасающие экономические последствия. 12.03.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/54429> (дата обращения: 17.07.2017).

¹²ООН: численность населения Алеппо за время конфликта сократилась в 2,5 раза. 05.01.2017. URL:

<https://news.tut.by/world/526346.html> (дата обращения: 17.07.2017).

¹³Программа развития ООН. URL: <http://www.undp.org/> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁴Послевоенное восстановление Сирии – приоритет России и амбиции других игроков. 23.02.2017. URL: <https://riafan.ru/629548-poslevoennoe-vosstanovlenie-sirii-prioritet-rossii-i-ambicii-drugih-igrokov> (дата обращения: 17.07.2017).

правительственными войсками. К 2015 г. количество воды, хранящейся в водохранилищах в сирийском бассейне Ярмук, сократилось примерно на 50%, также сократились агрокультуры.

3. *Нарастание рискогенного характера военных отходов.*

Отходами в широком смысле можно назвать все те вещества, которые несут какой-либо ущерб для окружающей среды и живых существ. Они могут послужить причиной разрушения хозяйственной инфраструктуры города. А если говорить о военном положении, то добавляется новая категория опасных отходов – военные отходы. Они бывают радиационно-опасные, химически опасные, взрыво- и пожароопасные. Военная ситуация существенно «ускоряет» метаболизм города, вводя новые материальные потоки и нарушая природные циклы, заставляя реагировать на вызовы критической ситуации с максимальной скоростью, доставляя ресурсы в точки, где наносится наибольший урон. Порядок распределения ресурсов нарушается, вводятся новые не перерабатываемые потоки отходов, в дополнение к существующим проблемам с водоснабжением.

При ведении военных действий образуется гораздо большее количество отходов, оказывающих влияние на окружающую среду, инфраструктуру города, вызывая дополнительные социальные эффекты, где инвайронментальное неравенство провоцирует новые виды социального неравенства и появление эксклюзивных групп. Правительство занимается непосредственно обеспечением выживаемости оставшейся части населения, организуя медицинскую и гуманитарную помощь, однако не уделяет внимания предупреждению загрязнений и формированию слаженной си-

стемной модели утилизации отходов и экологически ответственного производства, как в нормальных, так и в критических состояниях.

Рискогенность военных отходов усугубляется применением боевиками химического оружия при обстреле Алеппо, по свидетельствам СМИ, в марте 2013 г. и в октябре 2016 г.¹⁵ По словам генерал-майора И. Конашенкова, в 2016 г. военные ВС России нашли в одном из районов города неразорвавшиеся артиллерийские боеприпасы с химическими веществами, а также взяли пробы грунта в месте их применения. Лабораторный анализ показал, что отправляющими веществами с высокой вероятностью являлись хлор, зарин и белый фосфор¹⁶.

Критическая ситуация в освобожденном городе усугубляется наличием мин в жилых районах. По данным СМИ, с 5 декабря 2016 г. в Алеппо работали профессиональные саперы из Международного противоминного центра ВС РФ¹⁷. К концу декабря они разминировали 966 гектаров земли в восточном Алеппо. «От взрывоопасных предметов очищено около 350 километров автодорог и 2149 зданий (из них 111 социально значимых), в том числе 44 школы, 38 мечетей, десять больниц и поликлиник, два детских сада, три водозаборные станции, две электростанции, одна водоочистная станция и один хлебозавод», – говорится в сообщении центра по примирению враждующих сторон в Сирии.

Российские инженеры разминировали в Алеппо более чем 36 тысяч опасных предметов. В Алеппо сначала освобождались социально и стратегически значимые объекты, и подвалы зданий от мин. Боеприпасы вывозятся на безопасное расстояние от населенных территорий и подрываются в результате их подрыва, по оценке специалистов, в атмо-

¹⁵Боевики применили химическое оружие в районе сирийской провинции Алеппо, погибли 15 человек. 19.03.2017. ТАСС. URL: <http://tass.ru/archivethemes/585878> (дата обращения: 17.07.2017); Химическая реакция на «гуманитарные паузы». 30.10.2016. Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/10/30/10293473.shtml> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁶Химическая реакция на «гуманитарные паузы». 30.10.2016. Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/10/30/10293473.shtml> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁷Алеппо после войны: как разминируют древний город. 29.12.2016. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201612290935-fgmn.htm (дата обращения: 17.07.2017).

сферу выделяются канцерогенные и токсические вещества, содержание кислорода в воздухе снизится на территории порядка сотни тысяч км, что способствует кумуляции парникового эффекта (Акулин, 2006).

Военные отходы в населенном городе требуют безотлагательного разминирования и утилизации. Под утилизацией военных отходов понимают комплекс мероприятий и технологических процессов, которые способствуют переводу образца вооружения в небоеспособное состояние (демилитаризация) или приданию ему дополнительных функций путем доработки (диверсификации), или переработке образцов с целью иного, достаточно эффективного использования в интересах экономики или обороны страны.

4. Этно-религиозная составляющая критической ситуации.

Анализ развития критической ситуации в Алеппо позволяет сделать вывод о том, что значимость этно-религиозного фактора падает. Об этом свидетельствуют многочисленные интервью участников боев, которые находятся в открытом доступе: *«Я христианин, – говорит мне старший сержант на посту, целя люя нагрудный крест. – А вот он – мой друг – суннит. А вот этот – шиит. И мы все вместе защищаем нашу страну от сумасшедших фанатиков»*¹⁸.

Исследование экспертных интервью показывает, что «теперь Алеппо готовы защищать не только правительственные войска, но и обычные его жители. И явление это носит массовый характер. На оборону города готовы встать как единичные добровольцы, так и люди, имеющие влияние в городе, такие, за которыми пойдут сотни и тысячи горожан»¹⁹. (опять: это все метаморфозы войны) Примером такого участия является лидер народного ополчения – известный бизнесмен, который

занимается благотворительностью, готов собрать до 6 000 человек, но ему требуется поддержка руководства Сирийской Арабской Армии для их вооружения. В Алеппо есть люди, способные повести за собой народное ополчение и встать на защиту города. «Необходимо лишь организовать взаимодействия между такими отрядами, обеспечить их оружием, снаряжением и боеприпасами и грамотно организовать оборону кварталов, что вполне осуществимо при поддержке правительственных войск Сирии» [там же].

Длительное «сжатие» мирного населения в осажденном городе (с применением насилия) элиминирует этно-конфессиональные и иные различия, заставляя этих людей думать только о выживании. Для страдающего от тягот войны населения города, испытывающего жесточайший недостаток элементарных ресурсов для удовлетворения базовых потребностей, религиозные противоречия теряют свою актуальность в борьбе за существование. О состоянии населения Алеппо можно судить по интервью освобожденных жителей Алеппо: (этот факт – очень важен, но он показывает, что жизнь – главное!).

«У нас не было ни еды, ни лекарств. А боевики жили очень даже благополучно. Они перепродавали нам продукты втридорога», – рассказывает Сафа Диб.

*«Вещи, деньги, квартира – это все неважно. Самое главное – жизнь. Моему сыну было 9 лет. Он вышел с моей женой за продуктами. Боевики обстреляли рынок – и мой мальчик погиб», – рассказывает Ахмад Аль-Иса»*²⁰.

5. Гуманитарные аспекты критической ситуации в Алеппо.

Как отмечает О. Н. Яницкий население осажденного города практически не имело ресурсных или информационных связей с внеш-

¹⁸Пять причин войны в Сирии: взгляд из Дамаска. Комсомольская правда. 2013. 12 сен. URL: <http://www.kp.ru/daily/26132.3/3023082/> (дата обращения: 17.07.2017).

¹⁹Алеппо снова под бомбами после провала перемирия, обещанного Россией и США. 2016. 24 сен. URL: http://inosmi.ru/country_syria/20160924/237912923.html (дата обращения: 17.07.2017).

²⁰Рассказы местных жителей из освобожденных кварталов Алеппо разоблачают миф об умеренной оппозиции. Первый канал. 2016. 4 окт. URL: http://www.1tv.ru/news/2016-12-04/315388-rasskazy_mestnyh_zhiteley_iz_osvobodzhennykh_kvartalov_aleppo_razoblachayut_mif_ob_umerennoy_oppozitsii (дата обращения: 17.07.2017).

ним миром (Яницкий, 2017: 138). Ограниченный гуманитарный доступ в сочетании с ограничениями на свободное передвижение гражданских лиц, включая детей, повлиял на доступ населения к основным товарам (продовольствие, чистая вода, медикаменты), и услугам (здравоохранение, образование, водоснабжение). Самостоятельно население осажденного города было не в состоянии обеспечить себя всеми необходимыми благами и наладить реабилитационные процессы. Во многом выживание мирного населения в критической ситуации обеспечивается за счет гуманитарной помощи.

Во время осады гражданская инфраструктура города (школы, больницы, станции водоснабжения) подвергалась атакам, доставка гуманитарной помощи была нестабильна. Потoki гуманитарной помощи населению шли из разных источников: как от акторов, находящихся внутри страны, так и от международных организаций и отдельных стран. Можно выделить как минимум 12 акторов, оказывающих помощь Алеппо, среди которых международные организации, российские гуманитарные организации, сирийские местные организации (*grassroots organizations*) и другие.

Усилия всех этих акторов условно можно отнести к реализации плана гуманитарного реагирования на критическую ситуацию. Этот план охватывает мероприятия по оказанию помощи разным группам сирийских граждан: (1) беженцам, оказавшимся в лагерях в Турции, Ливане, Ираке, Иордании, Египте и в других местах, (2) перемещенным внутри страны гражданам, (3) людям на местах (в осажденном Алеппо). Сектора, на которые выделялись средства и усилия, включают пищевую безопасность и сельское хозяйство, здравоохранение, питание, воду, санитарии и гигиену, образование, кров и т.д.

Международные силы подключились к реализации планов и программ по реабилитации населения. Координировали и руководили

этим программами крупнейшие международные организации – ООН и ее отделения (ЮНЕСКО, Агентство Мировая продовольственная программа). Среди таких программ План гуманитарного реагирования, Гуманитарная стратегия ЮНИСЕФ, Мировая продовольственная программа для Сирии²¹. По каждой из этих программ организации регулярно отчитываются о выделенных средствах, количестве получивших помощь людей, но фактически работа ведется именно с беженцами, а не с оставшимся в городе населением²². Эти организации были в силах лишь фиксировать трудности, с которым сталкивается население в осажденном городе: серьезные нарушения прав детей, включая убийства и увечья, нападения на школы и больницы, сексуальное насилие, похищения и вербовка, использование детей, ограниченный доступ населения к основным товарам, таким как продовольствие, чистая вода (из-за повреждения водонасосной станции), средства гигиены, здравоохранение (из-за нехватки медикаментов и разрушения больниц) и образование.

ЕС называет себя лидирующим донором: более 9,4 млрд евро из общего бюджета мобилизовано Комиссией и Государствами-членами на гуманитарную помощь, развитие, экономическую помощь и стабилизацию. ЕС поддерживает инициативы по защите беженцев в Иордании, Ливане, Египте и Турции. Эти страны, в свою очередь, включились в реализацию Плана гуманитарного реагирования.

Гуманитарная помощь США реализуется в поддержке деятельности ООН и других международных и неправительственных организаций, действующих во всем мире. В 2017 г. США выделяет 8 млрд долларов на нужды Сирии и региона, которые были отмечены в призыве ООН в 2017 г. Часть финансовых средств пойдет непосредственно на реализацию идей ООН, часть – на нужды международных и неправительственных организаций, работающих с населением Сирии. К сожалению, по откры-

²¹Syria. Four years of struggle and hope. 30.03.2015. URL: <http://panorama.wfp.org/syria> (дата обращения: 17.07.2017).

²²Syria Crisis October 2016 Humanitarian Results. URL: http://childrenofsyria.info/wp-content/uploads/2016/11/UNICEF-Syria-Crisis-Situation-Report_October-2016.pdf (дата обращения: 17.07.2017).

тым источникам нет возможности судить о реальной поддержке населения внутри города, информации о том какая доля этой помощи доходит до пострадавших недостаточно.

Российский ответ на катастрофу состоит в участии в организации и доставке гуманитарных конвоев, оказании медицинской помощи. В Алеппо развернуты госпитали Минобороны РФ²³, в которых работают российские военные врачи (Российский Медицинский отряд специального назначения)²⁴, они проводят консультации и выдают медикаменты²⁵, в которых испытывается дефицит. Координацию доставки гуманитарной помощи жителями Сирии, Алеппо в частности, осуществляет Центр по примирению враждующих сторон на территории Сирийской Арабской Республики²⁶. Кроме того, в Сирии работают российские неправительственные организации: Русская гуманитарная миссия, благотворительный фонд Доктора Лизы «Справедливая помощь».

Самая трудная ситуация складывалась в районах осажденного города, так как в условиях блокировки въезда гуманитарных конвоев крупные благотворительные организации не всегда получали доступ к разным районам Алеппо. Оказание помощи усложнялось и тем, что СМИ постоянно транслировали противоречивую информацию о положении дел в городе, и до конца нельзя было быть уверенными в том, что происходило на самом деле. На этом фоне вспыхивали жаркие дипломатические конфликты. Организация гуманитарных конвоев для мирных жителей, со слов российских дипломатов, требовала колоссальных усилий с их стороны и со стороны российских военных, поскольку они подвергались

беспрецедентному давлению со стороны ООН²⁷.

6. Информационная составляющая критической ситуации.

Западные СМИ активно включены в процесс оказания гуманитарной помощи сирийскому населению посредством информирования о точках сбора ресурсов (фондах и благотворительных организациях) и других способах поддержки, таких как профессиональные онлайн-консультации сирийских медиков на местах, бесплатные переводы документов для международных общественных организаций, участие в демонстрациях,

Итак, большинство из поддерживаемых западными СМИ организаций, помогают именно беженцам, бегущим из Алеппо. Лишь малая часть из этих организаций имеет доступ непосредственно к Алеппо, и заключается он в отправке пакетов с предметами первой необходимости или лекарств. Но вновь мы видим, что большая часть этой помощи направлена именно на поддержку беженцев, а не на решение вопросов жизнеобеспечения, оставшихся в городе. Кроме того, на площадке СМИ разыгрывается настоящая информационная война.

В феврале 2017 г. в США был опубликован доклад Атлантического совета «Разрушение Алеппо», в котором эксперты Совета обвиняют режим Башара Асада, Иран и Россию в окончательном разрушении Алеппо в декабре 2016 г. после 5 лет жестких боев, бомбардировок и осады²⁸. В докладе говорится, что победа над оппозицией и вытеснение значительной части населения из города стали

²³Помощь российских военных медиков получили 17 тысяч сирийцев в Алеппо 26.04.2017. URL: <https://rg.ru/2017/04/26/pomoshch-rossijskih-voennyh-medikov-poluchili-17-tysjach-sirijcev-v-aleppo.html> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁴В Алеппо российские врачи принимают до 200 пациентов в сутки. 03.05.2017. URL: ria.ru/syria/20170503/1493543820.html (дата обращения: 17.07.2017).

²⁵Российские военные медики помогают жителям восточного Алеппо в полевом госпитале, 17.02.2017. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/4031136> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁶Российские военные доставили 12 тонн гумпомощи в провинции Алеппо и Дерья. 01.04.2017. URL: <https://ria.ru/syria/20170401/1491251348.html> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁷Российский дипломат описала в книге историю освобождения Алеппо. 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/syria/20170613/1496366014.html> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁸Breaking Aleppo. Atlantic council. February 2017. URL: <http://www.publications.atlanticcouncil.org/breakingaleppo/wp-content/uploads/2017/02/BreakingAleppo.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).

критическим поворотным пунктом в сирийской гражданской войне и изменили баланс сил между США, их местными союзниками и противниками в Сирии. Режим Асада, российские чиновники и СМИ обвиняются также в разворачивании кампании по распространению дезинформации о ситуации в Сирии, что свидетельствует о наступлении эры «пост-правды» в международных отношениях.

Западные гражданские силы обвиняют Россию в поддержке войск Асада, блокирующих доступ помощи мирному населению. Минобороны РФ в свою очередь считает, что подвергается информационным атакам. Западная общественность подписывает петиции за ужесточение санкций против России, отдельные НКО, такие как «Сирийско-американское медицинское общество» обвиняют Россию в гибели мирных сирийцев в результате воздушных ударов российских самолетов по госпиталям в Сирии (Breaking Aleppo, 2017: 22-30), а представители Минобороны РФ разоблачают эту организацию, отмечая, что «к медицине, как и врачам, данная организация, зарегистрированная в американском штате Иллинойс, имеет отношение не больше, чем запрещенная в России террористическая организация “Исламское государство” к международному скаутскому движению»²⁹. В Минобороны считают, что с момента создания в 2012 г. эта организация использовалась, прежде всего, для публикации «свидетельств» о якобы применении против сирийской оппозиции химического оружия.

В итоге избыток разнонаправленной информации не дает представления о реальном положении дел в осажденном городе. В ответ на массированную информационную атаку запада и международных организаций, в 2017 г. постоянный представитель России при ООН, М. С. Ходынская-Голенищева выпустила монографию о ситуации в Алеппо и дипломатических играх, ведущихся вокруг осажденного города (Ходынская-Голенищева, 2017), в которой подробно описаны действия отдельных

политических игроков, влияющие на ситуацию на местах.

Заключение (Conclusions). Внутренний экологический кризис в Алеппо был спровоцирован некорректной государственной и инженерной программой жизнеобеспечения воды для населения в рамках определяющего для экономики страны сельского хозяйства, в тяжелые условия оказалась поставлена «несущая способность среды», что повело за собой массовую миграцию в города, недовольство политикой развития, на что накладываются межэтнические рассогласования интересов внутри Сирии, и с внешней стороны – атаки внешних групп и интересов ИГИЛ, нацеленных на нефтяные ресурсы. Было использовано запрещенное химическое оружие, что волекло за собой новые экологические последствия. Появились новые потоки военных отходов, подрвав нормальный метаболизм города. Урон был нанесен генофонду популяции, снизил количество пригодных для земледельческих территорий вдвое, способствовал локальному и макро-изменению климата, утрате экосистемных услуг.

Во время критической ситуации, подобной той, что сложилась в 2016 г. в Алеппо играют важную роль в способности выживания города:

- несущая способность критического города, то есть изначальное качество и ресурсы окружающей среды, социальный, экономический, инфраструктурный, энергетический капитал. Важно качество продуктов, наличие медикаментов и человеческого ресурса, способного это обеспечить; важны запасы установленных и доступных энергетических мощностей, которые способны работать в усиленном режиме больше всего в критической ситуации страдает социальный капитал, так как эта ситуация служит точкой бифуркации для выявления аномальных групп, провоцируя новый уровень разобщенности, напряжения и т. д.;

²⁹Минобороны РФ: Врачей «Сирийско-американского медицинского общества» ищите в Иллинойсе. 26.10.2015. URL:

<http://www.kp.ru/daily/26450.5/3320718/>

(дата

обращения: 17.07.2017).

- гибкость инфраструктуры города, связность и коммуникационная доступность стратегически важных для выживания граждан объектов;

- специфика промышленной и технической направленности города;

- системная согласованность питающих элементов города.

Подводя итог, можно сказать, что религиозный фактор играет в этом конфликте инструментальную роль, то есть, является инструментом разжигания вражды для достижения политических целей, как внутри страны, так и при участии внешних сил. На протяжении военных действий, этно-религиозный аспект действий террористов оставался неизменным: они воюют против всех, кто не поддерживает их религиозные убеждения или воюют по контракту за вознаграждение. У жителей осажденного Алеппо этно-религиозные различия по мере углубления критической ситуации отходит на второй план. Население Алеппо массово поддерживает борьбу правительственных сил с террористическими группировками, независимо от конфессии и этнической принадлежности.

Военный конфликт перерос из категории внутреннего кризиса в арену противостояния внешних сил, отразив тем самым тенденции современности, связанные с появлением новых центров влияния и нынешним этапом развития международных отношений [Ходынская-Голенищева 2016]. В мировую политику вошли новые негосударственные игроки, в том числе различные фонды и неправительственные организации, имеющие конкретные идеологические установки на поддержание отдельных стран и коалиций, не говоря уже о появлении новых форм террористических организаций, которые также становятся участниками политических процессов. Помимо традиционных военных технологий, в процессе разворачивания конфликта нового типа используется большой арсенал отработанных ранее информационно-коммуникационных технологий, с подключением негосударственных акторов (СМИ, неправительственных международных организаций и проч.).

Список литературы

1. Антонов В. А., Ажгиревич А. И., Бадтиев Ю. С., Власов А. И., Грачев В. А., Гутенев В. В. Экология. Военная экология / под общ. ред. В. И. Исакова. М.; Смоленск: ИД Камертон: Маджента, 2006. 723 с.
2. Багдасаров С. А. Ближний Восток: вечный конфликт. М.: «Э», 2016.
3. Молхем А. Этно-религиозные аспекты сирийского конфликта // Центр стратегической конъюнктуры. 2017. 29 май. URL: <http://conjuncture.ru/molhem-29-05-2017/> (дата обращения: 17.07.2017).
4. Никишин А. Война в Сирии: причина в воде? URL: <http://allpravda.info/gubyat-lyudey-ne-bomby-gubit-lyudey-voda-9651.html> (дата обращения: 17.07.2017).
5. Тамри А. Настоящая причина войны в Сирии. 2015. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2141056> (дата обращения: 17.07.2017).
6. Ходынская-Голенищева М. С. Подсчет жертв сирийского кризиса: «Неопровержимые данные ООН», или манипуляции статистикой погибших // *Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016. №1. С. 58-65.
7. Яницкий О. Н. Современные войны: взгляд социолога. // *Социологические исследования*. 2015. №5. С. 156-164.
8. Яницкий О. Н. Качественная модель осажденного города: случай Алеппо (Сирия) // *Социологическая наука и соц. практика*. 2017. №1. С. 129-144.
9. Bauman Z. *Globalisation: Human Consequences*. Cambridge: Polity. 1998.
10. Bauman Z. Wars of the Globalisation Era // *European Journal of Social Theory*. 2001. Vol. 4. Is. 1. Pp. 11-28.
11. Bauman Z. Reconnaissance Wars of the Planetary Frontierland // *Theory, Culture and Society*. 2002. Vol. 19. Is. 4. Pp. 81-90.
12. Eckhardt W. *Civilizations, Empires and Wars: A Quantitative History of War*. Jefferson NC: McFarland. 1992.
13. Fearon J. Rationalist Explanations for War // *International Organisation*. 1995. Vol. 49. Is. 3. Pp. 379-414.
14. Fox J. The ethnic-religious nexus: The impact of religion on ethnic conflict // *Civil Wars*, 2000. Vol. 3. Is. 3, Pp. 1-22.
15. Fox J. *Religion Civilization and Civil War since 1945: The Empirical Study*. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.

16. Fox J. *Ethnoreligious Conflict in the Late Twentieth Century: A General Theory*. Lanham, MD: Lexington, 2002.

17. Kaldor M. *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 2001.

18. Kaldor M. *Oil and Conflict: The Case of Nagorno Karabakh* / in: T. Karl Kaldor and Y. Said (eds.). *Oil Wars*. M. London: Pluto, 2007. Pp. 157-183.

19. Kalyvas S. *The Logic of Violence in Civil War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

20. Laitin D. *Nations, States, and Violence*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

21. Malešević S. *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

22. Malešević S. *Sociological Theory and Warfare*. 2011. URL: <https://www.fhs.se/documents/externwebben/om-fhs/organisation/ilm/sociologi%20och%20ledarskap/dokument/sociological%20theory%20and%20warfare.pdf> (дата обращения: 17.07.2017).

23. Mann M. *States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology*. Oxford: Blackwell, 1988.

24. Mann M. *The Sources of Social Power II: The Rise of Classes and Nation-States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 1760-1914.

25. Mann M. *Has Globalisation ended the rise and rise of nation-state?* // *Review of International Political Economy*, 1997. Vol. 4. Is. 3. 472-496.

26. Sassen S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton: Princeton University Press, 2006.

27. Wimmer A., Min B. *From empire to nation-states. Explaining wars in the modern world* // *American Sociological Review*, 2006. Vol. 71. Is. 6. Pp. 867-897.

28. Wimmer A., Min B. *The Location and Purpose of Wars Around the World: A New Global Dataset, 1816-2001* // *International Interactions*, 2009. Vol. 35. Is. 4. Pp. 390-417.

29. Winter J. *Sites of Memory, Sites of Mourning: the Great War in European Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

30. Wintrobe R. *Rational Extremism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

31. Yanitsky O. N. *Sociology of Critical Areas* // *Open Journal of Social Science Research*, 2014, Vol. 2. Is. 3. Pp. 112-118.

References

1. Antonov, V. A., Azhgirevich, A. I., Badtiyev, Yu. S., Vlasov, A. I., Grachev, V. A. and Gutenev, V. V. (2006), *Ekologiya. Voyennaya ekologiya: uchebnik dlya vuzov Ministerstva oborony RF po tekhnicheskim i ekologicheskim spetsial'nostyam* [Ecology. Military ecology: a textbook for high

schools of the Ministry of Defense of the Russian Federation for technical and environmental specialties], Ministerstvo oborony Rossiyskoy Federatsii; in V. I. Isakova (ed.), ID Kamerton, Madzhenta, Moscow, Smolensk, Russia. (*in Russian*).

2. Bagdasarov, S. A. (2016), *Blizhniy Vostok: vechnyy konflikt* [Middle East: perpetual conflict], «Е», Moscow, Russia. (*in Russian*).

3. Molkhem, A. (2017), *Etno-religioznye aspekty siriyskogo konflikta. Tsentr strategicheskoy kon'yunktury* [Ethno-religious aspects of the Syrian conflict // Center for strategic conjuncture] [Online], available at: <http://conjuncture.ru/molhem-29-05-2017/> (Accessed July 17, 2017). (*in Russian*).

4. Nikishin, A. (2017), *Voyna v Sirii: prichina v vode?* [War in Syria: the cause in the water?] [Online], available at: <http://allpravda.info/gubyat-lyudey-ne-bomby-gubit-lyudey-voda-9651.html> (Accessed July 17, 2017). (*in Russian*).

5. Tamri, A. (2015), *Nastoyashchaya prichina voyny v Sirii* [The real reason for the war in Syria] [Online], available at: <http://worldcrisis.ru/crisis/2141056> (Accessed July 17, 2017). (*in Russian*).

6. Khodynskaya-Golenishcheva, M. S. (2016), "Counting the Victims of the Syrian Crisis: "Undeniable UN Data," or Manipulation of the Statistics of the Dead", *Bulletin of the Northern (Arctic), Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, (1), 58-65. (*in Russian*).

7. Yanitskiy, O. N. (2015), "Modern wars: the view of a sociologist. Sociological research", (5), 156-164. (*in Russian*).

8. Yanitskiy, O. N. (2017), "Qualitative model of the besieged city: the case of Aleppo (Syria)", *Sotsiologicheskaya nauka i sots. Praktika*, (1), 129-144. (*in Russian*).

9. Bauman, Z. (1998), *Globalisation: Human Consequences*, Polity, Cambridge, Ukraine.

10. Bauman, Z. (2001), "Wars of the Globalisation Era", *European Journal of Social Theory*, 4 (1), 11-28.

11. Bauman, Z. (2002), "Reconnaissance Wars of the Planetary Frontierland", *Theory, Culture and Society*, 19 (4), 81-90.

12. Eckhardt, W. (1992), *Civilizations, Empires and Wars: A Quantitative History of War*, Jefferson NC, McFarland.

13. Fearon, J. (1995). "Rationalist Explanations for War", *International Organisation*, 49 (3), 379-414.

14. Fox, J. (2000), "The ethnic-religious nexus: The impact of religion on ethnic conflict", *Civil Wars*, 3 (3), 1-22.
15. Fox, J. (2004), *Religion, Civilization and Civil War since 1945: The Empirical Study*, MD: Lexington Books, Lanham, USA.
16. Fox, J. (2002), *Ethnoreligious Conflict in the Late Twentieth Century: A General Theory*, MD, Lexington, Lanham, USA.
17. Kaldor, M. (2001), *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*, Polity Press, Cambridge, Ukraine.
18. Kaldor, M. (2007), *Oil and Conflict: the Case of Nagorno Karabakh*, in: T. K. Kaldor and Y. Said (ed.), *Oil Wars*, Pluto, London, Ukraine. 157-183.
19. Kalyvas, S. (2006). *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge University Press, Cambridge, Ukraine.
20. Laitin, D. (2007). *Nations, States, and Violence*, Oxford University Press, Oxford, Ukraine.
21. Malesevic, S. (2010), *The Sociology of War and Violence*, Cambridge University Press, Cambridge, Ukraine.
22. Malesevic, S. (2011), *Sociological Theory and Warfare* [Online], available at: <https://www.fhs.se/documents/externwebben/om-fhs/organisation/ilm/sociologi%20och%20ledarskap/dokument/sociological%20theory%20and%20warfare.pdf> (Accessed July 17, 2017).
23. Mann, M. (1988), *States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology*, Blackwell, Oxford, Ukraine.
24. Mann, M. (1993), *The Sources of Social Power II: The Rise of Classes and Nation-States*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1760-1914.
25. Mann, M. (1997), "Has Globalisation ended the rise and rise of nation-state?", *Review of International Political Economy*, 4 (3), 472-496.
26. Sassen, S. (2006), *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*, Princeton University Press, Princeton, USA.
27. Wimmer, A. and Min, B. (2006), "From empire to nation-states. Explaining wars in the modern world", *American Sociological Review*, 71 (6), 867-897.
28. Wimmer, A., Min, B. (2009), "The Location and Purpose of Wars Around the World: A New Global Dataset, 1816-2001", *International Interactions*, 35 (4), 390-417.
29. Winter, J. (1995), *Sites of Memory, Sites of Mourning: the Great War in European Cultural History*, Cambridge University Press, Cambridge, Ukraine.
30. Wintrobe, R. (2006), *Rational Extremism*, Cambridge University Press Cambridge, Ukraine.
31. Yanitsky, O. N. (2014), "Sociology of Critical Areas", *Open Journal of Social Science Research*, 2 (3), 112-118.
- Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.**
Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.
- Мастикова Наталья Сергеевна**, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Института социологии РАН.
- Усачева Ольга Александровна**, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Института социологии РАН.
- Ермолаева Юлия Вячеславовна**, младший научный сотрудник Института социологии РАН.
- Natalia S. Mastikova**, Candidate of Sociological Sciences, Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
- Olga A. Usacheva**, Candidate of Sociological Sciences, Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
- Yulia V. Ermolaeva**, Junior Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.7; 316.61

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-55-60

Vesna S. Trifunovic

**CHANGES IN SOCIETY AND EDUCATION:
EDUCATIONAL POLICIES AND CHRISTIAN VALUES**

University of Kragujevac, Faculty of Pedagogical Sciences, Department of Humanities,
14 M. Mijalković, Jagodina, 35000, Republic of Serbia
dimitrije95@ptt.rs

Abstract. Globally spread strategy of neoliberal development, which is accepted by modern society, requires the adoption of specific standards. Standardization of legislation and action in different sectors sets before the local society, at the same time, (a) the issue of the relationship according to one's own tradition, culture, identity, and (b) the need to create appropriate development policies. Serbian society, seeking to join the European Union (EU), creates a development policy based on the strategy of neoliberal development and the values of the so-called Western cultural circle. Such orientation produced the need for redefining one's own traditions, history and cultural identity: tradition loses its significance; historical events are subject to re-evaluation and cultural identity to fragmentation. These complex processes with comprehensive and far-reaching effects are encouraged by partial policies, such as cultural policy and educational policy. Institutionalized education, as an important factor in the formation of culture and socialization of new generations, establishes, by its overall performance, a new attitude toward Christian values, which can be described as a misunderstanding and rejection.

Keywords: culture; socialization; education; cultural identity; Christian values; personality; harmonization; Serbian society.

Трифуневич В. С.

**ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ОБРАЗОВАНИИ:
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ
И ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ**

Факультет педагогических наук, Университет г. Крагуевац, Факультет педагогических наук,
М. Мијалковича, 14, г. Ягодина, 35000, Республика Сербия
dimitrije95@ptt.rs

Аннотация. Глобально распространенная стратегия неолиберального развития, которая принимается современным обществом, требует принятия конкретных стандартов. Стандартизация законодательства и действий в разных секторах ставит перед локальным сообществом в одно и то же время вопросы соотношения в соответствии с его собственными традициями, культурой, идентичностью и необходимости разработки соответствующей политики развития.

Сербское общество, стремясь к вступлению в Европейский Союз (ЕС), создает политику, основанную на стратегии неолиберального развития и широких, так называемых, ценностях западного культурного круга. Такая ориентация порождает необходимость пересмотра своих собственных традиций, истории и культурной самобытности: традиция теряет свое значение, исторические события подлежат переоценке, а культурная идентичность – фрагментации. Эти сложные процессы со всесторонними и далеко идущими последствиями опощряются с помощью политических сфер, таких как культурная политика и политика в области образования. Институциональное образование, как важный фактор в формировании культуры и социализации новых поколений, в силу своей общей эффективности устанавливает новое отношение к христианским ценностям, которое может быть описано как непонимание и отказ от них.

Ключевые слова: культура; социализация; образование; культурная идентичность; христианские ценности; личность; гармонизация; сербское общество.

Acknowledgements

Prepared as a part of the project *Sustainability of the Identity of Serbs and National Minorities in the Border Municipalities of Eastern and Southeastern Serbia* (179013), conducted at the University of Niš – Faculty of Mechanical Engineering, and supported by the Ministry of Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

Introduction. After 2000, Serbian society passes through various stages of development with the ultimate aim to harmonize itself with the so-called European space, which comprises the European Union (EU), and which has led to demands that the “domestic” education is connected to the European. There are defined the new education policies, which represent the discontinuity with the established tradition of the socialist period of development and in the level of values are visible two main tendencies: 1) neoliberal ideology and values become dominant; 2) Christian values (under Christian values, in this paper, are included the values on which the Orthodoxy is based) have become part of the school curriculum after several decades. The ongoing education reform, however, has continued to strengthen the first tendency which is in the service of establishing a capital relations in all dimensions of society and constantly undermines Christian values, which seem to be incompatible with the new world order.

The subject of analysis in this paper are (a) the place and role of Christian values in the process of secondary socialization of students covered by compulsory basic education, which is being conducted within the institutional educational framework which is exposed to a long term reform; (b) the *manner* of acceptance of the recommendations that come from the field of transnational education space, specifically the so-called Western cultural circle. The intention of the author is to highlight in this paper the relationship between social dynamics and educational reform that defines the relationship toward *changes* and their acceptance. The initial assumption is that “domestic” education reform leads to redesigning Serbian cultural identity and complete removal from the supporting element of its vertical –

Christian values – by a pronounced tendency toward changes arising from the acceptance of transnational guidelines.

Theoretical review.

Globalization and educational policies. The neoliberal strategies of development lead to a series of permanent changes in different “local” societies, and to “globalization or the homogenization of education” in the field of education (Barlow and Robertson, 2003). Institutionalized education in different societies is becoming an important actor in promoting neo-liberal doctrine and developing conformist type of social integration, by accepting the so-called standards and “business models” of operation as an expression of compliance with supranational agenda on education. The social role and aims of education are reduced and they are in the function of economic growth. Education should transfer knowledge and create human resources by whose engaging in the economy and other sectors of society there will be enabled its prosperity (Lynch, 2006). Continuous education reforms over the past two decades have, globally, led to the abandonment of Humboldt’s model (Dobbins and Knill, 2009) which was dominant for almost fifty years and to the orientation to the market model (Dobbins, Knill and Vögtle, 2011), whose main objective is to prepare contingents of market competitive labour, for the purposes of capital, whose competences will be in the function of its further fertilization.

Economic parameters in the sphere of education were declared to be the supreme quality parameters. It is all being quantified in order to determine with certainty the *effectiveness* of each factor and the subject of education in the creation of *added value (profit)* whose existence will, in fact, provide legitimacy to the survival of educational institutions and employees.

Educational policies in Serbia are trying to harmonize “Serbian education” with “European education”, for more than a decade. In achieving this ultimate goal the important role have educational policies in the European Union (EU) that seek to respond to: (a) *the challenge of preserving the specificity of the educational systems of the member states* and coordination between the so-called general and professional education, and the sphere of work and the search for mutual *understanding*; (b)

the challenge of action/influence on education policies of national education systems of the countries wishing to join the EU (Pack, 2011).

Accession to the EU, for any country that wants to become part of this integration, represents a major challenge because it is necessary in the pre-accession period to implement huge number of legal norms, which are binding for the EU, in the national legal systems. The procedure of accession is long and may cause a certain *fatigue*, therefore, the Committee on Education and Culture of the European Parliament carried out the idea so that the EU educational programs become open to third countries with the prospect of accession, in order to realize their accession to EU in the field of education.

Education was, therefore, given the role of the integrational contribution in the process of joining Serbian society to the EU, and education reforms are an expression of the political will of the ruling groups of neo-liberal orientation. The new education policies have led to changes in the organization and conception of education, redefining in that way many issues, among which stand out the attitude towards culture, cultural identity and Christian values.

Research Results and Discussion.

Education and identity formation. Identity, as a set of answers to the questions of *who we are*, *who we belong to*, *what is worth*, is based through the process of socialization, and socialization that takes place within the institutionalized education is particularly important. The aspect of identity, as a cultural and normative definition of *desirable/right* choice, will be taken as the basis for the analysis of identity policy, and as the most important in the current education reform.

The formation of identity is enabled by important processes of self-awareness, comprehension and understanding of oneself and others. It is impossible to establish social interaction without formed identities, individual and collective ones, which are, in fact, related to meaning (Jenkins, 1996). Interaction is only possible with the act of distinguishing one's own identity, identity of the group to which one belongs and the identities of other groups, that is, socially constructed mean-

ings that are attached to them. Constant confronting of the individual and society, at the level of values, leads to de-formatting and re-shaping of personal and collective identities. Society transmits collective norms and models of behaviour that guide the individual, their choices of identity and make them more predictable, by different instruments of action, and one of them is the institutionalized education.

It is being carried out socialization in the context of education that creates the basis for shaping the identity of participants in the educational process: it can strengthen the sense of belonging to certain groups as supports in the fragmented reality. Education policies that are in line with the ruling political will, however, create a framework of the functioning of institutionalized education in the field of identity formation, making thus its role contradictory and complex. It is deemed contradictory if we take into account that collective identities (national, cultural) lose their importance in the conditions of globalization and the occurrence of fragmentation of identity (Haralambos and Holborn, 2002; Hall, 2010). Collective affiliation is not as important to individuals as it used to be; they may have multiple identities at the same time and, depending on the challenges of the given environment, they can experiment with different cultural identities. In conditions, where the cultural identity is being *negotiated* between actors who come from different cultural areas, the role of education is also relative in the process of creating the basis for the formation of cultural identity (one or more). However, education policies can treat the problem of culture and identity in two ways: so as to impose a specific culture and identity, or waive organized action in this sphere.

The document that sets directions of the development of all levels of education, that is, educational policies in the Republic of Serbia, is the Education Strategy by 2020. The Strategy defined the role of education in the level of the culture and formation of identity policies, which is reflected in the "persistent storage and nurturing of national cultural heritage and identity, the development of a tolerant and co-operative relationship to other cultures and strengthening the contributions of

culture for the total quality of life of the population of the Republic of Serbia”¹.

Law on the Basis of Education Systems (2009)², shows a commitment to *respect of diversity* and *respect of the needs arising from the diversity*. Identical objectives are also formulated in the Law on Primary Education (2013)³.

Educational policy that defines the role of education in the formation, development and preservation of cultural identity based on the characteristics of its own cultural heritage, and by highlighting and standardization of need for respect and understanding of cultural *differences* and other cultures that exist in society, shows that it complies with the Universal Declaration on Cultural Diversity (UNESCO, 2001) (*The Universal Declaration...*, 2002) which states that culture is at the center of contemporary debates about identity and that the defence of cultural diversity is an ethical imperative.

Serbia, like all societies in transition, has the so-called identity problem - it searches for new identities, and as it seems, more for a confirmation of their acceptance by *significant others* (the so-called, international community and representatives of pursued integration). It is continuously moving in the direction of overcoming its own limits of identity, which indicate *differences in relation to the others*, experiencing them as *limes* which prevents connection with the others. This indicates the imperative of erasing differences of identity between us and *others*, and the desire for recognition by *others* that gives us, according to our own estimate, legitimacy to the survival among these different ones. This constant need for acceptance from *others*, which imposes the adoption of norms and values characteristic of the *others*, suppressed the primary identity process of self-identification, denying us the answer to the constantly present question of *who we are*.

In the basis of the process that was initiated by the harmonization of Serbian with the so-called European educational space, assumingly, is *intercultural understanding and respect*, which

makes it possible that the experiences which are typical of European space *can be transferred* to other areas, but do not need to be *copied*. This is the fine difference, in relation to transnational experiences in the field of education that reformers of national education systems do not recognize, especially in countries that have the intention to integrate into the EU. Thus, they miss the opportunity to recognize the specificity of national systems of education which are the expression of the historical and cultural development, bringing into question the ultimate effects of the reforms.

Socialization and Christian values. It seems that globalism in Christian values recognizes the threat to its own strengthening. In the basis of global tendencies is clearly visible “hostility” toward Christian values: 1) the creation of supranational formations, like the EU, is based on values that are not Christian (Meyer, 2009): the free market, human rights and reason are the value bases on which the EU is founded; 2) international law imposes standards that enable individuals and minorities to act beyond the Christian value system, and even to develop the emphasised anti-Christian lifestyle; 3) Truth is being banished from public discourse and its place is taken by misinformation, which is aimed at creating New (or Fake) reality. Institutionalized education plays an important role throughout the whole story of rewriting and creating a new world because it has the capacity, human resources and methodology of action which may be in a function of: (a) creation of a *brave new world* according to the model given in the book of A. Huxley (1931) (Huxley, 2009) or (b) creation of the world that will respect Christian values and provide an opportunity for the individual to give their best and become a man.

In the Serbian society today as well, the idea of education as a public good has been replaced by market paradigm of education. Questions of history, culture and religion have become second-class, and even redundant, while the entire educational system turns to requirements of capital. The

¹Education Strategy by 2020, 2012. URL: <http://www.mpn.gov.rs/wp-content/uploads/2015/08/STRATEGIJA-OBRAZOVANJA.pdf> (date of access: 31.5.2017).

²Law on Basis of Education Systems, 2009. URL: http://www.paragraf.rs/propisi_download/zakon_o_osnovama_sistema_obrazovanja_i_vaspitanja.pdf (date of access: 31.05.2017).

³Law on Primary Education, 2013. URL: http://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_osnovnom_obrazovanju_i_vaspitanju.html (date of acces: 31.05.2017).

introduction of religious education in schools in Serbia (2001) is also a requirement of capital: the new ruling groups, under false flag of establishing continuity with the tradition which was interrupted by establishing Socialist order (1945), conduct a reform of education that essentially collapses the reached quality and, in effect, disables the formation of the cultural identity. Classes of religious education, whose alternative are classes of civic education, and which are in line with the requirements of the class-hour system without participation in the liturgy, do not provide the school children with the fullness of *life in the community*. They represent a partial experience, interacting with school programs in the foreground and the so-called hidden programs, and they cannot significantly affect the socialization of school children.

Application of the instruments, which establish the new world order, such as standardization and unification, and which redesign the local societies (their economy, politics, culture, education, etc.), is more successful if it easily and quickly deals with tradition, historical values and Christian values such as Truth, Love, Justice, Catholicity. Interest of global formal and informal centres of power – constant increase of profits, involves the establishment of order which will lead to: 1) *atomizing of individual* (their removal from the *community* and from participation in *joint activities* such as participation in public services such as the liturgy); 2) loss of capability to understand the positions of others and sympathy towards others, which may only derive from Love; 3) *experimenting with identities*, which always represents a “showdown” with tradition and traditional notions of Goodness and Justice; 4) the collapse of collective identities, also including the cultural ones; and redesigning the history so that the notions of Truth would fade away and Falsehood would become a New Truth. It is important for people to “join efforts in the search for the suppressed truth, because only it can direct the humanity to more certain future” (Radisic, 2015). The role of institutionalized education is particularly important for the formation of relationship of new generations to the *truth* – if it transmits the truth contained in the authentic historical sources and the Truth that is spread by Christianity.

A prerequisite for the establishment of a new order is “formation” of the individual who will not step into maturity – will not develop the ability to make independent decisions, but they will systematically be prepared to reproduce the thoughts and ideas of others. By joining the institutionalized education that fosters no need for spiritual self-research, an individual is not prepared to question, to doubt, to investigate and trace. By taking away that personal effort, in the way of getting to know what is the Truth, from the individual is taken away the ability to achieve individuation (deification) (Jerotic, 2010), and they retain on a level of material and are prepared to act *for the benefit of others*, in this case, the world capital. The right education, however, is much more than mastering educational content: “the task of right education is to develop the capacity of young people to think ...; and Deification is a goal to be reached” (Matko, 2015) because any right knowledge has its origins in the knowledge of God in Whom are *all the treasures of wisdom and reason hidden*. The new generations will be able to feel the experience of Love and recognize the Truth to the extent that Christian values will become part of school curricula.

Conclusion. Educational policies are always formed in accordance with a variety of choices of concrete social order. Selected development strategy of the ruling groups directly influences the formation of educational policies, as its implementation achieves reverse impact on the various dimensions of initiated social changes.

Social role and goals of education depend on the choice of which right, the so-called political elite and the degree of their power to impose them as non-alternative.

Reform of education in the Serbian society is being implemented as part of a “package” of overall social changes that have been initiated “from above” as an expression of the ruling political will. Changes in legislation, in the field of education, have been proposed and created by the most powerful political and highest state structures.

The adopted policies of education, in the so-called contemporary Serbian society, provide the opportunity to present different identities within the “domestic” institutionalized education and

greater synergy of education and other social actors in their promotion. At the same time, the adopted education policies are aimed at promoting new cultural values – values that contribute to the harmonization of Serbian culture with the cultures of the so-called Western cultural circle. Traditional value systems are being marginalized, suppressed and even declared unacceptable. Creators of development policies in Serbian society are creating for the last two decades the socio-cultural context in which it is ignored the need to preserve cultural continuity, including education, and they are primarily striving to the adoption of solutions that are in compliance with Western megatrends.

Serbian society is looking for confirmation of their identity in the movement towards European integration, and “Serbian” education in European dimensions of its own reforms. Both the whole and its part show accommodation abilities - willingness to accept integration requirements to which they aspire and to adapt to the new environment. This, at the same time, means a new attitude toward Christian values – they are losing their crucial place within the institutionalized education. The introduction of religious education as a particular school subject (2001) is a screen behind which is smoothly and systematically strengthened atheistic and even anti-Christian view of the world as prevalent in the socialization of school children.

References

1. Barlow, M. and Robertson, H.J. (2003), "Homogenization of education", *Globalization*, in Mander, J., Goldsmith, E. (ed.), Clio, Belgrade, Serbia.
2. Dobbins, M. and Knill, C. (2009) "Higher education policies in Central and Eastern Europe. Convergence Toward a Common Model?", *Governance*, (22), 397-430.
3. Dobbins, M., Knill, C. and Vögtle, E. (2011), "An analytical framework for the cross-country comparison of higher education governance", *Higher Education*, (62(5)), 665-683.
4. Hall, S. (2010), "Who needs 'identity'?" *Word, a magazine for literature and culture and social issues*, (64), 215-233.

5. Haralambos, M. and Holborn, M. (2002), *Sociology: themes and perspectives*, Golden marketing, Zagreb, Serbia.
6. Huxley, A. (2009), *Brave New World*, Libreto, Belgrade, RS.
7. Jenkins, R. (1996), *Social identity*, Routledge, London and New York, Ukraine and USA.
8. Jerotic, V. (2010), *Individuation and (or) Deification*, Ars Libri, Belgrade, Serbia.
9. Lynch, K. (2006), *Neo-liberalism and marketisation: the implications for higher education*, *European Educational Research Journal*, (5(1)), 1-17.
10. Matko, P. (2015), *The influence of Christian values of family education to education in society*, *Innovation in teaching*, (2), 97-104.
11. Meyer, T. (2009), *The identity of Europe*, Official Gazette, Belgrade, RS.
12. Pack, D. (2011), *Preface: About the relationship between education policy and European integration*, *European education - concepts and perspectives from five countries*, in Domovic, V. et al. (ed.), Školska knjiga, Zagreb, Serbia, 8-10.
13. Radisic, S. (2015), *Cancellation of civilization and cultures through science, religion and education*, *Science, religion, education*, in Dejjic, M., Vukovic, M., Radovic, V. (ed.), Faculty of Pedagogy, Belgrade, Serbia, 127-141.
14. *The Universal Declaration on Cultural Diversity*, (2002), [Online], available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127162e.pdf> (date of access: May 31, 2017).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Vesna S. Trifunovic, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, University of Kragujevac, Faculty of Pedagogical Sciences, Department of Humanities.

Трифуневич Весна Светислава, доктор социологических наук, доцент Факультета педагогических наук.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.334.5; 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-3-61-76

Ермолаева Ю. В.

ГЛОБАЛЬНЫЕ СХЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Институт социологии Российской Академии Наук,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, г. Москва, 117218, Россия
mistelfrayard@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мировые схемы управления отходами, где основное внимание уделяется социологическому аспекту формирования экологических, экономических и правовых практик. Исследование проводилось на основе вторичного анализа официальных источников наднационального и государственного уровня. Отмечена структура функционирования глобального круговорота отходов во взаимодействии с производственными отношениями разных стейкхолдеров. Рассматривается деление на наднациональные (глобальные модели), национальные (континентальные), региональные и локальные (местное самоуправление), перечислены субъекты и основные цели в решении проблемы отходов. В фокусе внимания находятся как сами модели, так и социологические теоретические исследования, касающиеся данной проблемы. Отмечены наиболее передовые, актуальные глобальные модели и концепции: системный подход, сетевой и институционально подход, проблема глобального энвайронментального неравенства (отходы и стратификация), культурная ориентация. Обозначены проблемные отрасли, для которых еще предстоит найти решение в практике управления.

Ключевые слова: отходы; управление отходами; сетевая теория; глобализация; континентализация; устойчивое развитие.

Yulia V. Ermolaeva

GLOBAL WASTE MANAGEMENT MODELS:
A SOCIOLOGICAL APPROACH

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences,
Bld. 24/35, Apt. 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
mistelfrayard@mail.ru

Abstract. The article considers the world schemes of waste management, where the focus is on the sociological aspect of the formation of environmental, economic and legal practices. The study was carried out on the basis of a secondary analysis of official sources of supranational and state level. The structure of the global waste circulation operation in interaction with the production relations of different stakeholders is noted. The division into supranational (global models), national (continental), regional and local (local government) is considered, the subjects and the main goals in solving the waste problem are listed. The focus is on both the models themselves and the sociological theoretical studies concerning this problem. The most advanced, relevant global models and concepts are noted: the system approach, the network and institutional approach, the problem of global environmental inequalities (waste and stratification), cultural orientation. The problem branches for which there is yet to be found a solution in management practice are indicated.

Keywords: waste; waste management; network theory; globalization; continentalization; sustainable development.

Acknowledgements. Статья написана при поддержке фонда РГНФ № 15-03-000-27.

The article was written with the support of the Fund RGNF № 15-03-000-27.

Введение (Introduction). В каждом мегаполисе мира можно найти от 5-10 крупных свалок. В развитых странах на каждого человека образуется от 400 до 600 кг отходов в год. Прирост образования твердых коммунальных отходов (ТКО) увеличивается очень быстрыми темпами – от 3 до 12% в зависимости от экономической производительности государства (Castells, 2006; Pellow, 2002). Местные власти стран с развивающимися рынками сталкиваются с рядом серьезных проблем в связи с растущим объемом отходов. Рост численности населения, потребления на душу населения и продуцирования отходов, а также изменение характеристик бытовых отходов становятся все более острыми проблемами для городов и муниципалитетов. Необходимо эффективное применение ресурсного потенциала в государственной политике, технологиях, «зеленых финансах» и институциональных механизмах для продвижения инфраструктуры и услуг по управлению отходами в направлении реализации «ресурсосберегающего и безотходного общества», от которого зависит благополучие граждан.

Теоретический обзор (Theoretical review).

Глобализация vs централизованная континентализация. Политика управления отходами строится от общего (глобального) направления к частному (локальному) как необходимость следования общественным стандартам безопасности. По результатам анализа ряда национальных и глобальных программ развития ООН, перечислим и опишем ряд уровней управления:

Наднациональный уровень (глобальные системы и сети) – универсальные модели, не учитывающие особенности целей каждого конкретного государства, но руководствующиеся универсальными экологическими ценностями при принятии решения для всего человечества.

Наднациональный уровень управления может включать правовые, экономические, социальные и технические аспекты, принимающие во внимание политическое влияние потенциальных загрязнителей друг на друга. Для правового регулирования на наднациональном уровне составляются и создаются протоколы, формирующие в результате коалиции стран, связанных экологическими обязательствами. Из них наиболее известны Киотский протокол, Монреальский протокол, Роттердамский протокол, Стокгольмская конвенция, Конвенция Марпол, Лондонская конвенция. В экономическом регулировании действует торговля квотами на выбросы, система штрафных санкций, ряд мер поддержки для зеленого бизнеса. Экономическое регулирование основано на принципе «загрязнитель платит», вследствие чего страдает его престиж, тем самым понижается приоритет загрязнителей и формируется политический статус государства на иерархии следования принципам социальной безопасности. Сферу технологий поддерживает система НДТ – наилучших доступных технологий, т. е. справочников, где сосредоточены наиболее экономически, экологически и технологически доступные средства утилизации и очистки, ресурсоэффективные технологии, в дальнейшем вытесняющие иные технологии.

Континентальный и национальный уровень (государственная система и сеть) – модели управления отходами, учитывающие цели развития и экологические приоритеты конкретного государства. На данный момент происходит интеграция национальных систем управления отходами, поскольку обычно в ряде соседних стран наблюдаются схожие проблемы касательно отходов и схем управления, поэтому можно говорить о тенденции к континентализации. Выделились следующие социокультурные единицы по управлению отходами: США, Латинская Америка (все страны) Африка (все страны), Западная Европа (страны Скандинавии, Великобритания, Италия, Франция, Испания) Восточная Европа (Чехия, Словакия, Сербия), Страны Азии (за исключением Тайваня и Кореи), Япония, Австралия. По уровню обращения с отходами

Россия приближается к уровню Восточной Европы.

Региональный, федеральный уровень – модели управления, решающие конкретные цели на региональном уровне.

Локальный (местный) уровень – модели управления, работающие в рамках самоуправления только для определенной социокультурной единицы.

В рамках глобальной системы действует концепция ЮНЕП (United Nations Environment Programme). Она следует программе ООН, 17 целям устойчивого развития¹, строит глобальную структуру управления отходами и материальными потоками. Социологические исследования (Davies, 2008) созвучны общей концепции ЮНЕП, из которых можно обобщить и выделить выделяются следующие элементы²:

- все физические элементы (*инфраструктура*) системы, от образования отходов до хранения, сбора, транспортировки, передачи, переработки, восстановления, очистки и утилизации;

- все заинтересованные стороны (*субъекты*), участвующие стейкхолдеры – муниципальное образование; региональные и национальные правительства; частное обслуживание пользователей (в том числе промышленности, бизнеса, учреждений и домашних хозяйств); производители (производители продуктов на рынке, которые становятся отходами в конце своего жизненного цикла); поставщики услуг (государственного или частного сектора, формального или неформального, большого или малого); гражданского общества и неправительственных организаций (НПО) (которые играют разнообразные роли, в том числе содействующие другим стейкхолдерам); международные учреждения по регулированию;

- стратегические аспекты (*управленческие модели*), включая политические, медицинские организационные, социальные, экономические, финансовые, экологические и

технические стороны, которые прорабатываются соответствующими ведомствами.

Управленческая модель зависит от ресурсов, которыми обладает инфраструктура и нематериальные компоненты (социальные, культурные) компоненты, находящиеся в конкретной (локальной) окружающей среде, характеризующейся определенным временем восстановления и возможностями принять (естественно переработать без ущерба для биосферы и геосферы) определенное количество отходов жизнедеятельности.

Цели устойчивого развития до 2035 года – важная концептуальная основа для построения конкретной модели управления отходами. Она включает в себя несколько отраслевых основных задач, основанных на системном подходе к данному вопросу (Marks and Howden, 2008; Medina, 1997):

- сделать города устойчивыми, безопасными, инклюзивно-ориентированными, что означает создать сервис по сбору и переработке отходов, доступный для всего населения и безопасный для окружающей среды; к 2020 году увеличить количество городов с ресурсоэффективной структурой и устойчивостью к бедствиям; к 2030 году снизить количество выбросов и негативного воздействия на окружающую среду, обеспечить доступ к ресурсам города и снизить количества трущоб, которые вносят наибольший вклад в загрязнения в развивающихся странах;

- обеспечить безопасную и здоровую продолжительную жизнь для всех возрастных категорий. К 2030 году существенно сократить количество смертей и болезней, зависящих от воздействия опасных химических веществ воздуха, воды и почвы. Для этого необходимо изучить риски разных агентов и групп, включенных в процесс;

- обеспечить устойчивое и ответственное потребление. К 2020 году добиться экологически безопасного управления химическими веществами, руководствуясь принципами «зеленой химии» в производстве товаров

¹Здесь и далее термин «устойчивость», «sustainability» будет обозначать классическую трактовку – организация пространства и доступных ресурсов таким образом,

чтобы удовлетворить потребности нынешнего поколения, не затрагивая потребностей будущего поколения.

²Global Waste Management Outlook. United Nations Environment Programme, 2015.

и услуг, сократить влияние человеческого фактора, изменить и привить ответственные паттерны экологических практик, которые изучаются посредством социальных наук. Необходимо создать научно-техническую базу для развивающихся стран в сфере управления отходами;

- сократить количество пищевых отходов, создать сельскохозяйственную и продовольственную структуру, которая могла бы обеспечить пищевые ресурсы для всего населения. К 2030 году необходимо перераспределить продовольственные потоки таким образом, чтобы сократить вдвое мировой уровень пищевых отходов на душу населения в розничной торговле и снизить потери пищевых продуктов в процессе производства в цепочке поставок, включая потери после уборки урожая, обеспечить безопасное продовольствие для здоровья людей;

- переориентировать промышленный сектор и рабочие места с учетом решения проблемы с отходами. Зеленый рост, экологически и социально ориентированная экономика. Создания «зеленых» рабочих мест, обеспечение роста микро-, малых и средних предприятий, за счет создания мест для социально-экс-клюдивных групп – мигрантов, матерей-одиночек, нуждающихся. Сократить и искоренить уровень нелегально практикующегося теневого рынка переработки отходов, уровень использования детского труда на мусорных полигонах. Для этого необходимы более подробные социальные исследования теневого рынка и его практик;

- сократить количество используемых водных ресурсов, число загрязняемых аквато-

рий к 2030 году. Разработать решение для проблемы пластикового мусора в мировом океане;

- существенно снизить и к 2030 году искоренить неконтролируемое загрязнение (свалки) и небезопасное сжигание отходов. Так как химические и бытовые отходы воздействуют ряд необратимых изменений экосистем, способствуют деградации биоресурсов и биоразнообразия, необходимо рассматривать проблемы локальных загрязнений территорий.

Наиболее часто используемая модель управления отходами свелась к так называемой лестнице Лансинка, где рассмотрены основные меры по управлению отходами в соответствии со степенью их предпочтительности. «Наиболее предпочтительный» метод здесь означает больший управленческий контроль и включает большее количество элементов решений на этапе планирования.

Сфера сети влияния распространяется следующим образом: цели контролируемого развития, межнациональные конвенции, федеральные и государственные законы и директивы являются контролирующими и всеобъемлющими органами распространения полномочий, финансовые инструменты – связующее звено множества операций по отчетности, (наилучшие доступные технологии, оценка жизненного цикла, экологический менеджмент, разработка концепции социальной ответственности предприятий, т.е. инструменты дизайна, аудита, производственных и культурных средств, которые контролируются законами и конвенциями)³ (Gentil, Damgaard and Hauschild, 2010; *Managing municipal solid waste...*, 2013).

³Global Waste Management Outlook. United Nations Environment Programme, 2015.

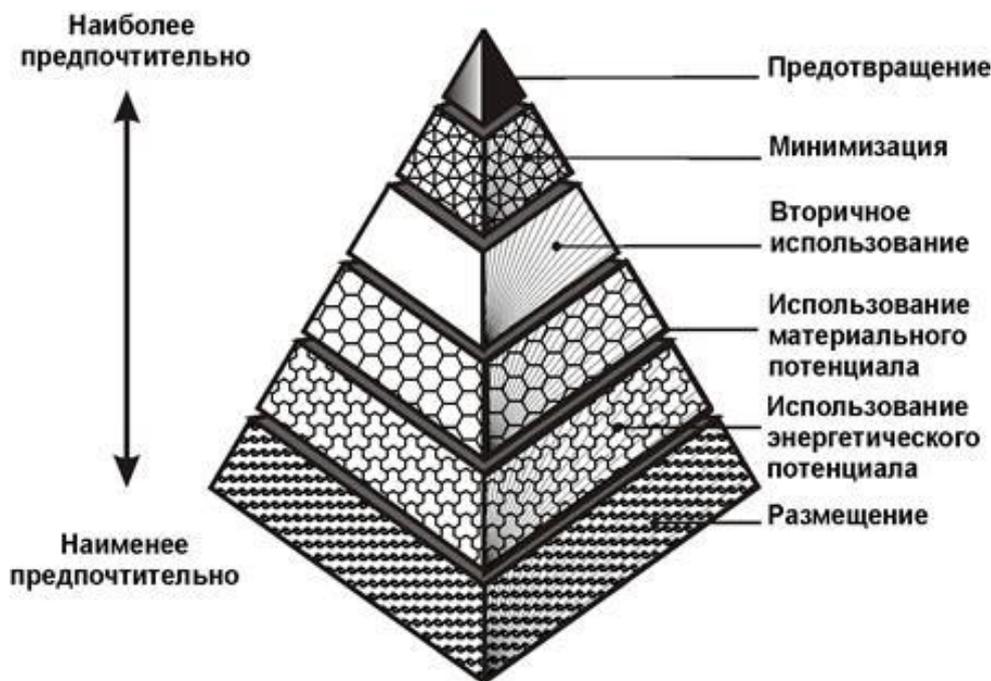

Рис. 1. Лестница Лансинка по управлению отходами
Fig. 1. Lansink ladder for waste management

Далее расписывается распределение следующих шагов в сфере ключевых вопросов управления:

- Идентификация и классификация отходов.
- Оценка рисков. В начале 2015 г. были изданы Социальные и Экологические Стандарты ПРООН (СЭС) (Marks and Howden, 2008). В связи с необходимостью проведения экологического и социального скрининга и оценки, в 2014 г. ПРООН выпустила руководящие указания по процедуре проведения экологического и социального скрининга.
 - Оценка нормативно-правовой базы.
 - Оценка инфраструктуры и потенциала по управлению отходами.
 - Оценка вариантов конечной переработки.
- Разработка стратегии управления потоками отходов.
- Окончательная доработка и презентация концепции управления потоками отходов.

Управленческие меры ООН:

 - Следование положительному примеру:

- Укрепление национальной политики и стратегии управления отходами;
- Эффективные и безопасные услуги по управлению отходами и их надлежащее структурное и функциональное обслуживание;
- Нарращивание потенциала в области профессиональной гигиены и безопасности, инфекционного контроля, химической безопасности и управления;
- Мониторинг и оценка, систем управления и операций по управлению;
- Устойчивое финансирование систем управления;
- Реализация и эксплуатация экологических закупок и передовых систем управления цепочками поставок;
- Отчетность за состояние окружающей среды посредством распространения экологической информации, консультаций с ответственностью

На рис. 2 приведена примерная блок-схема, по логике которой принимаются решения в сфере управления отходами.

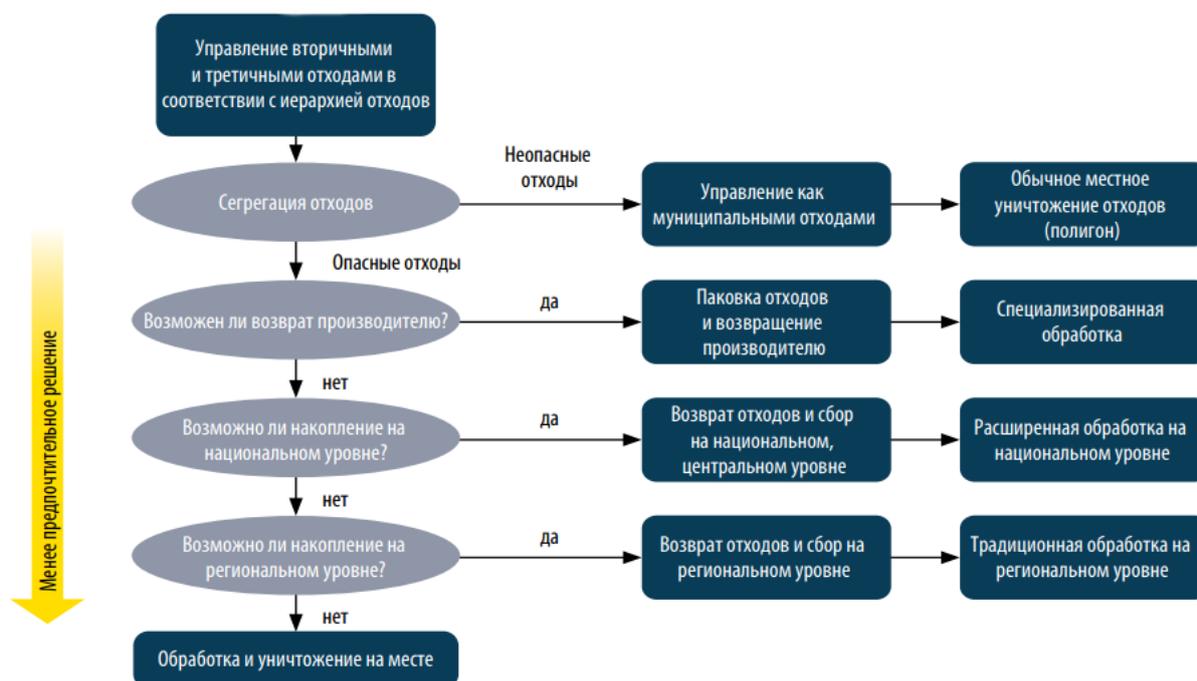

Рис. 2. Обобщенная национальная схема-блок по принятию решений в сфере управления отходами (Mavropoulos, 2011)

Fig. 2. The generalized national scheme-block for decision-making in the field of waste management (Mavropoulos, 2011)

Согласно классификации стран по уровню доходов (на основе данных Всемирного банка) и уровню образования отходов,

можно выстроить обобщенную картину управленческих решений по утилизации отходов (таблица).

Таблица

Сравнение практики управления твердыми отходами по странам с разным уровнем доходов по уровню ВВП на душу населения

Table

Comparison of solid waste management practices for countries with different income levels by GDP per capita

Стадии	Низкий уровень дохода (785 долл. или меньше)	Средний уровень дохода (786-9655 долл.)	Высокий уровень дохода 9655 долл. и выше
Кг отходов год\чел счел.	До 100	От 101 до 500	500 и выше
страны	Африка, большинство стран Латинской Америки, некоторые страны в Юго-восточной Азии	Восточная Европа, большинство стран Азии, Россия	Западная Европа, страны Скандинавии, Япония, Австралия

Сокращение источника образования отходов	Нет организованных программ, но часто используется повторное использование на бытовом уровне	Редко включается в организованную программу	Организованные образовательные программы подчеркивают три «R» -reuse, reduce, recycle- сокращение, повторное использование и переработку. Больше ответственности производителя и проектировании жизненного цикла продукта.
Сбор	Обслуживание ограничено областями образования отходов, наличием предприятий по сбору. Совокупный сбор менее 50%.	Улучшение обслуживания и увеличение сбора из жилых районов. Большой автопарк и большая механизация. Коэффициент сбора колеблется от 50 до 80%. Станции передачи медленно включаются в систему SWM.	Коэффициент сбора более 90%. Используются грузовики и высоко механизированные транспортные средства и станции передачи. Объем отходов является ключевым в организации технологических решений.
Переработка	Большая часть рециркуляции осуществляется через неформальный сектор и сбор отходов, ставки рециркуляции, как правило, являются высокими как для местных рынков, так и для международных рынков и импорта материалов для переработки, включая опасные грузы, такие как электронные отходы и кораблекрушение. Рынки рециркуляции не регулируются и включают в себя ряд «посредников». Большие колебания цен.	Неофициальный сектор все еще участвует; присутствуют высокотехнологичные сортировочные и перерабатывающие предприятия. Ставки рециркуляции по-прежнему относительно высоки. Материалы часто импортируются для переработки. Рынки вторичной переработки лучше регулируются. Цены на материалы значительно колеблются.	Надежные услуги по переработке по сбору материалов и высокотехнологичные сортировочные и перерабатывающие предприятия являются общими и регулируются централизованно. Усиление внимания к долгосрочным рынкам. Общий процент рециркуляции выше, чем у стран с низким и средним доходом.
Компостирование	Редко принимается официально за основу, хотя поток отходов имеет высокий процент органического материала. Рынки компоста отсутствуют.	Большие компостирующие установки часто оказываются безуспешными из-за загрязнения и эксплуатационных затрат (небольшое разделение отходов); Мелкомасштабные проекты компостирования на уровне сообщества / района более устойчивы. Увеличение использования анаэробной переработки	Популярно. Поток отходов имеет меньшую часть компостируемых веществ, чем страны с низким и средним уровнем дохода.
Сжигание	Не распространено и неэффективно ввиду высоких капитальных, технических и эксплуатационных затрат, высокого содержания влаги в отходах и большого процента инертных газов.	Мусоросжигательные установки используются, но есть финансовые и эксплуатационные трудности. Есть проблемы с очисткой воздуха от отходящих газов. Мониторинг выбросов в незначительные количества	Преобладает в районах с высокими затратами на землепользование и ее низкой доступностью (например, островов). Большинство установок для сжигания отходов имеют систему очистки газов и некоторую систему рекуперации

		ства или отсутствие. Правительства включают сжигание в качестве возможного варианта удаления отходов, но издержки непомерно высокие. Услуги, часто обусловленные субсидиями стран ОЭСР от имени поставщиков оборудования.	энергии. Правительства регулируют и контролируют выбросы.
Землеустройство / захоронение	На низкотехнологичных объектах обычно открываются свалки включающие опасные фракции. Высокое загрязнение окружающей среды почв, водоемов, поселений. Значительное воздействие на здоровье местных жителей и работников.	Относительный контроль за санитарным состоянием полигонов и влияния на окружающую среду. Открытый демпинг по-прежнему распространен. МЧР-проекты для рекуперации тепла и газа более распространены.	Санитарные свалки с комбинацией обнаружения утечек, систем сбора фильтрата, сбора и очистки газа. Проблематично открывать новые свалки из-за опасений жителей. Использование полигонов после закрытия становится все более актуальным, например, как поля для гольфа и парки.
Расходы	Сборные расходы составляют от 80 до 90% бюджета муниципального управления отходами. Отходы взимаются некоторыми местными органами власти, но система сбора платежей неэффективна. Только небольшая часть бюджета выделяется на удаление отходов.	Сборные расходы составляют от 50% до 80% от бюджета муниципального управления твердыми отходами. Сбор за отходы регулируются некоторыми местными и национальными правительствами, производится больше инноваций в сборе платежей, например, включены в счета за электричество или воду. Сбор на утилизацию выше, чем в странах с низким доходом.	Затраты на сбор могут составлять менее 10% бюджета. Большие бюджетные ассигнования на промежуточные очистные сооружения. Участие частного рынка уменьшает затраты и увеличивает возможности для менеджмента (например, переработка и компостирование).

В настоящее время суточная норма генерации отходов в Южной Азии и Восточной Азии составляет около 1 млн тонн в день и является самой интенсивной по темпу распространения в мире. Страны с низким уровнем доходов (Африка, большинство стран Латинской Америки) продолжают тратить большую часть бюджета по сбору отходов в противовес странам с высокими доходами (Западная Европа, США, Япония), где основные расходы находятся в сфере распределения ответственности по утилизации. Экономическая рентабельность рынка отходов и процент возможной переработки зависят от процессов урбанизации, так основной поток отходов несут города и мегаполисы, а также экономического благосостояния населения, производящего отходы, что влечет за собой новое увеличение темпов образования отходов, и одновременно,

позволяет создать сырье для обеспечения рынка отходов. Далее акцент смещается на проблемы труда: в странах с высоким уровнем жизни, где демографическая ситуация улучшается и растет уровень иммиграции, критическая масса бедного населения занята в сфере управления отходами; в странах с низким уровнем доходов, сборщики отходов занимают и официальный и теневой рынок, определяя его функционирование (Schübeler, Wehrle and Christen, 1996).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Актуальность использования социологического подхода в исследовании проблем управления отходами. Социологические теории имеют множество пересечений с проблемой отходов. Процесс образования мусора отходов связан с массовым представлением о гигиене,

чистом и грязном, которые в соответствии с определенными условиями и доступным качеством жизни трансформируются в экологически – ориентированное бытовое поведение, что является предметом изучения социальных наук. Также в процессе передвижения материальных производственных потоков и отходов сталкивается множество групп общественных интересов, находящихся по отношению к мусорным массам по разные стороны формирования данной проблемы. Они различаются и функционально, и по степени влияния друг на друга, и по качеству (содержанию) вклада в проблему на локальном, региональном, национальном и наднациональном уровне.

На повестке целей устойчивого развития до 2030 и сопряженных проблем с загрязнением и отходами учитывается и фиксируется экономическое, экологическое и социальное измерение данной проблемы, однако социальный анализ сводится к формированию выводов на основе обобщенных показателей – индекс развития человеческого потенциала, уровня загрязнений, ВВП на душу населения и уровень потребления, иногда используются кейс-стади той или иной практики локального управления отходами. Исследования качества и уровня жизни требует культурно-ориентированного подхода, социальных концепций способных на различных масштабах обосновать поведение людей, отследить траекторию трансформации участвующих в проблеме институтов, изменение ценностей и установок.

В рамках исследования потребительского поведения (М. Дуглас, Б. Ишервуд, Ж. Бодрийяр, З. Бауман и др.), паттернов социально-экологических бытовых практик (М. Рыбакова), теорий управления уже накоплено практически-ориентированное знание и ряд моделей, доступных для вспомогательной работы с проблемой отходов. Здесь мы сосредоточимся на социологических концепциях, ориентированных именно на проблеме управления.

1. Системный подход (Н. Луман), устойчивое развитие.

Стратегические аспекты или управленческие модели, включают политические, медицинские, организационные, социальные, экономические, финансовые, экологические и

технические аспекты. В данной работе мы фокусируемся на социальных аспектах, но здесь следует подчеркнуть, что данные модели связаны между собой в рамках одной системы, они *супервентны* относительно друг друга: т. е. изменение одних показателей или элементов системы (например, растущие экологические индикаторы загрязнения) влекут за собой изменение качества жизни общества (ухудшение уровня здоровья, комфорта условий проживания), изменение экономических показателей (с уровнем роста промышленности возрастает количество отходов и нагрузка на окружающую среду).

Проблема отходов как один из факторов развития человеческой цивилизации была описана как системная проблема еще 1972 году в докладе Римскому клубу «Пределы роста». Ее авторы – Донелла Медоуз, Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Берен описали результаты моделирования роста человеческой популяции и истощения природных ресурсов (Wilson, Velis and Rodic, 2013). В работе учитывались такие системные и изменяющиеся друг относительно друга переменные как невозобновляемые природные ресурсы, промышленный сельскохозяйственный капитал, сельхозугодья, капитал сферы услуг, свободная земля, не удаляемые загрязнители (отходы, химические загрязнения), рост народонаселения. Чем больше растет население, тем больше природных ресурсов для обеспечения промышленного капитала ему требуется, тем больше отходов производится. Однако, планета имеет предел роста популяции человечества и способности поглощать и перерабатывать отходы. Схем, управляющих системой, можно разработать несколько, и свести ее к контролю над одной или несколькими ее элементами (сдерживание популяции, поиск новых энергетических ресурсов на возобновляемых источниках энергии, энергоэффективность и ресурсоемкость), однако проблема отходов как побочный продукт жизнедеятельности при росте любого элемента останется. Приведем последние сценарии управления, описанные в докладе «Пределы роста: 30 лет

спустя», он описан как (равновесный) сценарий – это сценарий №9 («Ограничение роста + усовершенствованные технологии»):

- ограничение рождаемости (не более двух детей на 1 семью с 2002 г.), с целью плавной стабилизации населения Земли к 2050 году на уровне 8 млрд. человек;
- совершенствование технологий, для сокращения потребления невозобновляемых ресурсов на единицу промышленной продукции на 80%, а выбросов загрязнений на неё – на 90% к 2100 году;
- сдерживание роста производства товаров и услуг на душу населения, с плавной стабилизацией объёмов производства к 2020 году;
- повышение урожайности в сельском хозяйстве, с постепенным переходом на более экологически чистые технологии.

Данная схема взята за основу в глобальном регулировании, при помощи нее постепенно добавляются и регулируются основные решения применимо к национальным целям и проблемам каждого государства.

Н. Луман также рассматривает экологические проблемы относительно теории современного общества. В его определении аутопоэтическая экологическая система – это система, организующая процессы производства своих частей, которые на основе своих интеракций и коммуникаций заново генерируют и осуществляют разветвленную сеть в некое единство в пространстве. Для производства необходимо управление изначальным количеством ресурсов (и вторичных ресурсов – отходов), которые впоследствии влияют на основные качества существования правильно самоорганизующей системы: самовоспроизводство, самосотворение, самосозидание, самопроизведение. С помощью сетевых технологий и коммуникаций осуществляется рефлексия окружающей среды, корректирующая потребительское и культурное поведение. На данный момент в глобальной практике проходит селекция системных мер управления, где отбираются институты, нормы и роли с наиболее высокой самоорганизующейся способностью и ориентирующихся на низкое негатив-

ное влияние на окружающую среду. На разных этапах составления глобальных практик управления схемы проходят вариацию (изменение в рамках общей системы), отбор и стабилизацию воспроизводимых в коммуникациях элементов системы.

2. Сети, институциональные структуры и агенты, культурный поворот.

Следующая группа теорий (сетевая теория, активистское направление) дополняет описание элементов (в данном случае действующих структур и акторов) ранее выделенных процессов в системном подходе, адаптируя теоретическую модель управления для глобальных целей по уменьшению загрязнений. Базовые понятия агенты/структуры + действия (материальные потоки, плюс потоки коммуникации) = стратегические решения.

Сетевая теория Кастельса, которая анализирует процесс материальных и цифровых коммуникаций целесообразно использовать для прогнозирования стратегий в управлении отходами коалициями стран со схожими целями (Castells, 2006; Davies, 2008).

Ирландский социолог Анна Дэвис выделила отдельное направление международных отношений в сфере управления отходами. Энвайронментальное управление она понимает, как взаимодействие структуры и агентов, которые связаны определенными практиками и пытается определить роль каждого действующего элемента в данной системе. Рассматривая существующие мировые наднациональные организации, наделенные властными полномочиями регулировать экологическую ситуацию, она приходит к выводу, что для глобальной энвайронментальной модернизации политики утилизация мусора нужны тесные партнерские отношения между муниципальными властями, государством и мировыми регулятивными корпорациями. Отходы могут быть вопросом только глобального управления. Наиболее продуктивными подходами Дэвис считает сетевую теорию Кастельса и институциональное направление. Соответственно, она представляет государства и регионы как сеть обмена ресурсов – как ресурсов возможностей, так и обмена отходами, где основными акторами выступают социальные

институты разного масштаба, оценка эффективности которых должна проводиться.

Культурный поворот. Загрязнение отражает социокультурные этапы развития общества: от более простых загрязнений (органических) они переходили к более сложным (химическим, синтетическим). Точками бифуркации в изменении социокультурных и экокультурных воззрений являлись критические состояния среды. «Культурная единица», т. е. социокультурные, региональные, локальные общества в любой ее конкретизации рассматривается как экосоциокультурная система (Mavropoulos, 2011). Их особенности необходимо учитывать при сравнении и вкладе каждой культуры в исследуемую проблему. Общества в различной степени и характере «поражены» проблемой отходов, т.е. по-разному к ней адаптировались. Экономически развитые страны решили данную проблему с точки зрения организации процесса (укрепление социального института экологического управления), в развивающихся странах данная проблема решается появлением новой социальной ниши, как формы самоорганизации в ответ на новые требования и возможности среды (обилие отходов), формируется социокультурная единица, легко распознаваемая в истории формирования проблемы и распространенная географически.

3. *Энвайронментальная несправедливость и неравенство: теории дифференциации.*

Социологические теории глобализации и дифференциации как общее направление учитывают в проявлении неравенства стран различия в росте экономического производства и обеспеченности различных услуг, энергетической и ресурсной зависимости\независимости, уровня технологизации и распространения цифровых технологий и коммуникаций. К ним относятся такие авторы как Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, «постчеловеческое будущее», Дж. Рифкин, Д. Белл. Постиндустриализация и прогнозирование изменения мировых геополитических отношений у Тоффлера и Белла основывается на изменении энергетического обеспечения, технологизации и минимизации отходов – это новые переменные в глобальной дифференциации (Davies, 2008; Gentil,

Damgaard and Hauschild, 2010). Проблема экологического неравенства возникает не только тогда, когда страна или группа стран становятся ресурсозависимыми, но и тогда, когда темп производства в обеспечении населения не соответствует развитию безопасных технологий утилизации всех побочных отходов. Дифференциация определяет и схемы управления отходами, появляются локальные и региональные специфики. Также дифференциация усложняет переход к стандартам утилизации, экологически – ответственному производству, так как первостепенно требуется индивидуальная программа для решения локальных проблем

Социологическая ориентация часто сводится к тому, что выполняет структурно-функциональный анализ образующихся сетей взаимоотношений, т.е. систематизацию структур относительно многомерного неравенства. Основные проблемы и точки соприкосновения, спорные моменты в геополитике обращения с отходами касаются равенства соблюдения мировых соглашений, конвенций и следования международным стандартам качества производства и последующей утилизации.

Главным понятием, разработанным Валлерстайном концепции, является *мир-экономика* – система международных связей, основанная на торговле, т.е. анализ потока материальных и информационных ресурсов (Davies, 2008). Помимо мир-экономик разные страны могут объединяться в мир-империи, основанные не на экономическом, а на политическом единстве. Это может относиться в том числе к совместному экологическому контролю, или, наоборот, к разногласию относительно распространения загрязнений в рамках нескольких государств и систем. Взаимоотношение материальных ресурсов, загрязнений и разной стратегии государств в контроле загрязнений в то время, когда экологические катастрофы одной территории влияют на другую, является сложной формой дифференциации, потому что она привязана к циркуляции, трансформации загрязнений. Возникают следующие виды дифференциаций:

- Разделения мировой арены на страны-производители и страны-утилизаторы, т. к.

часть потока отходов в виде неутилизованных товаров оседает в развивающихся странах в виде полигонов, где отсутствуют технологии переработки, или специально транспортируются туда (например, электронные отходы);

- Разделение мировой арены по типу следования экологически ориентированной парадигме развития (проработанность целей устойчивого развития, соответствие принципам зеленой или циклической экономике, бизнес сектору). Расширение или сужение зоны правовой и экономической ответственности на международной арене за образование отходов;

- Различия в тематической направленности социальных движений. Выявление интересов теневой экономики бедных слоев – формирование сети и городов собирателей отходов и ручной переработки;

- Разделение относительно экологических практик и знаний граждан (частота следования экологически ориентированным практикам раздельного сбора, уровень чистоплотности, представлений о чистом и грязном, знании о экологических последствиях отходов, включенность практик вторичного использования предметов в свой быт);

- Проблема отходов хорошо иллюстрирует разнovidность глокализации, т.к. с одной стороны есть четкое стремление к глобальным стандартам, с другой стороны – остро выявляются локальные проблемы и особенности регионов.

Мы рассматриваем ситуацию, когда система работает несовершенно: все социальные образования загрязняют среду, но загрязняют на различных основаниях. Население чаще всего не имеет достаточно знаний о реагировании на загрязнения окружающей среды и последствия своих действий, и мало ответственно за свое воздействие. Институты в данном случае не могут не обладать данным знанием, так как они юридически обязаны предоставлять сведения, но благодаря несовершенству правовой системы, имеют лазейки для того, чтобы выходить за рамки ответственности обязательного реагирования. Несовершен-

ство правовой системы указывает на «выгодную нестабильность» государственной политики.

Дэвид Пеллоу и энвайронментальная несправедливость. Энвайронментальный расизм, по мнению автора, – более широкое понятие расизма. Экологический расизм – неравномерная защищенность различных социальных групп от ядовитого и опасного воздействия вредных веществ производства. Оно появляется ввиду установленных правил, инструкций, и политики правительства или в результате корпоративных решений, которые сознательно предназначаются для определенных сообществ, чтобы сделать их вертикальную мобильность менее доступной, создать дополнительную рабочую силу и избавиться от мусорных масс (Pellow, 2002). Социальную часть программы можно считать выполненной, если не происходит нарушений правил охраны труда самими работниками, правительством и предприятиями. Однако, в развивающихся странах и большинстве стран со средним уровнем дохода экологическая культура не соответствует нормам охраны труда. Это исследование, проведенное Пеллоу, подтверждено кросс-культурным обзором: мусороперерабатывающие предприятия сосредотачиваются в районах с низким уровнем жизни, и страдают от него рабочие, мигранты и бедняки. Это приводит к непропорциональному разделению на тех, кто живет рядом с ядовитыми и опасными отходами и тех, кто отдален от них.

4 Теория социальных рисков.

Социологическое понимание риска отличается от концепции, принятой в естественно научных концепциях, его вероятностного понимания. В работах У. Бек, Ч. Тилли, К. Пиннонеми, Д. Рухт, де Сото, Д. Стиглицц, О. Яницкого уделяется внимание конфликтам, войнам и катастрофам, которые могут быть источником производства социально эксклюзивных групп (мигранты, бездомные, беженцы, нежелательные в той или иной среде

группы) и материального мусора¹ (Яницкий, 2003, 2011, 2013). С усложнением технологий войны становятся все опаснее для экологической среды обитания всех живых существ, войны провоцируются геополитическими разногласиями и отягощаются перенаселением, особый риск возникает в крупных городах. Риски варьируются от прямого биологического или химического воздействия на персонал и до рисков для всего населения вследствие сжигания отходов или уничтожения токсичных материалов. «Нормальный», т.е. привычный, устоявшийся в данной конкретной среде метаболизм потока производства, потребления, утилизации веществ города в критических условиях войны меняется на форсированный. Результат успешного и быстрого восстановления города зависит от его изначальных ресурсов, разного вида капитала, несущей способности среды и инфраструктуры, которая способна или не способна выдержать критическое состояние. В критической ситуации (война, конфликты) появляются новые потоки веществ (материальных отходов) разной степени опасности, для которых необходимы дополнительные меры утилизации. Если инфраструктуры для переработки опасных отходов нет, то возникают риски воздействия веществ в долговременном и кратковременном отношении на биоту, атмосферу, гидросферу, литосферу, гидросферу. В зависимости от химического воздействия различных веществ, урон может быть нанесен генофонду популяций, снизить биоразнообразие, снизить плодородность земель, способствовать локальному и макро-изменению климата, утрату экосистемных услуг. Также отсрочка в утилизации опасных веществ снижает несущую способность среды, изымает негодные для землепользования участки территории, тем самым усиливая конкуренцию и повышая стоимость за оставшуюся землю и провоцируя дополнительные конфликты. Критическая ситуация

предполагает обострение процессов социальной аномии, социальной эксклюзии.

Заключение (Conclusions). Проблема отходов расширяет влияние на новые регионы мира, где наблюдается тенденция к увеличению объемов производства и будут расти урбанизированные территории. Анализ подходов управления показал, что схемы регулирования строятся от глобального направления к локальному, от центра к периферии, от национального уровня к региональному. В правовом отношении в мире наблюдается тенденция к стандартизации, где инициатива принятия правовых решений сосредоточена в регионах с более развитым экологическим правом. В экономике формируется глобальный рынок с распределением региональных ролей, стандартизированный перечень экономических инструментов регулирования.

Вторичный анализ глобальной и национальных программ на основе социально-экономических показателей позволил установить, что уровень жизни влияет на количество образуемых отходов (чем он выше, тем больше образуется мусорных масс), и здесь целесообразно разделить по практикам управления в соответствии с разным уровнем жизнеобеспечения. Было выявлено, что для стран с высоким, средним и низким уровнем доходов фракции образования отходов различны, так как чем ниже уровень жизни, тем меньше труднодоступных для переработки отходов образуется. Если для стран с высоким уровнем жизни основная проблема – это количество образования отходов, то для стран со средним уровнем – это проблемы организации схемы управления при достаточном объеме мусорных масс, пригодных для переработки. Страны с низким уровнем жизни испытывают недостаточность мощностей производства, утилизации и организации отходов как внутри государств, так же и являясь мишенью нелегального импорта отходов более обеспеченных стран. Тренды управления задают страны

¹Отходы в России: мусор или ценный ресурс? Сценарии развития сектора обращения с твердыми коммуналь-

ными отходами. Консультативные программы IFC в Европе и Центральной Азии. Программа по стимулированию инвестиций в ресурсоэффективность, 2015.

с развитой схемой управления. Мировая система распределяет не только региональные роли, но и строит систему экономической и экологической стратификации, что создает коалиции и сети коммуникаций, с одной стороны стремясь к экологической стандартизации в области охраны окружающей среды, с другой стороны – распределяя неравномерно социальные и экологические риски.

С точки зрения социологии управления, с практической точки зрения наиболее перспективны оказались разработки в области системной теории, основывающейся на контролируемом ограничении и устойчивом развитии (экономичное использование природного капитала, ресурсоэффективность, пересмотр концепции количества и качества роста населения). Это единственная теория, взятая за основу практического регулирования отходов. Теория энвйронментальной несправедливости и теории дифференциации носят прикладной характер к анализу агентов, институтов и коллективных действий. Поскольку сформировались разные виды дифференциаций внутри стран на мировой арене по отношению к отходам (ресурсная и производственная специфика государств, уровень развития, интерес по отношению к отходам), то качественное различие интересов необходимо изучить более подробно. Особый вид дифференциации, раскрывающийся здесь это энвйронментальное неравенство, которое состоит в разработке и защите прав разных слоев населения, в обеспечении доступности для них здоровой и безопасной среды, и так как загрязнения (отходы в широком смысле) влияют на качество жизни, энвйронментальное неравенство задает тренд для новых исследований. Для исследования изначальной точки существования социальных групп и единиц в разных условиях окружающей среды можно применить подсчет разнообразных рисков (социальных, экологических) для массового населения, чтобы обозначить ориентиры для корректировки нормативов в установлении безопасности, также теория рисков применима и для сложных инфраструктур, где можно осуществить анализ устойчивости городов и жилых

агломераций, а также анализ метаболизма жилых территорий.

Для социологии в теме отходов перспективны и микро-, и макро-исследования, исследующие глобальные сети с интересами культурных единиц (крупных и малых социальных групп), опросы общественного мнения относительно существующего уровня экокультуры, установок и ценностей, наблюдение и фиксация поведенческих паттернов.

В перспективе, в качестве междисциплинарной основы, может выступить системная теория, соединяющая социальный анализ (мир-система), анализ экологических проблем (социобиология, вопрос эволюции и выживания видов в разных условиях среды, просчет рисков разных социальных групп перед проблемой отходов), экономика (анализ энвйронментального неравенства, теории стратификации).

Список литературы

1. Яницкий О. Н. Социология риска. М.: LVS, 2003. 192 с.
2. Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспективы. М., 2011. С. 46-78.
3. Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ // Официальный сайт ИС РАН. 2013. 258 с.
4. Allesch A., Brunner P.H. Assessment methods for solid waste management: A literature review // *Waste Management & Research*, 2014. Vol. 30. Is. 6. Pp. 461-473.
5. Castells M. *The Theory of The Network Society*. Great Britain by MPG Books Ltd. Bodmin, Cornwall, 2006.
6. Davies A. *The geographies of garbage governance*. British Library Cataloguing in Publication Data, 2008.
7. Dias S. *Integrating Informal Workers into Selective Waste Collection: The Case of Belo Horizonte*. Brazil: WIEGO Policy Brief (Urban Policies). 2011. Is. 4.
8. Gentil E., Damgaard A., Hauschild M., et al. *Models for waste life cycle assessment: Review of technical assumptions*. *Waste Management*. 2010. Vol. 30. Is. 12. Pp 2636-2648.
9. *Managing municipal solid waste – a review of achievements in 32 European countries*. Copenhagen: EEA, 2013.

10. Marks K., Howden D. The world's rubbish dump: a tip that stretches from Hawaii to Japan. *The Independent*, 2008. Pp. 45-77.

11. Marshall R. E., Farahbakhsh K. Systems approaches to integrated solid waste management in developing countries // *Waste Management*. 2013. Vol. 33. Pp. 988-1003,

12. Mavropoulos A. Megacities Sustainable development and Waste Management in the 21th Century. World Congress. Hamburg: ISWA, 2010.

13. McGovern D. The Campo Indian Landfill War The Fight for Gold in California's Garbage, 2011.

14. Medina M. The informal recycling sector in developing countries – Organizing waste pickers to enhance their impact. Gridlines, 2008.

15. Medina M. Informal Recycling and Collection of Solid Wastes in Developing Countries: Issues and Opportunities. Tokyo: United Nations University. Institute of Advanced Studies Working Paper. 1997. Is. 24.

16. Medina M. Scavenging on the Border: A Study of the Informal Recycling Sector in City: Porrua. 1990.

17. Pellow D. Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago. The MIT Press, 2002, 246 p.

18. Schübeler P., Wehrle K., Christen J. Conceptual framework for municipal solid waste management in low-income countries. SKAT, St Gallen, Switzerland, SKAT. UMP/SDC Collaborative Programme on Municipal Solid Waste Management in Developing Countries. Urban Management Programme (UMP) Working Paper Series, 1996. No. 9. P. 59.

19. Oyebole Oluwadare Joshua. Solid Waste Management for Sustainable Development and Public health: A Case Study of Lagos State in Nigeria // *Universal Journal of Public Health*, 2013. Vol. 1. Is. 3. Pp. 33-39.

20. Veolia C. From waste to resource: an abstract of world waste survey. 2009. Pp. 34-78.

21. Van de Klundert A., Anschütz J. Integrated Sustainable Waste Management – the Concept. WASTE, Gouda, The Netherlands, 2001.

22. Wilson D. C., Velis C. A., Rodic L. Integrated sustainable waste management in developing countries. // *Proceedings of the Institution of Civil Engineers. Waste and Resource Management*, 2013. Vol. 166. Is. 2. Pp. 52-68.

References

1. Yanitsky, O. N. (2003), *Sociologiya riska* [Sociology of risk], LVS, Moscow, Russia. (in Russian).

2. Yanitskiy, O. N. (2011), *Ehkomodernizaciya Rossii: teoriya, praktika, perspektivy* [Ecological modernization of Russia: theory, practice, prospects]. Moscow, Russia, 46-78. (in Russian).

3. Yanitsky, O. N. (2013), *Ehkologicheskie katastrofy: strukturno-funktionalnyj analiz* [Ecological catastrophes: structural and functional analysis], *Institute of Sociology RAS*, Moscow, Russia. (in Russian).

4. Allesch, A. and Brunner P. H. (2014), "Assessment methods for solid waste management", *Waste Management & Research*, 30 (6), 461-473.

5. Castells, M. (2006), *The Theory of The Network Society*. Great Britain by MPG Books Ltd, Bodmin, Cornwall, United Kingdom.

6. Davies, A. (2008), "The geographies of garbage governance", *British Library Cataloging in Publication Data*.

7. Dias, S. (2011), "Integrating Informal Workers into Selective Waste Collection: The Case of Belo Horizonte", WIEGO Policy Brief (Urban Policies), (4), Brazil.

8. Gentil, E., Damgaard A. and Hauschild M., et al. (2010), "Models for waste life cycle assessment: Review of technical assumptions", *Waste Management*, 30 (12), 2636-2648.

9. Managing municipal solid waste – a review of achievements in 32 European countries (2013), EEA, Copenhagen, Denmark.

10. Marks, K. and Howden, D. (2008), "The world's rubbish dump: a tip that stretches from Hawaii to Japan". *The Independent*, 45-77.

11. Marshall, R. E. and Farahbakhsh, K. (2013), "Systems approach to integrated solid waste management in developing countries", *Waste Management*, 33, 988-1003.

12. Mavropoulos, A. (2010), "Megacities Sustainable Development and Waste Management in the 21th Century", *World Congress*, ISWA, Hamburg, Germany.

13. McGovern, D. (2011), *The Campo Indian Landfill War the Fight for Gold in California's Garbage*.

14. Medina, M. (2008), The informal recycling sector in developing countries – Organizing waste pickers to enhance their impact, Gridlines.

15. Medina, M. (1997), "Informal Recycling and Collection of Solid Wastes in Developing Countries: Issues and Opportunities", *United Nations University, Institute of Advanced Studies*, Tokyo, Japan, 24.

16. Medina, M. (1990), *Scavenging on the Border: A Study of the Informal Recycling Sector in City, Porrua, Spain*.

17. Pellow, D. (2002), *Garbage wars: the struggle for environmental justice in Chicago*, The MIT Press, Chicago, USA.

18. Schübeler, P., Wehrle K. and Christen J. (1996), *Conceptual framework for municipal solid waste management in low-income countries*, SKAT, St Gallen, Switzerland, SKAT. UMP / SDC Collaborative Program on Municipal Solid Waste Management in Developing Countries. Urban Management Program (UMP) Working Paper Series, (9), 59.

19. Oyeboode O. J. (2013), "Solid Waste Management for Sustainable Development and Public Health: A Case Study of Lagos State in Nigeria", *Universal Journal of Public Health*, 1 (3), 33-39.

20. Veolia, C. (2009), *From waste to resource: an abstract of world waste survey*, 34-78.

21. Van de Klundert, A. J. (2001), "Anschütz", *Integrated Sustainable Waste Management - the Concept*. WASTE, Gouda, Netherlands.

22. Wilson, D. C., Velis C. A. and Rodic L. (2013) "Integrated sustainable waste management in developing countries. Proceedings of the Institution of Civil Engineers", *Waste and Resource Management*, 166 (2), 52-68.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Ермолаева Юлия Вячеславовна, младший научный сотрудник Института социологии РАН.

Yulia V. Ermolaeva, Junior Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.